

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
: СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Р. Г. СКРЫННИКОВ

САМОЗВАНЦЫ В РОССИИ в начале XVII века

Григорий Отрепьев

Ответственный редактор А. П. ДЕРЕВЯННО
2-е издание, исправленное и дополненное

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ .
1990

Рецензенты

академик Д. С. Лихачев
доктор исторических наук В. В/ Маеродин

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Скрынников Р. Г.

С45 Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. —
Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990,— (Страницы истории нашей Родины).— 238 с.
ISBN 5-02-029629-5

В книге дается целостная картина сложной социально-политической борьбы, развернувшейся в Русском государстве на начальном этапе гражданской войны — в 1603 — 1606 годах. На основе новых источников автор уточняет многие события Смуты. В центре повествования — Лжедмитрий I, которого автор отождествляет с Григорием Отрепьевым. Проблема самозванцев получает в книге новое решение. Основное внимание уделено раскрытию социальных корней самозванщины.

Автор приводит яркие биографические сведения о Лжедмитрии I, дает объективную оценку его роли, в событиях Смуты.

Первое издание книги вышло в 1987 году.

Книга представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей,

© Издательство «Наука», 1987

© Р. Г. Скрынников, 1990

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Конец законной династии ..	9
Глава 2. Розыск о самозванце	18
Глава 3. Жизнь Юрия Отрепьева	26
Глава 4. Похождения в Литве	35
Глава 5. Рождение интриги	41
Глава 6. Правление Годунова	48
Глава 7. Вероотступник	65
Глава 8. Вторжение	81
Глава 9. Мятеж в степных городах	101
Глава 10. В путивльском лагере	109
Глава 11. Конец царствования Бориса	118
Глава 12. Мятеж под Кронами	124
Глава 13. Переворот в столице	140
Глава 14. Бояре и самозванец	149
Глава 15. Правление Лжедмитрия	169
Глава 16. Боярский заговор	191
Глава 17. Гибель самозванца	200
Примечания	230
Список литературы	235
Список сокращений	236

Введение

Процесс объединения русских земель вокруг Москвы привел в конце XV века к образованию единого Русского государства. Преодоление феодальной раздробленности дало возможность русским сбросить монголо-татарское иго и возродить независимое государство. Монгольская власть потерпела крушение, Золотая Орда распалась.

В XVI веке Россия пережила экономический расцвет и добилась крупных внешнеполитических успехов. В правление Ивана Грозного русские войска сокрушили Казанское и Астраханское ханства и укрепились в Нижнем Поволжье. Ермак с казаками разгромил хана Кучума в Зауралье и положил начало присоединению Сибири к России. В ходе кровопролитной Ливонской войны Русское государство заняло ряд морских портов в Прибалтике и основало «нарвское мореплавание», связавшее страну с Западной Европой по кратчайшим морским путям. Но война за Балтику кончилась поражением. Россия утратила все завоевания в Ливонии.

В начале XVII века Русское государство вступило в полосу экономического упадка, внутренних раздоров и военных неудач. Настало Смутное время, ввергшее народ в пучину бедствий. Государство пережило национальную катастрофу. Оно стояло на грани распада. Внутренний конфликт подорвал силы огромной державы. Враги захватили крупнейшие пограничные крепости страны — Смоленск и Новгород, а затем заняли Москву. Бедствия породили широкое народное движение. В лихую годину проявились лучшие черты русского народа — его стойкость, мужество, беззаветная преданность Родине, готовность ради нее жертвовать жизнью. В час смертельной опасности народные массы встали на защиту Родины и отстаивали ее независимость.

В событиях начала XVII века участвовали все сословия, и каждое выдвинуло своих вождей. Из среды боярства вышли такие яркие фигуры, как Федор-Филарет Романов и Михаил Скопин-Шуйский. Дворянство дало стране Дмитрия Пожарского и Прокопия Ляпунова, вольные каздки — Ивана Болотникова и Ивана Заруцкого, посадские люди — Кузьму Минина, духовенство — патриарха Гермогена и целую плеяду самозванцев.

Бедствия Смутного времени потрясли ум и душу русских людей. Современники винили во всем проклятых самозванцев, посыпавшихся на страну как из мешка. В самозванцах видели польских ставленников, орудие иноземного вмешательства. Но то была лишь полуправда. Почву для самозванства подготовили не соседи России, а глубокий внутренний недуг, поразивший русское общество.

В правление Бориса Годунова дворянство добилось отмены Юрьева дня. Испокон веку русский крестьянин, уплатив рубль «пожилого» (пошлина за «выход»), мог покинуть своего землевладельца в последние дни осени и по первому санному пути отправиться на новые земли в поисках лучшей доли. Осенний Юрьев день был для земледельца светом в окошке. В конце XVI века на крестьянские переходы был наложен запрет, или, как тогда говорили, «заповедь» (отсюда — «заповедные лета»). Поначалу ни помещики, ни крестьяне не предвидели, к каким последствиям приведет отмена выхода в Юрьев день. Все думали, что введение заповедных лет — мера временная. Крестьян тешили надеждой, что им надо подождать совсем недолго — до «государевых выходных лет», и их жизнь потечет по старому руслу. Но шли годы, и крестьяне начинали понимать, что их жестоко обманули. Тогда-то в русских деревнях и родилась полная горечи поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Столкновение интересов феодального государства и дворянства, с одной стороны, закрепощенных крестьян, тяглых посадских людей, холопов и других групп зависимых людей — с другой, явилось источником феодального кризиса, породившего Смуту.

Коллизии гражданской войны затронули не только низы, но и верхи русского общества. От времен феодальной раздробленности Россия унаследовала могущественную аристократию, представительным органом которой была Боярская дума. Московские государи принуждены были делить власть со своими боярами. Опираясь на опричнину и дворян, Иван IV попытался избавиться от опеки Боярской думы и ввести самодержавную систему управления. Могущество знати было поколеблено, но не сломлено опричниной. Знать ждала своего часа. Этот час пришел, едва настало Смутное время.

Дробление древних боярских вотчин сопровождалось увеличением численности феодального сословия и одновременно резким ухудшением материального положения его низших слоев. Подле знати, владевшей крупными земельными богатствами, появился слой измельчавших землевладельцев — детей боярских. Кризис феодального сословия был преодолен благодаря созданию на рубеже XV—XVI веков поместной системы. Ее развитие открыло мелким служилым людям путь к земельному, обогащению и способствовало формированию дворянства, значительно усилившего свои позиции в XVI веке. Крупные фонды вотчинных земель сохранились в Центре, тогда как поместье получило наибольшее распространение в Новгороде, на южных и западных окраинах государства.

К началу XVII века поместье подверглось такому же дроблению, как и боярские вотчины в XV веке. Численность феодалов вновь увеличилась, тогда как фонды поместных земель остались прежними. На этот раз кризис приобрел более глубокий характер. Низкие и наиболее многочисленные прослойки поместного дворянства оказались затронуты процессом социальной деградации. Оскудевшие помещики не могли более служить в конных полках («конно, людно и оружно») и переходили в разряд детей боярских — пищальников. Многие из таких пищальников не имели крепостных крестьян, а часто и холопов, сами обрабатывали землю, т. е. фактически выбывали из феодального сословия. Не случайно главными очагами гражданской войны на первом ее этапе стала Рязанская и Путивльская «украины», где процесс дробления поместья протекал весьма интенсивно. Во вновь присоединенных южных уездах (Елец, Белгород, Валуйки и др.) власти спешили организовать поместную систему, чтобы создать себе опору в лице степных помещиков. Наряду с безземельными детьми боярскими поместья в «диком поле» получали казаки, крестьянские дети и прочие разночинцы. На юге не было ни возделанных под пашню земель, ни крепостных крестьян,

и потому к началу гражданской войны поместная система не успела пустить тут глубокие корни. Новые помещики принуждены были сами «раздирать» ковыльную степь. В ряде уездов их привлекали к отбыванию барщины на государевой десятинной пашне. Как и многие рязанские дети боярские, большинство южных помещиков служили пищальниками в местных гарнизонах.

Кризис феодального сословия стал одним из главных факторов гражданской войны в России. Но значение его до сих пор недостаточно изучено.

Вторжение самозванца, принявшего имя младшего сына Грозного — Дмитрия, положило начало новому этапу в развитии Смуты.

Истории самозванства посвящена обширная литература. Первоначально все внимание историков было сосредоточено на вопросе о том, кто скрывался под личиной Лжедмитрия I. Большинство историков придерживалось мнения, что имя сына Грозного принял беглый чудовский монах Григорий Отрепьев. Но самый крупный знаток Смутного времени С. Ф. Платонов пришел к заключению, что вопрос о личности самозванца не поддается решению. Подводя итог своим наблюдениям, историк с некоторой грустью писал: «Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта»¹.

Столь же осторожной была точка зрения В. О. Ключевского. Как отметил этот историк, личность неведомого самозванца остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто другой, хотя последнее менее вероятно. Анализируя ход Смуты, В. О. Ключевский с полным основанием утверждал, что важна была не личность самозванца, а роль, им сыгранная, и исторические условия, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу².

Советские историки сконцентрировали усилия на изучении острого социального кризиса начала XVII века, породившего самозванчину, тогда как вопрос о происхождении самозванцев оставался в тени. М. Н. Покровский рассматривал Лжедмитрия I как крестьянского царя. И. И. Смирнов отверг эту оценку и высказал мысль, что выступления низов в пользу «добротого царя» Дмитрия в начале XVII века явились выражением «царистской» идеологии угнетенных масс, выступавших против феодального гнета. Будучи неспособными сформулировать программу нового политического устройства, выходящую за рамки традиционного монархического строя, угнетенные добивались свержения плохого царя и замены его добрым, способным защитить народ от притеснений «лихих бояр» и оградить от социальной несправедливости. Лозунг «хорошего царя», как считает И. И. Смирнов, представлял собой своеобразную крестьянскую утопию.

По мнению И. И. Смирнова, события начала XVII века, по существу, были первой крестьянской войной в России. Но если он датировал эту войну 1606—1607 годами, то А. А. Зимин взялся доказать, что крестьянская война началась в 1603 году и продолжалась до 1614 года³. Приняв эту концепцию, В. И. Корецкий стал рассматривать события, связанные с вторжением Лжедмитрия I в Россию в 1604—1605 годах, как особый этап гражданской войны. Свое мнение он подтвердил двумя наблюдениями: во-первых, Лжедмитрий I был вынесен на престол «волной крестьянского движения, к которому примкнули на время и южные помещики»; во-вторых, самозванец после воцарения предпринял «попытку восстановления Юрьева дня в России»⁴. Концепция антифеодальной крестьянской войны оказала решающее влияние на анализ идеологии и практики самозванства начала XVII века.

К. В. Чистов рассматривал самозванство в России «как проявление определенных качеств социальной психологии народных масс, ожидавших прихода „избавителя“», как одну «из специфических и устойчивых форм антифеодального движения» в России в XVII веке. Закрепощение крестьян и ухудшение их положения в конце XVI века, резкие формы борьбы Ивана Грозного с боярством, политика церкви, окружившей престол ореолом святости, — вот некоторые факторы, благоприятствовавшие широкому распространению в народе легенды о пришествии царя-избавителя. «В истории легенды о Дмитрие, — писал

К. В. Чистов,- вероятно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что угличский царевич был сыном Ивана Грозного и мог мыслиться как „природный" продолжатель его борьбы с боярами, ослабевшей в годы царствования Федора»⁵.

Английская исследовательница М. Перри проследила истоки формирования фольклорного образа Ивана IV как грозного, но справедливого царя и подтвердила вывод о том, что фольклорная традиция оказала влияние на возникновение веры в пришествие «добротого царя» в лице царевича Дмитрия. М. Перри поставила под сомнение тезис о существовании в начале XVII века цикла социально-утопических легенд о царях-избавителях, выражавших антифеодалные чаяния народа. По ее мнению, в народных восстаниях Смутного времени явно доминировала монархическая идеология, так что самозванство было связано не с социально-утопическими легендами, а с идеей народного монархизма⁶.

Анализ событий начала XVII века привел автора этих строк к выводу, что концепция крестьянской войны не выдерживает проверки фактами. Даже восстание И. И. Болотникова 1606—1607 годов не укладывается в жесткую схему крестьянской войны⁷. В силу своеобразного положения крестьяне значительно дольше других сословий сохраняли веру в «добротого» царя. Однако это не значит, что вера в пришествие «хорошего» царя возникла как своеобразная крестьянская утопия. В начале XVII века такая вера распространилась не только среди угнетенных низов — крестьян, холопов и пр., но и в других социальных слоях и группах, включая казаков, стрельцов, торговое население городов, наконец, служилых детей боярских, для которых царская власть была источником всех благ.

Попытаемся подробнее исследовать исторические условия, вызвавшие к жизни самозванство — одно из самых удивительных явлений русской средневековой истории, порожденных обстановкой гражданской войны.

Глава 1.

Конец законной династии

Династия Ивана Калиты, внука Александра Невского, правила Московским государством в течение почти трехсот лет. Основы ее могущества были заложены в то время, когда над Русью тяготело проклятие татарского ига. При Иване III в конце XV века Россия наконец освободилась от господства иноземных завоевателей. Иван Грозный, внук Ивана III, довершил разгром татарских ханств, образовавшихся на развалинах Золотой Орды. Рухнули Казанское и Астраханское ханства. Земли в низовьях Волги, на которых чужеземные завоеватели некогда основали столицу Золотой Орды, оказались навсегда и бесповоротно включены в состав единого Русского государства. Вслед за этим Россия нанесла сокрушительный удар Крымской орде, положив конец разорительным набегам крымцев на Москву. В Ливонской войне Иван IV не добился успеха. Но поражение не могло уничтожить популярность, приобретенную им в годы «казанского взятия».

В народной памяти Иван IV остался грозным, но справедливым государем. То, что царь пролил немало крови своих подданных, ничего не меняло. Обездоленные низы винили во всех бедах «лихих» бояр и приказных чиновников — своих притеснителей, но не православного государя, стоявшего на недоступной взору высоте. Государь сам казнил изменников-бояр, всенародно объявлял их вины и даже обращался к народу за одобрением своих действий. Помимо того, Иван IV не раз жестоко наказывал приказных судей, уличенных во взятках и мошенничестве. В глазах народа Иван IV был не только представителем законной династии Ивана Калиты, но и последним царем, пры котором масса народа — феодально-зависимые крестьяне — пользовались нравом выхода в Юрьев день.

Бедствия, обрушившиеся на страну при Годунове в начале XVII века, придали особую прелесть воспоминаниям о благоденствии России при «хорошем» царе Иване

Васильевиче. Чем мрачнее становилось время, чем меньше оставалось надежд, тем пышнее расцветали всевозможные утопии.

Иван IV был последним потомком Калиты, имевшим многочисленную семью. Его первая жена, Анастасия Романова, родила трех сыновей — Дмитрия, Ивана, Федора и нескольких дочерей. Вторая царица, Мария Темрюковна, родила сына Василия, последняя жена, Мария Нагая,— сына Дмитрия. Все дочери Грозного, как и царевич Василий, умерли в младенческом возрасте. Оба Дмитрия — первенец царя и его младший сын — погибли из-за несчастной случайности. Царевич Иван Иванович, достигший двадцатисемилетнего возраста и объявленный наследником престола, умер от нервного потрясения, претерпев жестокие побои от отца. Единственный внук Грозного появился на свет мертворожденным, и в этом случае виновником несчастья оказался царь, подверженный страшным припадкам ярости. Род Грозного был обречен на исчезновение. Причиной послужило не только несчастное стечение обстоятельств, но и факторы природного характера. Браки внутри одного и того же круга знатных семей имели отрицательные биологические последствия. Уже в середине XVI века стали явственно видны признаки вырождения царствующей династии. Брат Ивана IV Юрий Васильевич, глухонемой от рождения, умер без потомства. Сын Грозного царь Федор Иванович был слабоумным и хилым и тоже не оставил детей. Младший сын царя Ивана Дмитрий страдал эпилепсией. Шансы на то, что царевич доживет до зрелых лет и оставит наследника, были невелики. Но как первенцу Грозного — Дмитрию-старшему, так и его младшему сыну Дмитрию суждена была нечаянная и преждевременная смерть.

Царевич Дмитрий-старший родился тотчас после взятия Казани. Благочестивый отец, поклявшийся в случае победы совершить паломничество в Кириллов монастырь на Белоозере, взял в путешествие новорожденного младенца. Родня царевича бояре Романовы сопровождали богомольца и в дни путешествия бдительно следили за неукоснительным соблюдением церемониала, подчеркивавшего их высокое положение при дворе. Где бы ни появлялись нянька с царевичем на руках, ее неизменно поддерживали под руки двое бояр Романовых. Царская семья путешествовала на богомолье в стругах. Боярам случилось однажды вступить вместе с кормилицей на шаткие сходни струга. Все тут же упали в воду. Для взрослых купание в реке не причинило вреда. Младенец же Дмитрий захлебнулся, и откачать его так и не удалось. В честь первенца Иван IV назвал именем Дмитрий младшего сына.

Умирая, царь передал трон любимому сыну Федору, а Дмитрию выделил удельное княжество со столицей в Угличе. Федор отпустил младшего брата на удел «с великой честью», «по царскому достоянию». В проходах участвовали бояре, двести дворян и несколько стрелецких приказов. Царице было назначено содержание, приличествовавшее ее сану. Но никакие почести не смогли смягчить унижение вдовствующей царицы. Удаление Нагих из столицы за неделю до коронации Федора имело символическое значение. Власти не пожелали, чтобы вдова-царица и ее сын присутствовали на коронации в качестве ближайших родственников царя.

Прошло несколько лет, и Борис Годунов, управлявший государством от имени недееспособного Федора, прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского. Дьяк был наделен самыми широкими полномочиями. Фактически царевич Дмитрий и его мать царица Мария Нагая лишились почти всех прерогатив, которыми они обладали в качестве удельных владык. Битяговский контролировал все доходы, поступающие в удельную казну.

Дмитрий-младший погиб в Угличе 15 мая 1591 года. Согласно официальной версии, он нечаянно нанес себе рану, которая оказалась смертельной. Комиссия боярина Шуйского, расследовавшая дело по свежим следам, пришла именно к такому заключению. «Обыск» (следственное дело) Шуйского сохранился до наших дней. Но вид неловко разрезанных и склеенных листов давно вызывал подозрения у историков.

По слухам, царевич Дмитрий был злодейски зарезан людьми, подосланными Борисом Годуновым. Версия насильственной смерти Дмитрия получила официальное признание при царе Василии Шуйском и при Романовых, Она оказала огромное влияние на историографию. Это влияние сказывается и по сей день.

Смерть Дмитрия Угличского сопровождалась бурными событиями. В Угличе произошло народное восстание. Подстрекаемые царицей Марией и Михаилом Нагим угличане разгромили Приказную избу, убили государева дьяка Битяговского, его сына и др. Четыре дня спустя в Углич прибыла следственная комиссия. Она допросила сто сорок свидетелей. Протоколы допросов, а также заключение комиссии о причинах смерти Дмитрия сохранились до наших дней. Однако существует мнение, что основная часть угличских материалов дошла до нас в виде белой копии, составители которой то ли ограничились просто перепиской имевшихся в их распоряжении черновых документов, то ли произвели из них некую выборку, а возможно, и подвергли редактированию. Тщательное палеографическое исследование текста «обыска», проведенное сначала В. К. Клейпом, а затем Л. П. Богдановым, в значительной мере рассеивает подозрения насчет сознательной фальсификации следственных материалов в момент составления их белой копии¹. Основной материал переписан семью разными почерками. Входившие в комиссию подьячие прополи обычную работу по подготовке следственных материалов к судопроизводству. В подавляющем большинстве случаев показания свидетелей-угличан отличались краткостью, и подьячие, записав их, тут же предлагали грамотным свидетелям приложить руку. По крайней мере двадцать свидетелей подписали на обороте свои «речи». Их подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности, довольно точно соответствовавшую их общественному положению и роду занятий. В следственную комиссию вошли очень авторитетные лица, придерживавшиеся разной политической ориентации. Скорее всего, по инициативе Боярской думы руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. Его помощником стал окольный А. П. Клешпип. Он поддерживал дружбу с правителем, хотя и доводился зятем Григорию Нагому, состоявшему при царице Марии в Угличе. Вся практическая организация следствия лежала на главе Поместного приказа думном дьяке Е. Вылузгине и его подьячих. По прошествии времени следователь В. Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Составленный следственной комиссией «обыск» сохранил не одну, а по крайней мере две версии гибели царевича Дмитрия. Версия насильственной смерти всплыла в первый день дознания. Наиболее энергично ее отстаивал дядя царицы Марии Михаил Нагой. Он же назвал убийц Дмитрия: сына Битяговского — Данилу, его племянника — Никиту Качалова и др. Однако Михаил не смог привести никаких фактов в подтверждение своих обвинений. Его версия рассыпалась в прах, едва заговорили другие свидетели. Когда позвонили в колокол, показала вдова Битяговского, «муж мой Михайло и сын мой в те поры ели у себя на подворьишке, а у него ел священник... Богдан», Поп Богдан был духовником Григория Нагого и изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев, утверждая, что те не причастны к убийству дьяка, погубленного посадскими людьми. Хотя показания попа откровенностью не отличались, сп простодушно подтвердил перед Шуйским, что обедал за одним столом с Битяговским и его сыном, когда в городе ударили в набат. Таким образом, в минуту смерти царевича его «убийцы» мирно обедали у себя в доме вдалеке от места преступления. Они имели стопроцентное алиби. Преступниками их считали только сбитые с толку люди.

Показания свидетелей позволяют выяснить еще один любопытный факт: Михаил Нагой не был очевидцем происшествия. Он прискакал во дворец «пьян на коне», «мертв пьян», после того как ударили в колокол. Протрезвев, Михаил осознал, что ему

придется держать ответ за убийство дьяка, представлявшего в Угличе особу царя. В ночь перед приездом Шуйского он велел преданным людям разыскать несколько ножей и палицу и положить их па трупы Битяговских, сброшенные в ров у городской стены. Комиссия, расследовавшая дело по свежим следам, без труда разоблачила этот подлог. Городовой приказчик Углича Русин Раков показал, что он взял у посадских людей в Торговом ряду два ножа и принес их к Нагому, а тот велел слуге зарезать курицу и вымазать ее кровью оружие. Михаил Нагой был изобличен, несмотря на запирательство. На очной ставке с Раковым слуга Нагого, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. Михаила Нагого окончательно выдал брат Григорий, рассказавший, как он доставал из-под замка «ногайский коне» и как изготовлены были другие «улики».

Версия нечаянного самоубийства Дмитрия исходила от непосредственных очевидцев происшествия. В полдень 15 мая царевич под наблюдением взрослых гулял с ребятами па заднем дворе и играл ножичком в тычку. При нем находились боярыня Волохова, кормилица Арина Тучкова, ее сын Бажепко, молочный брат царевича, постельница Марья Колобова, ее сын Петрушка и еще два жильца (придворные служители, отобранные в свиту царевича из числа его сверстников). Шуйский придавал показаниям мальчиков исключительное значение и допрашивал их с особой тщательностью. Прежде всего он выяснил, «кто в те поры за царевичем были». Жильцы отвечали, что «были за царевичем в те поры только они, четыре человеку, да кормилица, да постелшца». На заданный «и лоб» вопрос, «были ли в те поры за царевичем Осип Волохов и Данило Битяговский», они дали отрицательный ответ. Мальчики прекрасно знали людей, о которых их спрашивали (сын дьяка был их сверстником, а Волохов и Качалов служили жильцами в свите царевича и были постоянными товарищами их игр). Они кратко, точно и живо рассказали о том, что произошло на их глазах: «...играл-де царевич в тычку ножичком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож»².

Может быть, мальчики сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому? Такое предположение убедительно опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора — под-ключники Ларионов, Иванов и Гнидйн — показали следующее: когда царица села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажио, деи, бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился, деи, царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла, деи, на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом сам и оттого умер». Итак, Петрушка Колобов сообщил комиссии то же самое, что и дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили Марья Колобова, мамка Волохова и кормилица Тучкова. Свидетельство кормилицы отличалось удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «...она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...»

Спустя некоторое время нашелся восьмой очевидец гибели царевича. Приказной царицы Протопопов на допросе показал, что услышал о смерти Дмитрия от ключника Толубеева. Ключник, в свою очередь, сослался на стряпчего Юдина. Всем троим тотчас устроили очную ставку. В результате выяснилось, что в полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и от нечего делать смотрел в окно, выходящее на задний двор. По словам Юдина, царевич играл в тычку и накололся на нож, а «он (Юдин.- *Р. С.*)... в те поры стоял у поставца, а то видел»³, Юдин знал, что Нагие толковали об убийстве, и благоразумно решил уклониться от дачи показаний следственной комиссии. Если бы его не вызвали на допрос, он так ничего бы и не сказал,

Версия нечаянной гибели царевича содержит два момента, каждый из которых поддается всесторонней проверке. Во-первых, болезнь Дмитрия, которую свидетели

называли «черным недугом», «падучей болезнью», «немочью падучею». Судя по описаниям припадков и их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали свидетели, «прежде тово... на нем (царевиче.— *Р. С.*) была ж та болезнь по месяцем безпрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до его кончины. Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич во время приступа «объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и, он в те поры ест в нецывенье за что попадетца». О том же говорила и вдова Битяговского: «Многажды бывало, как ево (Дмитрия.— *Р. С.*) станет бите тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой, и кормилица, и боярони, и он... им руки кусал шш, за что ухватил зубом, то объест»⁴.

Последний приступ ооияепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник. На третий день царевичу «маленько стало полехче», и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ.

Во-вторых, согласно версии о самоубийстве, царевич в момент приступа забавлялся с ножичком. Свидетели описали забалу подробнейшим образом: царевич «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваею (остроконечный нож.— *Р. С.*) в кольцо». Правила игры были несложными; в очерченный на земле круг игравшие поочередно втыкали нож, который следовало взять за острое лезвием вверх и метнуть так ловко, чтобы он, описав в воздухе круг, воткнулся в землю торчком. Следовательно, когда с царевичем случился припадок, в руках у него был остроконечный нож. Жильцы, стоявшие подле Дмитрия, показали, что он «набросился на нож». Василиса Волохова описала случившееся егдэ точнее: «...бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло». Остальные очевидцы утверждали, что царевич напоролся на нож, «бьючися» или «летячи» на землю. Таким образом, все очевидцы гибели Дмитрия единодушно утверждали, что эпилептик уколол себя в горло, и расходились только в одном: в какой именно момент царевич уколол себя ножом — при падении или во время конвульсий на земле. Могла ли небольшая рана повлечь за собой гибель ребенка? На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. При повреждении одного из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Прокол яремной вены влечет за собой почти мгновенную смерть, при кровотечении из сонной артерии агония может затянуться.

После смерти Дмитрия Нагие сознательно распространили слух о том, что царевича зарезали подосланные Годуновым люди. Правитель Борис Годунов использовал первый же подходящий случай, чтобы предать Нагих суду. Таким случаем явился пожар Москвы. Обвинив Нагих в поджоге столицы, власти заточили Михаила Нагого и его братьев в тюрьму, а вдову Грозного насильно постригли и отправили «в место пусто» — на Белоозеро.

В момент смерти Дмитрия никто из современников не подозревал о том, что десять лет спустя «убиенному младенцу» суждено будет стать героем народной утопии.

Выбор имени первого на Руси «доброе царя» — героя легенды — был во многих отношениях случайным. Даже среди столичного народа очень немногие видели младшего сына Грозного. В небольшом городе Угличе его знали лучше. Но там очень многим было известно, что царевич унаследовал от отца его жестокость. Дикие забавы Дмитрия приводили в смущение современников. Восемилетний мальчик приказывал товарищам игр лепить снежные фигуры, называл их именами первых бояр в государстве, а затем рубил им головы или четверговал. Дворянские писатели осуждали подобные «детские глумления». Однако в народе жестокость по отношению к «лихим» боярам воспринималась совсем иначе. Дмитрий обещал стать таким же хорошим царем, как и его отец, Подверженные суевериям современники считали, что больные эпилепсией («черным

недугом») одержимы нечистой силой. Царевич Дмитрий страдал жестокой эпилепсией. Но это не помешало развитию легенды о добром царевиче. Борис Годунов запретил помянуть имя Дмитрия в молитвах о здравии членов царской семьи на том основании, что царевич, рожденный в шестом браке, был, по тогдашним представлениям, незаконнорожденным. Но в годы Смуты об этом забыли.

Смерть Дмитрия вызвала многочисленные толки в народе. Однако в Москве правил законный царь, и династический вопрос никого не занимал. Но едва царь Федор умер и династия Калиты пресеклась, имя Дмитрия вновь появилось на устах.

Глава 2.

Розыск о самозванце

В период короткого междуцарствия после смерти Федора литовские лазутчики подслушали в Смоленске и записали молву, в которой можно было угадать все последующие события Смутного времени. Толки были на редкость противоречивыми. Одни говорили, будто в Смоленске были подобраны письма от Дмитрия, известившие жителей, что «он уже сделался великим князем» на Москве. Другие толковали, что появился не царевич, а самозванец, «во всем очень похожий на покойного князя Дмитрия». Борис будто бы хотел выдать самозванца за истинного царевича, чтобы добиться его избрания на трон, если не захотят избрать его самого.

Молва, подслушанная в Смоленске, носила недостоверный характер. Боярин Нагой, говоря о смерти Дмитрия, будто бы сослался на мнение своего соседа «астраханского тиуна» (слуги) Михаила Витяговского. «Тиуна» вызвали в Москву и четвертовали после того, как он под пыткой признался, будто сам убил Дмитрия¹.

Лазутчики записали, скорее всего, толки престоляродья, имевшего самые смутные представления о том, что происходило в столичных верхах. Низы охотно верили слухам, порочившим правителя Бориса Годунова и проникнутым живым сочувствием к Ромаиовым. Может быть, их распускали сами Романовы или близкие к ним люди? Ответить на этот вопрос трудно. В народных толках о младшем сыне Грозного невозможно уловить никаких похвал в его адрес. О том, что царевич жив, говорили как бы мимоходом, без упоминаний о его достоинствах, законных правах и пр. Куда подробнее обсуждали вторую версию, согласно которой «Дмитрий» был самозванцем и пешкой в политической игре правителя.

Итак, борьба за обладание тронном и вызванные ею политические страсти, а не крестьянская утопическая идея о «добром царе» оживили тень Дмитрия. После избрания Бориса на трон молва о самозванном царевиче смолкла. Зато слух о спасении истинного Дмитрия — «добротого царя» — в пароде получил самое широкое распространение. Служилый француз Я. Маржарет, прибывший в Москву в 1600 году, отметил в своих записках: «Прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он (Борис.— Р. С.) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу»².

Оживление толков о Дмитрие едва ли следует связывать с заговором Романовых. Эти бояре пытались заполучить корону в качестве ближайших родственников последнего законного царя Федора. Появление «законного» наследника могло помешать осуществлению их планов. Совершенно очевидно, что в 1600 году у Романовых было столь же мало оснований готовить самозванца Дмитрия, как у Бориса Годунова в 1598 году.

Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покйнчить с ними для Годунова было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва о спасении младшего сына Грозного проникла в народную толпу, и потому никакие гонения не могли искоренить ее. Народные толки и ожидания создали почву для появления самозванца. В свою очередь, деятельность самозванца оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие народных утопий.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602—1603 годах. Им немедленно заинтересовался Посольский приказ. Не позднее августа 1603 года Борис обратился к первому покровителю самозванца князю Острожскому с требованием выдать «вора». Но «вор» уже переселился в имение Адама Вишневецкого.

Неверно мнение, будто Годунов назвал самозванца первым попавшимся именем. Разоблачению предшествовало самое тщательное расследование, после которого в Москве объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру — Юрий Отрепьев.

Московским властям нетрудно было установить историю беглого чудовского монаха. В Галиче жила вдова Варвара Отрепьева, мать Григория, а родной дядя Смирной Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин. Смирной преуспел при новой династии и выслужил чин стрелецкого головы. Накануне бегства племянника он был «голова у стрельцов». Как только в ходе следствия всплыло имя Отрепьева, царь Борис вызвал Смирного к себе. Власти использовали показания Смирного и прочей родни Отрепьева и в ходе тайного расследования, и при публичных обличениях «вора». Как значилось в Разрядных книгах, Борис прислал в Литву «в гонцах на обличенье тому вору ростриге дядю ево родного галеченина Смирного Отрепьева». Современник Отрепьева троицкий монах Авраамий Палицын определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя и, наконец, «род его галичане вси»³.

Московские власти сконцентрировали внимание на двух моментах биографии Отрепьева: его насильственном пострижении и соборном осуждении «вора» в московский период его жизни. Но в их объяснениях по этим пунктам были серьезные неувязки. Одна версия излагалась в дипломатических наказах, адресованных польскому двору. В них значилось буквально следующее: Юшка Отрепьев, «як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зерню, и бражничал, и бегал от отца многожда, и заворовався, постригсе у черницы...»⁴.

Нетрудно установить, с чьих слов был составлен этот убийственный отзыв о Юрии Отрепьеве. Незадолго до отправки наказа в Польшу в Москву вернулся Смирной Отрепьев, ездивший за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с Григорием-Юрием. Очевидно, он и был автором назидательной новеллы о беспутном дворянском сынке.

Юшка отверг сначала родительский авторитет, а потом авторитет самого бога. После пострижения он «отступил от бога, впал в ересь и в чорнокнижье, и оризыване духов нечистых и отъреченья от бога у него выняли». Узнав об этих преступлениях, патриарх осудил его на пожизненное заключение в тюрьму.

Посольский приказ фальсифицировал биографию Отрепьева в двух самых важных пунктах. Цели фальсификации предельно ясны. Посольскому приказу важно было представить Отрепьева как одиночку, за спиной которого нет никаких серьезных сил, а заодно изобразить его изобличенным преступником, чтобы иметь основание потребовать от поляков выдачи «вора».

С дружеским венским двором царь поддерживал куда более доверительные отношения, чем с польским. Поэтому в письме к императору Борис позволил себе некоторую откровенность по поводу Отрепьева. Русский оригинал послания Бориса австрийскому императору, датированного 1604 годом, хранится в Венском архиве и до сих пор не опубликован. Приведем здесь полностью разъяснения царя по поводу личности Отрепьева. До своего пострижения, утверждал Борис, Юшка «был в холопех у дворянина нашего у Михаила Романова и, будучи у него, учал воровати, и Михаиле за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в черпецех Григорием»⁵.

Почему царь Борис решил связать имя Отрепьева с именем Романовых? Быть может, он желал скомпрометировать своих противников? Но почему Годунов не назвал

имена старших братьев — знаменитых бояр Федора и Александра Никитичей Романовых, а указал на младшего брата Михаила, которого мало кто знал даже в России и который двумя годами ранее умер в царской тюрьме? В венском наказе видно то же настойчивое стремление, что и в польском. Царские дипломаты старались рассеять подозрения относительно возможной поддержки самозванца влиятельными боярами. От поляков вовсе скрыли, что Отрепьев служил Романову. Австрийцев убеждали в том, что Романов не был пособником «вора», а напротив, изгнал его за воровские проделки.

Внутри страны появление самозванца долго замалчивалось. Толки о нем беспощадно пресекались. Наконец Лжедмитрий вторгся в пределы страны, и молчать стало невозможно. Тогда с обличением Отрепьева выступила церковь.

Жизнеописание Отрепьева, составленное в патриаршей канцелярии, разительно отличалось от версии Посольского приказа. Враг оказался гораздо опаснее, чем думали в Москве. Самозванец терпел поражение в открытом бою, но посланная против него многочисленная армия не могла изгнать его из пределов страны. Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, никого больше не могли убедить. Дипломатическая лож рушилась, сама собой. Патриаршие дьяки принуждены были более строго следовать фактам. Патриарх Иов извещал паству о том, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, [спасаясь] от смертной казни, постригся в чернцы и был по многим монастырям», позже служил у него, патриарха, «а после того сбежал в Литву с товарищами своими, с чудовскими черницы»⁶.

Власти не настаивали на первоначальной версии, будто Отрепьева постригли из-за его безобразного поведения и восстания против родительской власти. Юшка заворовался, живя на дворе у Романовых. Как видно, патриарх умышленно не называл имени окольного Михаила: он хотел бросить тень разом и на старших Романовых! По подобные побуждения имели все же второстепенное значение. Царские опалы, казалось бы, навсегда покончили с могуществом Романовых: старший из братьев принял монашество и сидел под стражей в глухом монастыре, трое других погибли в ссылке. Никто не предвидел, что один из уцелевших сыновей Никитичей взойдет со временем на трон.

Посольский приказ старался скрыть от иностранцев определенную связь между пострижением Отрепьева и службой его опальным Романовым. Но уже в разъяснениях патриарха можно уловить намек на такую связь.

После смерти Годунова и гибели Лжедмитрия I царь Василий Шуйский произвел повое дознание по поводу самозванца. Его следователи имели одно важное преимущество перед Борисовыми. Они видели самозванца наяву. Новый царь опубликовал результаты расследования с большими подробностями, чем Борис. Его разъяснения при польском дворе отличались сдержанностью. Любые неточности могли быть легко опровергнуты в Кракове. Между тем самый вопрос о самозванце приобрел теперь государственное значение. В инструкциях дипломатам Посольский приказ больше не скрывал факта службы Отрепьева у Романовых. На этот раз царские дьяки сообщили полякам даже больше, чем Патриаршая канцелярия. Юшка, писали они, «был в холопах у бояр у Никитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы...»⁷. Точности ради дьяки должны были указать, что Отрепьев служил окольному Михаилу и не имел отношения к Филарету и другим Никитичам, в то время вернувшимся в Москву. Заявления насчет связи самозванца со всей семьей Романовых имели политическую подоплеку. Едва приверженцы Шуйского выкрикнули на площади имя нового царя, как в боярской среде возник заговор, к нему примкнули Никитичи, не оставившие надежды занять трон. Тогда на их голову посыпались удары. Филарет Романов, которого нарекли в патриархи, лишился сана. Царская немилость обрушилась и на ближайших родственников Филарета — князей Черкасских.

В царских наказах Отрепьев назван боярским холопом. Можно ли верить этому? Юрий Отрепьев поступил на службу к Михаилу Романову как добровольный слуга. Однако царское уложение о холопах 1597 года предписывало всем господам в принудительном порядке составить кабальные грамоты на всех добровольных «холопов», прослуживших у них не менее полугода. Боярин Черкасский стоял в боярской иерархии значительно выше молодого окольного Михаила Романова. Поэтому Юрий Отрепьев имел причины для перехода во двор к Черкасскому, Там он, возможно, и дал на себя кабальную запись, В поздних летописях умалчивается о службе Отрепьева у Романовых и их родни. В царствование Романовых было небезопасно или, во всяком случае, неприлично вспоминать этот факт из биографии вора и богоотступника. Поэтому история пострижения Юрия Отрепьева получила совершенно превратное истолкование в поздних летописных сочинениях. Автор «Иного сказания» сочинил романтическую сказку о том, как четырнадцатилетний Юшка случайно повстречал в Москве безвестного вятского игумена Трифона и под влиянием душеспасительной беседы с ним принял схиму. Отзвук подлинных событий находим в одном компилятивном сказании, автор которого изложил причины пострижения Юшки следующим образом. Царь Борис послал в заточение и на смерть великих бояр Федора Никитича Романова и Бориса Камбулатовича Черкасского. Юшка часто приходил в дом к Черкасскому и был у него в чести, «и тоя ради вины на него царь Борис негодова, той же лукав сый вскоре избежав'от царя, утаився во един монастырь и пострижеся...»⁸. Автор сказания усердно пытался смягчить неприятные для новой династии факты. Он умалчивает о том, что Юшка служил Михаилу Никитичу Романову и его шурина Черкасскому, Юшка будто бы лишь захаживал на двор к боярину Борису Черкасскому и от него «честь приобретал». Как бы то ни было, но в намеках сказания все же проглядывает истина.

Юшка не затерялся среди многочисленной холопской дворни, а сделал карьеру при дворе боярина Черкасского, вошел у него «в честь». При боярских дворах дети боярские такого ранга и происхождения служили обычно дворецкими, конюшими, воеводами в боярских городах.

После ареста Романовых и Черкасского их слуга Юрий Отрепьев, не желая разделить участь своих господ, постригся в монахи и взял имя Григорий. За пострижением последовали скитания по монастырям. Этот период жизни чернеца Григория Отрепьева стал предметом всевозможных легенд. Поздние летописи противоречат друг другу, едва только начинают перечислять обители, в которых побывал новоиспеченный монах. Современники не знали толком, где постригся Юшка Отрепьев, Автор «Нового летописца», близкий к Филарету Романову, откровенно признается, что Юшка «во младости пострижеся на Москве, не вем где». И даже Посольский приказ, расследовавший дело по свежим следам, не мог добиться истины. При Шуйском установили только, что постригал Юшку «с Вятки игумен Трифон». Обряд был совершен, как видно, в спешке на каком-нибудь монастырском подворье.

Посольский приказ был лучше всего осведомлен о столичном периоде жизни Григория. Имея под рукой множество свидетелей, приказ смог установить срок пребывания чернеца в кремлевском Чудове монастыре. Отрепьев, значилось в посольской справке, был «в Чюдове монастыре в дияконех 3 год». Это известие следует признать единственной достоверной хронологической вехой в ранней биографии Отрепьева.

Если мы теперь обратимся к сказаниям современников, то увидим, какие любопытные метаморфозы претерпели в них сведения о чудовском периоде жизни Отрепьева. Один из летописцев сообщал, будто Гришка «пребываша и безмолствоваше в Чудове года два». Те же данные приведены в поздней «Истории о первом патриархе Иове», составленной после 1652 года. Троицкий монах Авраамий Палицын считал, что чернец Григорий два лета стоял на клиросе в Чудовском монастыре, а потом служил во

дворе у патриарха более года. Таким образом, летописцы продлили срок пребывания Отрепьева в столичном монастыре с одного года до двух лет.

Аналогичным образом современники описывали «житие» монаха Григория в провинциальных обителях. По свидетельству «Нового летописца», чернец Отрепьев жил год в Спасо-Ефимьеве монастыре и еще «двенадцать недель» в соседнем монастыре на Куксе. По словам другого летописца, Григорий прибыл «во обитель Живоначальные Троицы на Железный Борок, ко Иякову святому и в том манастыре постризуется, и пребыша ту три лета». Летописец ошибся, назвав монастырь на Железном Борку Троицким. На самом деле то был монастырь Иоанна Предтечи. Ошибка выдает малую осведомленность автора летописи.

Пребывание в провинциальных монастырях явилось в действительности лишь кратким эпизодом в жизни Григория Отрепьева. В посольской справке, составленной при Василии Шуйском, сообщалось без особых подробностей о том, что «был он, Гришка, в черницах в Суздале в Спаском в Ефимьеве монастыре и в Галиче у Иоанна Предтечи и по иным монастырем...». Но в справке не сказано, сколько времени провел Отрепьев в провинциальных монастырях. Заполнить этот пробел помогает осведомленный современник — автор «Повести 1626 года». Он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил рясу очень недолго. «По мале же времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила»⁹. Если верно то, что пишет названный автор, значит, Отрепьев не жительствовавал в провинциальных монастырях, а бегал по ним.

Приведенные факты позволяют установить главнейшие даты в жизни Отрепьева. Чудовский монах отправился в Литву в феврале 1602 года, после того как пробыл год в Чудове монастыре. Следовательно, он обосновался в Чудове в начале 1601 года. Если верно, что Отрепьев прибыл в Москву «по мале времени» (вскоре) после своего пострижения, значит, он постригся в конце 1600 года. Именно в это время Борис Годунов разгромил заговор бояр Романовых и Черкасских. Приведенные факты полностью подтверждают версию, согласно которой Отрепьев принужден был уйти в монастырь в связи с гонениями на Романовых в ноябре 1600 года. В то время Отрепьеву было примерно двадцать лет. По понятиям XVI века молодые люди достигали совершеннолетия и поступали на службу в пятнадцать лет. Это значит, что до хвояго пострижения Григорий успел прослужить на боярских подворьях около пяти лет.

Установив все эти факты, попробуем заполнить самые первые страницы биографии Отрепьева.

Глава 3.

Жизнь Юрия Отрепьева

Юрий Богданович Отрепьев родился в небогатой дворянской семье. Предки Отрепьевых выехали из Литвы на службу в Москву. Отец Юрия Богдан Отрепьев, достигнув совершеннолетия в пятнадцать-шестнадцать лет, получил поместье вместе со старшим братом Никитой Смирным. Произошло это в феврале 1577 года. Дворянские недоросли, начиная служить, вскоре же заводили семью. Так поступил и Богдан Отрепьев. На рубеже 70—80-х годов XVI века в его семье родился сын Юрий. Это значит, что он был примерно одного возраста с царевичем Дмитрием. Юшка достиг совершеннолетия в самые последние годы царствования Федора.

Отец Юшки Богдан служил в стрелецких войсках, но выслужил только чин стрелецкого сотника. Он рано умер. Согласно посольской справке, Богдана зарезал литвин на Москве в Немецкой слободе. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались уличные драки. Московские летописцы помнили, что Юшка «остался после отца своего млад зело» и воспитанием его занималась мать. От нее мальчик научился

читать божественное писание, «часовник и псалмы Давидовы». Как видно, возможности домашнего образования были быстро исчерпаны, и Юшку послали «к Москве на учение грамоте». Семья Отрепьевых имела прочные связи в столице. Там обретался дед Юшки, там служили его родной дядя Смирной и «свояк» семьи дьяк Семейка Ефимьев. Вероятно, кто-то из приказных и выучил Юшку писать. В приказах ценили хороший почерк, и при них существовали школы, готовившие писцов-каллиграфов. Отрепьев усвоил изящный почерк, что позволило ему позже стать переписчиком книг на патриаршем дворе.

Только в ранних посольских наказах юного Отрепьева изображали беспутным негодяем. При Шуйском этого уже не было. Поздние летописцы не скрывали удивления по поводу способностей Отрепьева. Правда, при этом они выражали благочестивые подозрения, не вступил ли Юшка в союз с нечистой силой, будучи еще подростком? Учение в самом деле давалось Отрепьеву очень легко. В непродолжительное время Юшка стал «зело грамоте горазд». Бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежды на выдающуюся карьеру. На царской службе он едва ли мог надеяться выслужить воеводский чин. Честолюбивый провинциал искал более легких путей и поступил на службу к брату царя Михаилу Никитичу, в то время, когда многие считали Никитичей единственными законными претендентами на царский трон, служба при их дворе сулила массу выгод. Выбор Юшки кажется случайным. Но так ли было на самом деле? Отрепьевы издавна сидели целым гнездом на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Там же располагалась знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино. Родители Отрепьева жили неподалеку от монастыря, на Железном Борку. Менее чем в десяти верстах от монастыря стоял романовский починок Кисели,

За несколько лет службы Отрепьев занял при дворе Никитичей достаточно высокое положение. Это обстоятельство едва не погубило Юшку в тот момент, когда Романовых постигла царская опала. В окружении бояр Романовых кроме таких преданных слуг, как Отрепьев, нашлись также и предатели. Мелкий помещик Бартенев, служивший казначеем у боярина Александра Никитича Романова, донес царю, что его господин хранит в казне волшебные коренья, с помощью которых намерен извести Бориса и всю его семью. Донос положил начало одному из самых громких колдовских процессов XVII века. После ареста Романовых в их казне действительно был найден мешок с кореньями, предъявленный Боярской думе в качестве решающей улики. Борис мог казнить Романовых за самое тяжкое государственное преступление. Но он предпочел отправить их в ссылку. Приставы, сопровождавшие опальных, говорили: «Вы, злодеи-изменники, хотели достать царство ведовством и кореньем!»¹

Обвинение в колдовстве явилось не более чем предлогом к расправе с Романовыми. Польские послы, находившиеся в то время в Москве, потратили немало усилий на то, чтобы установить причины опалы Романовых. Собранная ими информация особенно интересна потому, что она исходила от людей, симпатизировавших родне царя Федора. «Нам удалось узнать,— читаем в польском дневнике,— что нынешний великий князь (Борис.— *Р. С.*) насильно вторгся в царство и отнял его от Никитичей-Романовичей, кровных родственников умершего великого князя. Названные Никитичи-Романовичи усилились и, возможно, снова предполагали заполучить правление в свои руки, что и было справедливо, и при них было достаточно людей, но той ночью великий князь (Борис.— *Р. С.*) на них напал»².

Отрепьев поступил на службу к Романовым, ожидая их скорого восшествия на трон. Его мечты казались близки к осуществлению. В 1600 году здоровье Бориса резко ухудшилось. Как отметили поляки, русским властям не удалось сохранить в тайне болезнь царя, и в городе по этому поводу поднялась большая тревога. Для обсуждения сложившейся ситуации была спешно созвана Боярская дума. Бориса по его собственному распоряжению отнесли на носилках из дворца в церковь, чтобы показать народу, что он еще жив.

Ввиду близкой кончины Бориса возобновление борьбы за трон казалось неизбежным. Польские послы, наблюдавшие развитие кризиса, утверждали, будто у Годунова очень много недоброжелателей среди подданных, их преследуют, подвергают строгим наказаниям, но это не спасает положения. «Не приходится сомневаться,— писали поляки,— что в любой день там должен быть мятеж».

Последующие события показали, что наибольшую угрозу для неокрепшей династии, как и прежде, таят в себе притязания бояр Романовых. По сравнению с хундордным Годуновым Романовы имели гораздо больше прав на трон в качестве ближайших родственников — двоюродных братьев последнего царя из династии Калиты.

Своими поспешными и преждевременными действиями Романовы сами навлекли беду на свою голову. Ожидая близкой кончины Бориса, они собрали на своем подворье многочисленную вооруженную свиту. В воздухе запахло мятежом. Малолетний наследник Бориса имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного царя оставалось единственное средство ее спасения. Борис должен был пресечь боярский заговор, разгромить отряды, с помощью которых заговорщики рассчитывали осуществить переворот, и, наконец, устранить с политической арены главных претендентов на трон.

Силы, собранные Романовыми, были столь значительны, что у стен боярского подворья произошло форменное сражение, 26 октября 1600 года в польском дневнике появилась следующая запись: «Этой ночью его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка (Кремля.— *Р. С.*) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало». Вскоре поляки узнали подробности ночного нападения. «Дом, в котором жили Романовы,— отметили они,— был подожжен; некоторых (опальных,—*Р. С.*) он (Борис.— *Р. С.*) убил, некоторых арестовал и забрал с собой...»³.

Вооруженная боярская свита оказала стрельцам отчаянное сопротивление. Царь Иван в таких случаях подвергал дворню поголовному истреблению. Годунов не хотел следовать его примеру. Он ограничился казнью ближних слуг опальных Романовых. Подобная участь угрожала и Юрию Отрепьеву. По словам патриарха, Отрепьев постригся, спасаясь «от смертные казни». Царь Борис выражался еще более определенно. Боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа с вятским игуменом, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетнему дворянину, полному сил и надежд, пришлось покинуть свет и забыть свое мирское имя. Отныне он стал смиренным чернецом Григорием.

Спасаясь от пыток и казни, Отрепьев скрылся в провинции. Из посольской справки следует, что он побывал в Суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и монастыре Ивана Предтечи в Галиче. Оба названных монастыря лежат на одной прямой, связывающей Москву с именем семьи Отрепьевых - в Галичском уезде. Чернец Отрепьев не жительствовавал в этих монастырях, а искал в них временное пристанище в дни бегства из Москвы в свое имение.

Сохранились глухие известия, будто во время пребывания Отрепьева в Суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре тамошний игумен, видя его «юна суца», отдал «под начало» некоему старцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и чернец поспешил проститься со спасскими монахами. В прочих обителях Отрепьев задерживался и вовсе ненадолго. Контраст между жизнью в боярских теремах и прозябанием в монашеских кельях был разительным. Очень скоро чернец Григорий решил вернуться в столицу.

Как мог опальный инок попасть в аристократический кремлевский монастырь? Поступление в такую обитель обычно сопровождалось крупными денежными вкладами. Дьяки Шуйского дознались, что при поступлении в Чудов монастырь Гришка Отрепьев воспользовался протекцией: «Бил челом об нем в Чудове монастыре архимандриту

Пафнотию (что ныне Крутицкой митрополит) богородицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни».

Дед Григория Елизарий Замятня был примечательной фигурой. Полгода спустя после коронации Бориса Годунова он получил самое ответственное в своей жизни поручение: новый царь назначил его «объезжим головой» в Москве. Замятня должен был охранять порядок в «меньшой» половине Белого города — от Неглинной реки до Алексеевской башни, «Объезжими головами» в столице служили обычно дворяне, хорошо зарекомендовавшие себя по службе и лично известные государю. Вскоре после московской службы Замятня по старости удалился на покой в Чудов монастырь. Три года спустя Замятня, заручившись поддержкой влиятельного лица — протопопа кремлевского Успенского собора Евфимия, определил в Чудов монастырь внука Григория. Как свидетельствует посольская справка 1606 года, «архимандрит Пафнотий для бедности и сиротства взяв его (Григория.— *Р. С.*) в Чудов монастырь»⁴.

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре отличил его и перевел в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келий,— рассказывал он знакомым монахам,— да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе», Пафнотий приметил инока, не достигшего двадцати лет, и дал ему чин дьякона. «...По произволению тоя честныя лавры архимандрита Пафнотия,— писали летописцы, — (Отрепьев.— *Р. С.*) поставлен бысть во дьяконы рукоположеньем святейшего Иова патриарха...»

История последующего взлета Отрепьева описана одинаково в самых различных источниках. Патриарх Иов в своих грамотах писал, будто взял Отрепьева на патриарший двор «для книжного письма». На самом деле Иов приблизил способного инока не только из-за его хорошего почерка. Чернец вовсе не был простым переписчиком книг. Его ум и литературное дарование доставили ему более высокое положение при патриаршем дворе. У патриарха Григорий продолжал «со-творяти каноны святым».

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Отрепьев являлся во дворец в свите окольного Михаила Никитича. Теперь перед ним вновь открылись двери кремлевских палат. На царскую думу патриарх являлся с целым штатом писцов и помощников. Отрепьев оказался в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, святейший патриарх, и епископы, и весь собор. По-видимому, так оно и было. Сам Отрепьев, беседуя с приятелями, говорил им: «Патриарх-де, видя мое досужество, учал на царские думы вверх с собою водити и в славу-де есми вшел великую».

Фраза Отрепьева насчет «славы» не была простым хвастовством. Карьера его на монашеском поприще казалась феерической. Сначала он оставался служкой у монаха Замятни, затем келейником архимандрита и дьяконом и, наконец, стал придворным патриарха. Надо было обладать незаурядными способностями, чтобы сделать такую карьеру в течение одного только года. Не подвиги аскетизма помогли выдвинуться юному честолюбцу, а его необыкновенная восприимчивость к учению. В несколько месяцев он усваивал то, на что у других уходила вся жизнь. Примерно в двадцать лет Отрепьев стал заниматься литературными трудами, которые доверяли обычно убежденным сединой подвижникам.

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто чернец Григорий бежал от патриарха, будучи обличен в ереси. Церковные писатели охотно подхватили официальную выдумку. Согласно «Истории о первом патриархе», Отрепьев «разсмотрен бысть» как еретик «от неких церковных» (имена их не указаны), и тогда патриарх отослал чернеца обратно в Чудов монастырь «в соблюдение» до сыску царя Бориса. В летописях этот эпизод описан со множеством подробностей. Явление еретика якобы предсказал ростовский митрополит Варлаам. Летописец вложил в уста митрополита яркую обличительную речь. Суровое обличение как нельзя лучше подходило случаю, но автор не знал даже имени ростовского владыки. Он назвал Варлаама Ионой. Последующая история

Отрепьева излагалась следующим образом. Царь Борис поверил доносу митрополита и велел сослать чернеца «под крепкое начало», Получив царское повеление, дьяк Смирной Васильев поручил дело дьяку Семейке Ефимьеву, но тот, будучи свояком Гришки, умолил Васильева отложить на некоторое время высылку Отрепьева. Прошло время, и Смирной будто бы забыл о царском указе. Поел того как в Литве объявился самозванец, Борис призвал к ответу Смирного, но тот «агш мертв пред ним стояша и ничего не мог отвецати». Тогда царь велел забить Васильева до смерти па правеже. История, которую поведал летописец, вполне легендарна.

Предания об осуждении Отрепьева не выдерживают критики. Борисова версия сводилась к тому, что патриарх, узнав о «воровство» чернеца, «со всем вселенским собором, но правилом святых отец и по соборному уложению, приговорили сослати с товарищи его... на Белое озеро в заточепье на смерть». Однако уже при Шуйском власти сильно смягчили прежнюю версию. В новых посольских наказах весь эпизод изложен как бы скороговоркой в одной единственной строчке: злодей впал в еретичество, и его «с собору хотели сослать в заточение на смерть». Тут не было и речи о формальном соборном суде и приговоре «но соборному уложению». Еретика хотели сослать, и не более того! Но одно дело — дипломатические разъяснения за рубежом, а другое — справки внутреннею назначения.

Сразу после переворота в пользу Шуйского посольские дьяки составили подборку документов, включавшую секретную переписку Лжедмитрия. Эту подборку они сопроводили следующей краткой справкой о самозванце: «...в лето 7110-го убежал в Литву изо обители архангела Михаила, яже ся нарицает Чудов, диакон черной Григорей Отрепьев, и в Киеве и в пределах его и тем во иноцех дьяконствующую и в чернокнижество обратился, и ангельский образ сверже, и обруга, и по действию вражию отступив зело от бога»⁵.

Итак, в документах, составленных для внутреннего пользования, посольские дьяки вовсе отбросили ложную версию об осуждении еретика. Отрепьев отступил от бога и занялся чернокнижием после побега за рубеж, а следовательно, до побега у патриарха и священного собора попросту не было оснований для осуждения Отрепьева «на смерть».

Почему же московские епископы и при Шуйском продолжали писать в Польшу, будто Отрепьев был обличен на соборе и осужден на смерть? Отцы церкви грешили против истины. В их показания закралась неточность. Они в самом деле осудили и прокляли Отрепьева, но не в лицо, а заочно. Произошло это, когда в Польше объявился самозванец, которого в Москве назвали именем Отрепьева. ,

На том же соборе выступили свидетели, «провожавшие» Отрепьева за рубеж и общавшиеся с ним в Литве. Ими были бродячие монахи Пимен из Днепровского монастыря и Венедикт из Троице-Сергиева монастыря. Из их показаний следовало, что Отрепьев ушел в Литву не один, а в компании двух своих сотоварищей — Варлаама и Мисаила. Пимен «познался» с Отрепьевым и его компанией в Спасском монастыре в Новгороде-Северском и сам проводил их в Стародуб, а оттуда — за литовский рубеж до села Слободки. Монах Венедикт стал свидетелем метаморфозы Отрепьева в Литве. Он видел «вора» Гришку в Киево-Печерском монастыре, в Никольском монастыре и в дьяконах у князя Острожского. Как видно, он довольно точно назвал места скитаний Отрепьева и Литве. Но в самом важном пункте его показаний угадывается вымысел. Бродячий троцкий монах, сбежавший в Литву, явно сочинил историю того, как он пытался изловить «вора» Гришку. По его словам, печерский игумен послал старцев, слуг и его, Венедикта, «имать» Гришку, по тот ушел к Адаму Вишневецкому, по «воровскому» умыслению которого и стал зваться князем Дмитрием.

Помимо старцев перед собором выступил еще один беглец, вернувшийся из-за рубежа, — Степанко-иконник. Когда-то он жил на посаде в Ярославле, но затем ушел в Литву и завел лавочку в Киеве. Степанко сказал, что Гришка заходил в его лавку, будучи

в чернеческом платье, 'что он был в дьяконах в Печерском монастыре. Обо сеем же остальном он знал, кгш видно, с чужих слов ⁶.

Власти выступили с разоблачением самозванца как Гришки Отрепьева на основании показаний двух беглых монахов. Но бродяги, неизвестными путями попавшие из-за рубежа в руки властей, были ненадежными свидетелями. Если они и знали кремлевского дьякона, то знали плохо, в течение совсем недолгого времени. Монахи не внушали доверия никому, включая правительство, которое, не церемонясь, звало бродяг «ворами».

Нужны были более авторитетные свидетели, но они объявились в Москве только через два года, когда в столице произошел переворот, покончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I.

Глава 4.

Похождения в Литве

Новому царю Василию Шуйскому нужны были материалы, неопровержимо доказывавшие самозванство свергнутого «Дмитрия». В этот момент в Москве появился чернец Варлаам, подавший царю Василию «Извет» с обличением зловердного еретика Гришки. Продолжительное время историки считали сочинение Варлаама литературной мистификацией, предпринятой в угоду власть предержащим. Но под влиянием новых находок эти сомнения в значительной мере рассеялись. Прежде всего в старинных описях архива Посольского приказа обнаружилось прямое указание на подлинное следствие по делу Варлаама: «Роспрос 113 году старца Варлаама Ятцкого про Гришку ростригу, как он пошел с ним с Москвы и как был в Литве». Очевидно, Варлаам Яцкий именно в ходе «роспроса» или следствия и подал властям знаменитую челобитную, которая получила не вполне точное наименование — «Извет».

Со временем текст челобитной был включен в состав летописи, автор которой подверг его литературной обработке и снабдил обширными цитатами из грамот Лжедмитрия I. Именно эти дополнения и побуждали исследователей считать «Извет» скорее любопытной сказкой, чем достоверными показаниями свидетеля. Отношение к «Извету» решительно переменялось после того, как Е. Н. Кушева доказала, что «Извет» — это подлинная челобитная Варлаама, и обнаружила текст челобитной к списку ранней редакции ¹.

Историки выражали крайнее удивление по поводу того, что Варлаам помнил точную дату выступления самозванца из Самбора в московский поход—«августа в пятый на десять день». На этом основании автора «Извета» подозревали в использовании документов и в литературной мистификации. Но точность Варлаама в этом случае легко объяснима. Старец никак не мог забыть день выступления самозванца из Самбора, так как именно в этот день за ним захлопнулись двери самборской тюрьмы.

В рассказе Варлаама можно обнаружить одну второстепенную деталь, которая позволяет окончательно опровергнуть предположение о том, что «Извет» является литературной мистификацией. Речь идет о пятимесячном сроке заключения Варлаама в самборской тюрьме. Варлаам считал, что своим освобождением из тюрьмы после пяти месяцев заключения он был обязан доброте жены Миишека. Тюремный сиделец не догадывался о подлинных причинах происшедшего.

Самозванец выступил из Самбора в середине августа, а через пять месяцев потерпел сокрушительное поражение под Добрыничами. Его армия перестала существовать. Казалось бы, авантюре пришел конец. При таких обстоятельствах вопрос о безопасности самозванца перестал волновать Мнигаеков, и они «выкинули» Варлаама из самборской тюрьмы. Таковы были подлинные причины освобождения московского монаха, оставшиеся неизвестными ему самому.

Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших историю самозванца. Выгораживая себя, он старался возможно более точно передать подробности событий.

После перехода границы Отрепьев и его товарищи, по словам Варлаама, жили три недели в Печорском монастыре в Киеве, а затем «летовали» во владениях князя Константина Острожского в Остроге. В этом пункте показания Варлаама подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни была обнаружена отпечатанная в типографии князя Острожского в Остроге в 1594 году книга со следующей надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам, Григорию с бретею с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во святом крещении Василей, божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский»².

Примечательно, что дарственная надпись на книге была сделана не Острожским и не его людьми, а самими монахами. Позднее кто-то дополнил дарственную надпись, пометив подле слова «Григорию»—«царевичу Московскому». Дополнение к надписи чрезвычайно интересно, хотя само по себе оно не доказывает тождества этих двух личностей — монаха и «царевича». Скорее всего, поправку внес один из трех бродячих монахов, может быть, сам Отрепьев. Надпись на книге ценна тем, что подтверждает достоверность рассказа Варлаама о литовских скитаниях Отрепьева.

Рассказ Варлаама находит поразительную аналогию в «Исповеди» Лжедмитрия, записанной его покровителем Адамом Вишневецким в 1603 году. В «Исповеди» причудливо соединялись вымыслы и реальные биографические сведения.

«Царевич» знал немало того, что касалось угличской трагедии и дворцовых дел. Но едва он начинал излагать обстоятельства своего чудесного спасения, как его рассказ на глазах превращался в неискusstную сказку. По словам «царевича», его спас некий воспитатель, имя которого он не называет. Проведав о планах жестокого убийства, воспитатель якобы подменил царевича другим мальчиком того же возраста. Несчастный был зарезан в постельке царевича. Когда мать-царица прибежала в спальню, она, обливаясь слезами, смотрела на лицо убитого, покрытое свицовой-серой бледностью, и не могла распознать подмену.

В момент, когда решила судьба интриги, «царевич» должен был 'собрать воедино все доказательства своего царского происхождения, какие у него только были. Вот тут и обнаружилось, что доказательствами «Дмитрий» и не располагает, что он не может назвать ни одного свидетеля. В его рассказе фигурируют двое воспитателей, умерших до его побега в Польшу, и еще безымянный монах, который узнал в нем царевича по царственной осанке!³

Самозванец набегал называть какие бы то ни было точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая и его собственную мать, томившуюся в монастыре в России.

«Исповедь» самозванца обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в «Литву, не имея хорошо обдуманной и правдоподобной легенды. Как видно, на русской почве интрига не получила развития, а «царевич»— подготовки. Его рассказы кажутся неловкой импровизацией. На родине самозванцу подсказали одну лишь мысль — о царственном происхождении.

В речах «царевича» были, конечно, и достоверные факты, которые он не мог скрыть, не рискуя прослыть явным обманщиком. В частности, в Литве знали, что он явился туда в монашеской одежде, ранее служил в киевских монастырях и, наконец, сбросил рясу. Расстрижение ставило претендента в очень щекотливое положение. Не имея возможности скрыть этот факт, он должен был как-то объяснить возвращение в мир. Прежде всего «царевич» сочинил сказку, будто Годунов убедил царя Федора сложить с себя государственные заботы и нести монашескую жизнь в Кирилло-

Белозерском монастыре и будто Федор сделал это тайно, без ведома опекунов. Младший «брат», таким образом, лишь шел по стопам старшего. О своем пострижении «царевич» рассказал в самых неопределенных выражениях. Суть его рассказа сводилась к следующему. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи, «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, скрыться в монастыре и вести жизнь ищра. Следуя благому совету, юноша принял монашеский образ жизни и в чернеческом платье прошел почти всю Московию. Наконец, один монах опознал в нем царевича, и тогда юноша решил бежать в Польшу.

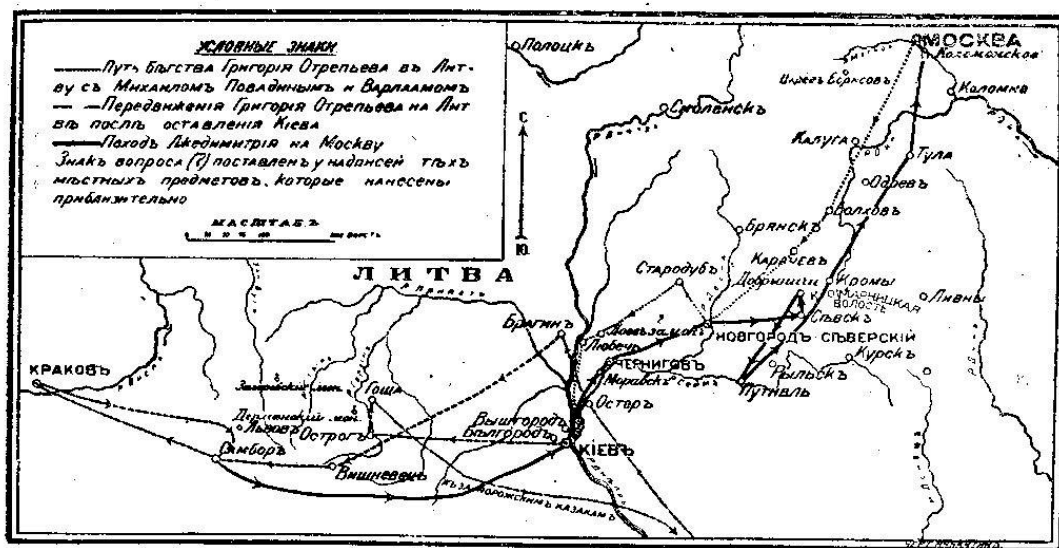
Можно констатировать совпадение биографических сведений, вносящихся к Отрепьеву и самозванцу, почти по всем пунктам. Оба воспитывались в дворянской семье, оба приняли вынужденное пострижение, оба исходили Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у князя Острожского в Остроге, переходе сначала к папу Габриэлю Хойскому в Гощу, а затем к Адаму Вишневецкому в Брачин. Там, в имении Вишневецкого, в 1603 году и был записан его рассказ.

Примечательно, что спутник Отрепьева Варлаам, описывая их странствия в Литве, назвал те же самые места и даты. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества личности Отрепьева и Лжедмитрия.

В самом деле, можно выяснить шаг за шагом историю реального лица—Григория Отрепьева вплоть до того момента, как он пересек границу. С другой стороны, хорошо известен путь Лжедмитрия от Брачипа до Московского Кремля. Превращение бродячего монаха в царя произошло на отрезке пути от границы до Брачина. По словам Варлаама, Григорий Отрепьев прошел через Киев, Острог, Гощу и Брачин, после чего объявил себя царевичем. Из «Исповеди» Лжедмитрия следует, что после пересечения границы он прошел те же самые пункты, в той же последовательности и в то же время. Возможность случайного совпадения исключается, как и возможность сговора между автором «Извета» и Лжедмитрием. Варлаам не мог знать содержание секретного доклада Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

Загадка самозванца...: В истории русского средневековья можно назвать совсем немного сюжетов, которые вызвали бы столь глубокий интерес у читателей и столько споров среди ученых. И все же загадку Лжедмитрия I едва ли следует считать неразрешимой. Если обратиться к самым ранним источникам и следовать строго, установленным фактам, личность самозванца на глазах начинает утрачивать ореол таинственности. Современники многократно называли Лжедмитрия беглым монахом Григорием Отрепьевым, и в этом случае они не ошиблись.

Путь следования Григория Отрепьева в Литву и Польшу и поход Александра I на Москву.

Глава 5. Рождение интриги

По образному выражению В. О. Ключевского, Лжедмитрий «был только испечен в польской печи, а заквашен в Москве».

Царь Борис считал причиной всех бед боярскую интригу. По свидетельству царского телохранителя К. Буссова, при первых же известиях об успехах самозванца Годунов сказал в лицо боярам, что Это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его.

Известный исследователь Смуты С. Ф. Платонов возлагал ответственность на бояр Романовых и Черкасских. «...Подготовку самозванца,— писал он,— можно приписывать тем боярским домам, во дворах которых служивал Григорий Отрепьев»¹. Но это не более чем гипотеза. Отсутствуют какие бы то ни было данные о непосредственном участии Романовых в подготовке Лжедмитрия. И все же следует иметь в виду, что именно на службе у Романовых и Черкасских сформировались политические взгляды Юрия Отрепьева. Под влиянием Никитичей и их родни Юшка увидел в Борисе узурпатора и проникся ненавистью к «незаконной» династии Годуновых.

Множество признаков указывает на то, что самозванческая интрига родилась не на подворье Романовых, а в стенах Чудова монастыря. В то время Отрепьев уже лишился покровительства могущественных бояр и мог рассчитывать только на свои силы. Авторы сказаний и повестей о Смутном времени утверждали, что именно в Чудове монастыре инок Григорий «начал в сердце своем помышляти, како бы ему достигнути царскаго престола», и сам сатана «обеща ему царствующий град поручити». Составитель «Нового летописца» имел возможность беседовать с монахами Чудова монастыря, хорошо знавшими черного дьякона Отрепьева. С их слов он записал следующее: «Ото многих же чудовских старцев слышав, яко (чернец Григорий.— Р. С.) в смехотворно глаголаше старцев, яко „царь буду на Москве“»².

Кремлевский Чудов монастырь, расположенный под окнами царских теремов и правительственных учреждений, давно оказался в водовороте политических страстей. Благочестивый царь Иван IV желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Близость к высшим властям, наложила особый отпечаток на жизнь чудовской братии. Как и в верхах, здесь царил раскол. Среди чудовской братии можно было встретить и знать и мелких дворян. Были среди них

добровольные иноки. Но большинство надело монашеский клобук поневоле, потерпев катастрофу на житейском поприще. Вступив на порог Чудова монастыря, чернец Григорий вскоре же попал в компанию Варлаама Яцкого и Мисаила Повадына, которые в недавнем прошлом владели мелкими поместьями и несли службу как дети боярские. Как и Отрепьев, они принадлежали к числу противников выборной земской династии Годуновых.

Монахи, знавшие Отрепьева, рассказывали, будто в Чудове «окаянный Гришка многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрия и проведаша накрепко». Однако можно догадаться, что Отрепьев знал об угличских событиях не только со слов чудовских монахов. В Угличе жили его близкие родственники.

Учитывая традиционную систему мышления, господствовавшую в средние века, трудно представить, чтобы чернец, принятый в столичный монастырь «ради бедности и сиротства», дерзнул сам по себе выступить с претензиями на царскую корону. Скорее всего, он действовал по подсказке людей, остававшихся в тени.

В Польше Отрепьев наивно рассказал, как некий монах узнал в нем царского сына по осанке и «героическому нраву». Безыскусность рассказа служит известной порукой его достоверности. Современники записали слухи о том, что монах, подучивший Отрепьева, бежал с ним в Литву и оставался там при нем.

Московские власти уже при Борисе объявили, что у «вора» Гришки Отрепьева «в совете» с самого начала были двое сообщников — Варлаам и Мисаил Повадын. Из двух названных монахов Мисаил был, кажется, ближе к Отрепьеву. Они вместе жительствовавали в Чудовом монастыре, оба числились крылошанами. Вместе решили отправиться за рубеж. Варлаам, по его собственным словам, лишь присоединился к ним.

Наибольшую осведомленность по поводу Мисаила проявил автор «Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве, и расстриге Гришко Отрепьеве». Он один знал полное мирское имя Мисаила — Михаил Трофимович Поиadyш, сын боярский из Серпейска. Автор «Сказания» несколькими меткими штрихами рисует характер Мисаила. Когда Отрепьев позвал его в северские украинные города, Мисаил обрадовался, так как был «прост сей в разуме, не утвержден». Сказанное рассеивает миф, будто интригу мог затеять Мисаил. Чудовский чернец оказался первым простаком, поверившим в Отрепьева и испытывшим на себе его гипнотическое влияние.

Варлаам был человеком совсем иного склада, чем Мисаил. Его искусно составленный «Извет» свидетельствует об изощренном уме. Варлаам Яцкий, по его собственным словам, постригся «в немощи». Отсюда можно заключить, что он был много старше двадцатилетнего Отрепьева.

Несколько помещиков Яцких служили в Коломенском уезде, как и отец Юрия Отрепьева. Вообще члены этой семьи не отличались благонравным поведением. В коломеиской десятке, где записан был Богдан Отрепьев, против имени двух Яцких значилась помета: «бегают в разбое».

Обстоятельства пострижения Варлаама Яцкого неизвестны. Во всяком случае, постригся он не в Москве, а в провинции. Как и другие монахи, Варлаам немало исходил дорог, прежде чем «сел в столице. Бродячие монахи были повсюду желанными гостями, поскольку от них люди узнавали всякого рода новости, слухи и пр. Будучи человеком острого ума, Варлаам, по-видимому, первым оценил значение толков о чудесном спасении законного наследника Дмитрий, захвативших страну.

Бродячее духовенство не случайно стало средой, в которой окончательно сформировалась самозванческая интрига. Монахи знали настроения народа и в то же время были вхожи в боярские дома. В своей челобитной Варлаам рассказывает, что познакомился с Мисаилом в доме князя Ивана Ивановича Шуйского. В «Извете» царю Василию Шуйскому Варлаам по понятным причинам назвал лишь имя опального князя Ивана Шуйского. Кем были другие покровители Варлаама? Кто из них инспирировал интригу? Ответить на все эти вопросы невозможно. Ясно, что враждебная Борису знать

готова была использовать, любые средства, чтобы покончить с выборной земской династией. Чернецы оказались подходящим орудием в ее руках. Борис Годунов был опытным и прозорливым политиком, и его догадки насчет подлинных инициаторов интриги имели под собой достаточно оснований.

Кремлевские монахи и недовольные царем бояре не предвидели последствий дела, которое они сами же и затеяли. Когда появление «Дмитрия» вызвало повсеместные восстания черни, они отшатнулись от него и постарались доказать свою преданность Борису.

Рассказ Варлаама о том, что он впервые увидел Отрепьева на улице накануне отъезда в Литву и последний назвался царевичем только в Брачине у Вишневецкого, звучит как неловкая ложь. «Извет» Варлаама проникнут страхом, ожиданием суровой расправы, а это как нельзя лучше подтверждает предположение, что именно Варлаам подсказал Отрепьеву его роль.

Слухи о чудесно, спасшемся сыне Грозного захлестнули страну, и инициаторы авантюры рассчитывали использовать народную утопию в затеянной игре. Но они были столь далеки от парода, что их планы потерпели крушение при первых же попытках практического осуществления.

Когда Отрепьев пытался открыть свое «царское» имя сотоварищам по Чудову монастырю, те отвечали откровенными издевательствами—«они же ему плеваху и на смех претворяху». В Москве претендент на трон не нашел ни сторонников, ни сильных покровителей. Отъезд его из столицы, был, по-видимому, вынужденным. Григория гнал из Москвы воцарившийся там голод, а также страх разоблачения.

В своей челобитной Варлаам Яцкий старался убедить власти, будто он предпринял первую попытку изловить «вора» Отрепьева уже в Киево-Печерском монастыре. Но его рассказ не выдерживает критики, в книгах московского Разрядного приказа можно найти сведения о том, что в Киево-Печерском монастыре Отрепьев пытался открыть монахам свое «царское» имя, но потерпел такую же неудачу, как и в московском Чудовом монастыре. Чернец будто бы прикинулся больным (разболелся «до умертвия») и на духу признался печорскому игумену, что он — царский сын, «а ходит бутто в ыскусе, не пострижен, из-бегаючи, укрывался от царя Бориса...»³. Печерский игумен указал Отрепьеву и его спутникам па дверь. В Киеве Отрепьев провел три недели в начале 1602 года. Будучи изгнанными из Нечерского монастыря, бродячие монахи весной 1602 года отправились в Острог «до князя Василя Острожского». Князь Острожский, подобно властям православного Печерского монастыря, не преследовал самозванца, но велел выгнать его за ворота.

С момента бегства Отрепьева из Чудова монастыря его жизнь представляла собой цепь унижительных неудач. Самозванец далеко не сразу приноровился к избранной им роли. Оказавшись в непривычном для него кругу польской аристократии, он часто терялся, казался слитком неповоротливым, при любом его движении «обнаруживалась тотчас вся его неловкость». Изгнанный из Острога, самозванец нашел прибежище в Гоше. Лжедмитрий не любил вспоминать о времени, проведенном в Остроге и Гоше. В беседе с Адамом Вишневецким он упомянул кратко и неопределенно, будто бежал к Острожскому и Хойскому и «молча там находился». Совсем иначе излагали дело иезуиты, заинтересовавшиеся делом «царевича». По их словам, «царевич» обращался за помощью к Острожскому-отцу, но тот якобы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота замка.

Два года спустя Острожский попытался уверить Годунова, а заодно и собственное правительство в том, что он ничего не знает о претенденте на царский трон. Сын Острожского Януш был более откровенным в своих «объяснениях» с королем. В письме от 2 марта 1604 года он писал, что несколько лет знал москвитянина, который называет себя наследственным владельцем Московской земли: сначала он жил в монастыре отца в Дермане, затем у ариан — представителей одной из христианских сект, обосновавшейся в Польше⁴. Письмо Януша Острожского не оставляет сомнения в том, что уже в Остроге и

Дермапе Отрепьев называл, себя московским царевичем. Самозванцу надо было порвать нити с прошлым, и поэтому он решил расстаться с двумя своими сообщниками, выступившими главными свидетелями в пользу его «царского» происхождения. Побег в Гощу к арианам объяснялся также тем, что Отрепьев изверился в возможности получить помощь от православных магнатов и православного духовенства Украины.

Покинув сотоварищей, Отрепьев, по словам Вар-лаама, скинул с себя иноческое платье и «учинился» мирянином. То был опрометчивый шаг. Мопах-расст-рига тотчас лишился куска хлеба. Иезуиты, интересовавшиеся первыми шагами самозванца в Литве, ут-лерждали, что расстриженный дьякон, оказавшись в Гоще, принужден был на первых порах прислуживать на кухне у папа Габриэля Хойского.

Гоща был центром секты ариан. По словам Януша Острожского, самозванец пристал к сектантам и стал отправлять ариапские обряды, чем снискал их благосклонность. В Гоще Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Вар-лаама, расстриженного дьякона учили «по-латынски и по-польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб, известный проповедник арианства.

По свидетельству польских иезуитов, гощинские ариане снискали расположение «царевича» и даже «хотели совершение обратить его в свою ересь, а потом, смотря по успеху, распространить ее и во всем Московском государстве». Те же иезуиты, но раз беседовавшие с Отрепьевым на богословские темы, признали, что сектантам удалось отчасти заразить его ядом неверия. Отрепьев жил у еретиков в Гоще до марта — апреля 1603 года, а «после Велика дни [из] Гощи пропал». Имеются данные о том, что самозванец ездил в Запорожье и был с честью принят в отряде запорожского старшины Герасима Евангелика. Прозвище старшины указывает на принадлежность его к гошгшской секте. Если приведенные данные достоверны, то отсюда следует, что ариане помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками. Когда начался московский поход, в авангарде армии Лжедмитрия I шел небольшой отряд казаков во главе с арианином Яном Бучинским. Этот последний стал ближайшим другом и советником самозванца до его последних дней.

Поддержка ариан упрочила материальное благополучие Отрепьева, пошатнувшееся после разрыва с православным духовенством, но нанесла его репутации огромный ущерб. Самозванец не предвидел всех последствий своего шага. В глазах русских людей «хороший царь» не мог исповедовать никакой иной религии, кроме православия. Московские власти, заслышав о переходе Отрепьева в арианскую «веру», навеки заклемили его как еретика.

После отъезда из Запорожской Сечи ничто не мешало Отрепьеву вернуться в Гощу и продолжать обучение в арианских школах. Однако самозванец должен был уразуметь, что он не имеет никаких шансов занять царский трон, будучи еретиком. Столкнувшись в первый раз с необходимостью уладить свои отношения с православным духовенством, «царевич» решил искать покровительства у Адама Вишневецкого, ревностного сторонника православия. «Новый летописец» подробно рассказывает, как Отрепьев прикинулся тяжелобольным в имении Вишневецкого и на исповеди открыл священнику свое «царское» происхождение. История «болезни» самозванца, впрочем, слишком легендарна. В отчете Вишневецкого королю никаких намеков на этот эпизод нет.

Вишневецкий признал «царевича» не потому, что поверил его бессвязным и наивным басням. В затейной игре у князя Адама были свои цели. Вишневецкие враждовали с московским царем из-за земель. Приняв самозванца, князь Адам получил возможность оказать давление на русское правительство.

В конце XVI века отец Адама князь Александр завладел обширными украинскими землями по реке Суле в Заднепровье. Сейм закрепил за князем Александром его новые приобретения на правах собственности. Занятие территории, издавна тяготевшей к Чернигову, привело к пограничным столкновениям⁵. Вишневецкие отстроили городок

Лубны, а затем поставили слободу на Прилуцком городище. Адам Вишневецкий унаследовал от отца вместе с новопостроенными городками вражду с царем. Дело закончилось тем, что Борис в 1603 году велел сжечь спорные укрепления Прилуки и Снетино. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненные.

Вооруженные стычки во владениях Вишневецкого могли привести к более широкому военному столкновению. Надежда на это и привела Отрепьева в Брачин. Самозванец рассчитывал, что Вишневецкий поможет ему втянуть в военные действия против России татар и запорожских казаков.

Борис Годунов обещал князю Адаму щедрую награду за выдачу «вора». Получив отказ, царь готов был прибегнуть к силе. Опасаясь этого, Вишневецкий увез Отрепьева подальше от границы, в Вишневец, где тот «летовал и зимовал».

В имени Адама Вишневецкого Отрепьев добился прочного успеха. Магнат велел оказывать московскому «царевичу» полагавшиеся ему по чипу почести. По свидетельству Варлаама, он «учинил его (Гришку.— *Р. С.*) на колесницах и на конех и людно». Князь Адам имел репутацию авантюриста, бражника и безумца, но он был известен также и как защитник православия. Признание со стороны Вишневецкого имело для Отрепьева неоценимое значение. Покровительство князя Адама сулило самозванцу большие выгоды, поскольку эта семья состояла в дальнем родстве с Иваном Грозным. После того как Вишневецкий признал безродного проходимца «своим» по родству с угасшей царской династией, самозванческая интрига вступила в новую фазу своего развития.

Глава 6.

Правление Годунова

Борис Годунов был фактическим преемником Грозного, и ему пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и Ивану IV. Годунов сознавал, сколь необходимы для России торговые и культурные связи со странами Западной Европы, и деятельно заботился о расширении торговли с Западом. В 1603 году русское правительство вело в Москве переговоры с посольством Любека и Штральзунда. Немецкие города добивались права беспошлинной и свободной торговли на всей территории России. Они желали открыть немецкие торговые дворы в Москве, Новгороде, Пскове, Ивангороде и просили разрешить немецким купцам чеканить монету на русских денежных дворах.

С помощью ганзейских городов русское правительство надеялось наладить морские сообщения с западноевропейскими странами через Ивапгород и устье Наровы. Однако Швеция, располагавшая первоклассным флотом на Балтике, решительно препятствовала всем попыткам такого рода. Ссылаясь на условия Тязинского вечного мира, шведы блокировали Ивангород с моря.

Главными морскими воротами страны в начале XVII века оставались пристани в устье Северной Двины. По-прежнему основным торговым партнером России была Англия. Однако торговля английской компании в Москве клонилась к упадку.

Будучи осведомлен об убытках Московской компании, Борис был не прочь предоставить англичанам некоторые дополнительные льготы, с тем чтобы оживить англо-русскую торговлю. Кроме того, он подтвердил торговые привилегии, ранее предоставленные Московской компании. В начале XVII века англичане держали свои торговые дома (фактории) в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах и Архангельске. На севере за членами компании были закреплены пять пристаней (в Корельском Устье, на Печенге, Варзуге, Мезени и Шупге), тогда как за голландскими купцами — только две (на Коле и в Пудоожском устье Двины). На Коле получили право приставать также и французские корабли.

Развитие торговли со странами Запада способствовало знакомству русских с достижениями западноевропейской культуры. В Москве возникли проекты

преобразований, имевшие целью развитие просвещения в России. По свидетельству современников, Борис Годунов лелеял планы учреждения в Москве университета и школ, в которых преподавали бы ученые, приглашенные из-за рубежа. По словам Конрада Бусова, Годунов предполагал выписать знающих людей из всех главнейших европейских стран — Англии, Германии, Испании, Италии, Франции, с тем чтобы с их помощью наладить преподавание в Москве и обучить русских людей всем основным европейским языкам¹. Отпуская за рубеж разного рода иноземцев, царь нередко поручал им приискывать за границей ученых людей, согласных поехать в Москву.

Приглашая иностранных специалистов в Россию, Борис использовал методы личной дипломатии. Он прибегал к посредничеству частных лиц, реже вел переговоры с западными властями. Впрочем, власти пограничных с Россией государств, опасаясь усиления ее военного могущества, слишком часто чинили помехи мастерам, пытавшимся пробраться в Москву. Даже медики, следовавшие в Россию, вынуждены были выдавать себя за купцов, оставлять на родине медицинские книги, опасаясь разоблачения на границе. Внутри России проекты учреждения университета и приглашения западных ученых неизменно наталкивались на сопротивление духовенства. Руководство православной церкви упорно не желало допустить в Москву иноверных ученых людей и доверить им дело образования и воспитания русской молодежи. По словам современников, монахи говорили, что земля Русская велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи; если же появятся иные языки, кроме родного, то в стране возникнут распри и раздоры.

В конечном итоге попытки Годунова привлечь в Россию большое число западных специалистов не увенчались успехом. Немалую роль в этом сыграли финансовые трудности, вызванные трехлетним неурожаем. Затратив на борьбу с голодом огромные суммы, казна не смогла выделить средства для осуществления проектов развития просвещения в России. Не имея возможности воспользоваться услугами видных западных ученых, московские власти в ряде случаев довольствовались приглашением студентов из западноевропейских университетов.

С первых лет царствования Бориса в правительственных кругах обсуждались проекты отправки на Запад русских студентов. В 1600 году при обсуждении проекта унии России и Речи Посполитой польские дипломаты предложили включить в договор следующий пункт: «Свободно посылать в обе стороны для обучения юношей, как московитов к нам, так и наших в Москву». В ходе переговоров русские выразили согласие на то, чтобы после заключения договора разрешить русским посылать детей в Речь Посполитую «в службу и в науку».

В связи с развитием русско-английских торговых и дипломатических отношений возник замысел обмена учащимися с целью подготовки знающих переводчиков. План был осуществлен благодаря усилиям Д. Мерика, агента торговой компании. В 1600 году в Лондон с Мериком выехали двое иностранных студентов, обучавшихся русскому языку в Москве. Через два года русские власти направили в Англию четырех русских студентов «для науки разных языков и грамотам». То были дети боярские из дьяческих семей: Никифор Алферьев сын Григорьев, Софон Михайлов сын Кожухов, Казарин Давыдов, Федор Семенов Костомаров. Московские приказные люди принадлежали к наиболее образованной части русского общества. Царь Борис сам представил Мерика русских юношей и просил королеву, чтобы им позволено было получить образование и при этом сохранить свою веру. Мерик согласился взять на себя «заботу о их воспитании». Личное обращение царя к королеве возымело действие. В Лондоне студентам из Москвы был оказан наилучший прием. Осенью 1602 года Д. Чемберлен сообщил, что прибывшие юноши будут обучаться английскому языку и латыни и с этой целью их предполагается определить в различные школы: Винчестр, Итон, Кембридж и Оксфорд². Перед русскими «робятками» открылись двери лучших учебных заведений Англии.

Год спустя московское правительство решило направить за рубеж вторую группу учащихся. На этот раз местом обучения была избрана Германия. После успешных переговоров с царем послы города Любека в июне 1603 года выехали на родину. В пути к ним присоединились пять студентов, имевших при себе грамоту от Бориса Годунова. Царь просил послов представить русских учащихся городскому совету в Любеке и поместить в школу для обучения немецкому и латинскому языкам. Он выразил пожелание, чтобы русские юноши оставались, в православной вере и не забывали русских обычаев, и сообщал, что берет на себя все расходы по их содержанию. В ответном письме царю послы обещали поместить московских учащихся в учебные заведения в Любеке под присмотром добрых и почтенных людей.

Учителя немецкой школы в Москве располагали достоверной информацией о проекте Годунова в области образования. С их слов Конрад Буссов записал сведения о том, что русские студенты были направлены не только в Англию и Любек, но и во Францию. Однако никаких подробностей о лицах, посланных во Францию, не сохранилось. По данным Петра Петрея, несколько русских учеников находились в Стокгольме. Буссов засвидетельствовал, что один из учеников по имени Дмитрий позже вернулся на родину из Стокгольма.

Судьба русских студентов за рубежом сложилась неудачно. В России наступила Смута. Борис Годунов умер, и царская казна перестала отпускать средства на содержание студентов за границей. Заброшенные на чужбину «робятки» вынуждены были искать свои пути в жизни. Немногим довелось вернуться на родину. Среди них был Игнатий Алексеев сын Кучкин, посланный для обучения в Вену и Любек. По возвращении в Москву он рассказал о себе, что «в учении он был в Цесарской зеМле и в Любках восемь лет, и... во 119 (1610—1611) году поехал из Цесарской земли, лаучась языку и грамоте, опять к Москве, и на море-де его переняли ис Колывани (Таллинна) свейские люди»³. С большим трудом Кучкину удалось освободиться из шведского плена и вернуться в Россию.

Борис Годунов не жалел средств, когда речь шла о приглашении искусных докторов и аптекарей. При нем в Москве возник Аптекарский приказ, выделившийся из состава дворцового ведомства. По свидетельству Якова Маржарета, главой приказа был «аптечный боярин», ведавший всеми врачами и аптекарями в государстве. Новая должность считалась одной из высших в Боярской думе. Аптекарский приказ был придворным учреждением и обслуживал царскую семью и близкий к ней круг боярской знати.

Борис ценил своих ученых докторов и много времени проводил в их обществе. Он расспрашивал их об иноземных порядках, советовался о важных государственных делах, особенно религиозных. Сближение православного царя с иноземными докторами вызывало осуждение со стороны приверженцев старины. Русские писатели считали этот грех Годунова едва ли не худшим: «Едино же имея неисправление и от бога отличие, ко врачом сердечное прилежание...»⁴. Правление Бориса было временем рассвета Немецкой слободы на Кокуе, в предместье Москвы. Среди нескольких сот жителей этой слободы преобладали выходцы из Ливонии, принадлежавшие к протестантскому вероисповеданию. По просьбе немецких врачей Годунов позволил им выстроить себе кирху. Члены немецкой колонии в Москве собрали столь много денег на строительство, кирхи, что на оставшиеся после окончания постройки деньги открыли школу в слободе.

Под влиянием «немцев» в московский быт стали проникать некоторые новшества. Самым пагубным из них поборники православия считали обычай брить бороду. К великому возмущению монахов Борис не только не осуждал, но и поощрял брадобритие.

Годунов проявил исключительную заботу о благоустройстве столицы, строительстве и укреплении городов. При нем в жизнь Москвы вошли неслыханные новшества. В Кремле был сооружен водопровод с мощным насосом, благодаря которому вода из Москвы-реки поднималась «великой мудростью» по подземелью на Конюшенный двор. Борис велел выстроить каменный мост «з зубцы» через Неглинную против Тверской

улицы. Сооружение использовали для устройства плотины и мельницы, расположенной под мостом. По аналогичному проекту был построен мост-плотина через Волхов в Новгороде.

Архитекторы Бориса приступили к сооружению нового царского дворца в Кремле. Строители успели заложить фундамент — «взруб каменной за Сретением, от Москвы-реки, а на том было взрубо ставити хоромы». Подле Архангельского собора были выстроены обширные палаты для военных приказных ведомств. За Неглинной мастера поставили новый земский двор, служивший управой благочиния. Посреди Красной площади сделали «лобное место каменное, резана, двери-решетки железные». После большого пожара в Китай-городе Годунов выделил из казны средства для постройки там каменных торговых рядов.

Строительство превратилось в подлинную страсть Бориса Годунова. По его приказу надстроили столп колокольни Ивана Великого и «подписали» на нем имя Бориса. Искусные мастера отлили для колокольни огромный колокол — «таков колокол весом не бывал». Из-за неслыханной тяжести его так и не смогли поднять наверх и сложили для него особую деревянную «колокольницу». Царские архитекторы приступили к возведению грандиозного каменного собора «святая святых» на площади за Иваном Великим. Рабочие успели забить сваи и завезти на строительную площадку камень и известь. Смерть Бориса помешала довести дело до конца.

К числу шедевров русской архитектуры принадлежат каменные церкви, воздвигнутые в годуновских вотчинах в селах Хорошево и Вяземы под Москвой.

В строительной деятельности Годунова примечательны два момента. Во-первых, его постройки оставили заметный след в развитии русской архитектуры. Во-вторых, Годунов нередко подчинял свои проекты благотворительным целям. В годы голода он продолжал строительство в столице, чтобы обеспечить заработок для неимущей бедноты.

Борис Годунов покровительствовал талантливым строителям и архитекторам. Благодаря его поддержке в полной мере раскрылся талант Федора Коня. Под руководством этого замечательного мастера строители опоясали Белый город в Москве мощными каменными стенами с двадцатью семью башнями. Федор Конь руководил возведением грандиозных крепостных сооружений в Смоленске. Борис сам участвовал в закладке смоленской крепости. По его приказу крепость строили «все города Московского государства». Строительство велось с неслыханным размахом. Спеша с завершением работ, власти в 1600 году временно запретили по всему государству все каменные постройки, л о связанные с нуждами казны, с тем чтобы собрать каменщиков и мастеров в Смоленске. Тем, кто нарушал государеву «заповедь», грозила смертная казнь. Камедный город в Смоленске стал твердыней русской обороны на западных подступах к Москве.

Современники с похвалой отзывались о приверженности Бориса делу просвещения, о его обширном строительстве, и многом попечении «о державе своей». Люди, знавшие Годунова, считали его редким оратором и восхищались его речами. Как писал англичанин Джером Горсей, Борис был одарен хорошими способностями, неучен, но быстрого ума; от природы красноречив и имеет звучный голос.⁵ Будучи человеком «сладкоречивым», Борис не любил тратить время в пустой болтовне. Как отметили послы ил Любека, на царских аудиенциях в Кремле «пространные разглагольствования не допускаются, так как государь не любит подолгу оставаться в сидячем положении»⁸.

Обладая несокрушимой волей, Годунов производил впечатление мягкого человека. В минуты душевного волнения он давал волю слезам. В 1602 году Борис посетил смертельно больного герцога Ганса Датского, прибывшего в Москву в качестве жениха царевны Ксении Годуновой. Каждый раз при появлении царя у постели герцога разыгрывалась одна и та же сцена. Борис рыдал, вместе с ним выли и причитали все бояре. В комнате стоял невообразимый шум. Один из членов датской свиты услышал и записал в дневнике «плач» Бориса у постели Ганса. «Заплакала бы и трещина в камне, что

умирает такой человек, от которого я ожидал себе величайшего утешения,— причитал царь.— В груди моей от скорби разрывается сердце!»⁷ В отличие от Ивана IV Борис проявлял редкое постоянство в семейной жизни, был привязан к детям. Перечисляя добродетели Годунова, современники подчеркивали его отвращение к богомерзкому винопитию.

Русским писателям принадлежат лучшие словесные портреты Годунова. По словам одного из них, Борис имел облик благородный и благообразный, «благолепием цветущ и образом своим множество людей превзошед».

Англичанин Джером Горсей отметил величественные манеры Годунова, красоту его лица и приветливость в обращении с людьми. Английские послы, побывавшие в Москве в 1604—1605 годах, утверждали, что царь был рослый и дородный человек, выделявшийся своей представительностью, имел правильные черты лица, черные редкие волосы, отличался в упор смотрящим взглядом. Голландец Исаак Масса, живший в России, писал, что Борис Годунов был дороден и коренаст, невысокого роста, лицо имел круглое, волосы и бороду — поседевшие; обладал превосходной памятью и «знал все лучше тех, которые много писали».

В полной мере современники оценили мудрость Бориса в годы Смуты, когда трон достался его ничтожным преемникам. Хотя и были после Бориса другие умные цари, дипломатично заметил дьяк Иван Тимофеев, но их разум лишь тень по сравнению с его разумом. Даже враги, отдавая должное Борису, писали, что у него было множество великих замыслов и только неблагоприятные обстоятельства помешали ему их осуществить.

Царствование Бориса имело благополучное начало. Но в народе зрело недовольство. Не желая шириться с податным гнетом и неволей, холопы, крестьяне, посадские люди покидали обжитые места и бежали на окраины, за пределы пограничных оборонительных линий — «засек». В глубинах «дикого поля» образовались казацкие общины, которые успешно вели борьбу с кочевниками. Отражая частые нападения со стороны степных кочевников, донские казаки продвинулись к устью Северного Донца и основали там свою столицу — Раздоры. Успехи казацкой вольницы вызывали глубокую тревогу в московских верхах; пока Дон сложил прибежищем для беглых, крепостной режим в Центре не мог восторжествовать окончательно. Борис прекрасно понимал это, и его политика в отношении окраины отличалась решительностью и беспощадностью.

Шаг за шагом продвигаясь вслед за казаками, воеводы строили среди «дикого поля» новые городки и укрепления, определяли па государеву службу вольное население. После коронации Бориса в степях был основан город Царев-Борисов. Новая крепость отстояла на сотни верст от старых русских рубежей. Зато из нее открывались кратчайшие пути к Раздорам. Противостояние крепости с царским именем и казацкой столицы имело символический смысл. Название крепости показывало, что взаимоотношения с казачеством стали для Бориса не только источником постоянных тревог, но и вопросом престижа.

Казачье войско не могло существовать без подвоза боеприпасов и продовольствия из России. Стремясь подчинить казачью вольницу, Годунов запретил вольную торговлю с Доном, объявил, что лишь казна может отправлять донским атаманам оружие и порох, и стал преследовать тех, кто нарушал его указ. Царь Борис сознавал, какую опасность таит в себе бурлящая окраина. Но предпринятые им попытки стеснить казачью вольность обернулись против него самого. Донские казаки поддержали восстание в пользу самозванца.

При вступлении на престол Борис торжественно обещал покончить с нищетой народа в своем царство. После коронации он не раз повторял, что готов разделить с подданными последнюю сорочку. Как доносили из Москвы иноземные послы, Годунов намеревался облегчить участь крестьян, регламентировать их платежи в пользу дворян. Но какими бы ни были помыслы Бориса, он никогда их так и не осуществил. Отмена

Юрьева дня и проведение в жизнь указа о сыске беглых крестьян безмерно расширили власть феодальных землевладельцев над сельским населением. Дворяне всё чаще вводили в своих поместьях барщину, повышали оброки. Крестьяне с трудом приспосабливались к новому порядку.

В начале XVII века на Россию обрушились неслыханные стихийные бедствия, вызвавшие массовое разорение деревни. В аграрной России сельскохозяйственное производство целиком зависело от погодных условий. Изучение климатических изменений привело ученых к выводу, что на протяжении последнего тысячелетия самое значительное похолодание произошло во второй половине XVI — начале XVII века. В различных уголках Европы, от Франции до России, земледельцы сталкивались с одними и теми же явлениями: сокращением продолжительности теплых летних сезонов, необычайными морозами и обильными снегопадами. Климатические перемены не были столь значительными, чтобы вызвать общее снижение сельскохозяйственного производства. Но некоторые области Европы на рубеже веков пережили аграрную катастрофу.

Ухудшение климатических условий совпало в ряде случаев с нарушением погодных циклов. На каждое десятилетие приходилось обычно два-три неблагоприятных, в климатическом отношении лета. Как правило, плохие годы чередовались с хорошими, и крестьяне компенсировали потери из следующего урожая. Но когда бедствия губили урожай на протяжении двух лет подряд, мелкое крестьянское производство терпело крушение.

В начале XVII века сельское хозяйство России испытало последствия общего похолодания в Европе и нарушения погодного цикла. Длительные дожди помешали созреванию хлебов во время холодного лета 1601 года. Ранние морозы довершили беду. Крестьяне использовали незрелые, «зяблые», семена, чтобы засеять озимь. В итоге на озимых полях хлеб либо вовсе не пророс, либо дал плохие всходы. Посевы, на которые земледельцы возлагали все свои надежды, были погублены морозами в 1602 году. В 1603 году крестьянам нечем было засеять поля. Наступил страшный голод.

Но обыкновению цены поднимались к весне. Нечего удивляться, что уже весной 1601 года «хлеб был дорог». Через год рожь стала продаваться в 6 раз дороже. Затем эта цена возросла еще втрое. Не только малоимущие, но и средние слои населения не могли покупать такой хлеб,

Исчерпав запасы продовольствия, голодающие принялись за кошек и собак, а затем стали есть траву, липовую кору. Голодная смерть косила население по всей стране. Трупы валялись по дорогам. В городах их едва успевали вывозить в поле, где закапывали в большие ямы. Только в Москве власти за время голода погребли в трех больших «скудельницах» (на братских кладбищах) сто двадцать тысяч мертвых. Эту цифру приводят в своих записках и иноземцы (Я. Маржарет) и русские (А. Палицын)⁸.

Правительство Бориса-Годунова не жалело средств на борьбу с голодом. В Москве голодающим были розданы огромные суммы денег. Но деньги теряли цену день ото дня. На казенную копейку не могла более прокормиться не только семья, но даже один человек. По всему государству были разосланы чиновники для выявления хлебных запасов. Годунов приказал продавать народу зерно по умеренным ценам. Но запасы в царских житницах истощились довольно быстро. Немало хлеба, проданного по твердым ценам, попало в руки хлебных скупщиков. Чтобы пресечь хлебную спекуляцию, царь велел казнить нескольких столичных пекарей, мошенничавших на выпечке хлеба. Но это не привело к желаемой цели.

Меры правительства, может быть, и имели бы успех при кратковременном голоде. Повторный неурожай свел на нет все усилия.

Городское население было малочисленным. Но государственных запасов не хватило даже для горожан. Благотворительность не распространялась на деревню.

Крестьянское население было предоставлено своей судьбе. Многие годы закрепощенные крестьяне жили надеждами на «государевы выходные лета». Своим указом о сыске беглых Борис нанес смертельный удар их надеждам. Но три года спустя, он выказал гибкость, отступив от принятого курса. 28 ноября 1601 года страна узнала о восстановлении сроком на год крестьянского выхода в Юрьев день.

Не следует думать, что голод сам по себе мог привести к столь крутому социальному повороту. К осени 1601 года последствия первого неурожая не обнаружили себя в полной мере. Население еще не исчерпало старых запасов. Трехлетний голод был впереди, и никто не мог предвидеть его масштабов. Годунов боялся не голода, а социальных потрясений, давно предсказанных трезвыми наблюдателями. Крестьянство оставалось немым свидетелем смены династии. Никто не думал спрашивать его мнение в деле царского избрания. Каким бы ничтожным не был царь Федор, народ верил ему. Администрация всех рангов сверху донизу правила его именем. Все ее распоряжения исходили от законного государя. Борис же не был прирожденным царем. Как мог он при этом претендовать на место «земного бога»? Неторопливый крестьянский ум не сразу сумел найти ответ на столь трудный вопрос. Борис постарался одним ударом завоевать привязанность сельского населения. Его указ как нельзя лучше отвечал такой цели. Именем Федора у крестьян отняли волю. Теперь Борис восстановил Юрьев день и взял на себя роль освободителя. Его указ понятными словами объяснял крестьянам, сколь милостив к ним «великий государь», который пожаловал их и «во всем своем государстве от налога и от продажи велел крестьяном давати выход»⁹.

Боясь вызвать гнев знати, Борис сопроводил закон о восстановлении Юрьева дня множеством оговорок. Действие закона не распространялось на владения бояр, столичных дворян, князей церкви. Жившие на этих землях крестьяне оставались крепостными. Право выхода получили лишь жители мелких провинциальных имений. Речь шла не столько о выходе крестьян, сколько о свозе их уездными дворянами. Можно было ожидать, что с восстановлением Юрьева дня крестьяне хлынут на земли привилегированных землевладельцев, имевших возможность предоставлять новоприходцам большие ссуды и льготы. Правительство отвело эту угрозу, запретив богатым землевладельцам звать к себе крестьян. Что касается провинциальных дворян, то они получили право вывозить разом не более одного-двух крестьян из одного поместья. Такое распоряжение заключало в себе определенный экономический смысл.

При Борисе Годунове Россия впервые пережила общий голод в условиях закрепощения крестьян, что создало особые трудности для мелкого крестьянского производства. На протяжении века Юрьев день играл роль своего рода экономического регулятора. При неурожаях крестьяне немедленно покидали помещиков, отказывавшихся помочь им, и уходили к землевладельцам, готовым ссудить их семенами и продовольствием. В условиях закрепощения небогатые поместья превращались в своего рода западню: крестьянин ни подмоги не получал, ни разрешения уйти прочь. Законы Годунова открыли двери ловушки. В то же время они мешали предприимчивым дворянам переманить к себе от соседей многих крестьян, на подмогу которым у них не было средств.

Дворяне противились любым уступкам в пользу крепостных. Их бесчинства достигли таких масштабов, что при повторном издании закона о восстановлении Юрьева дня в 1602 году власти внесли в него пункт против помещичьего самоуправства: «Сильно бы дети боярские крестьян за собой не держали и продаж им некоторых не делали, а кто учтет крестьян грабити и из-за себя не выпускати, и тем от нас быти в великой опале»¹⁰. Все эти угрозы не могли испугать дворян, коль скоро дело касалось доходов. Без крестьян мелкого помещика ждала нищенская сума. А о каких-либо серьезных санкциях против дворянской массы, составлявшей социальную опору крепостнического государства, не могло быть и речи. Попытки облегчить положение голодающей деревни, как видно, не удались.

В 1603 году закон о Юрьеве дне не был подтвержден. Борис Годунов признал неудачу своей крестьянской политики. Знать оценила меры царя, всецело отвечавшие ее интересам. Зато в среде мелкого дворянства популярность династии Годуновых стала быстро падать. Это обстоятельство немало способствовало успеху самозванца.

Борису не удалось завоевать народные симпатии. Голод ожесточил население городов и деревень. К 1602—1603 годам во многих уездах России появились отряды повстанцев. Самый крупный из них — отряд Хлопка — действовал в окрестностях Москвы. По мнению И. И. Смирнова, выступления низов явились грозными предвестниками крестьянской войны, а главную роль в них сыграли голодающие холопы, которых господа отказывались кормить и гнали со двора. А. А. Зимин считал, что выступления 1602—1603 годов знаменовали начало крестьянской войны, сразу охватившей многие уезды страны. Разрядные книги, казалось бы, давали прочную основу для такого предположения. На протяжении года власти направили по крайней мере два десятка дворян в такие города, как Владимир, Рязань, Вязьму, Можайск, Волок Ламский, Коломну, Ржев, поручив им борьбу с действовавшими там разбойниками. Было высказано предположение, что выступления «разбоев» в разных уездах являлись частью общего движения (восстания Хлопка), охватившего весь центр государства. Критический анализ источников позволяет опровергнуть это предположение. Обнаружить истину помог несложный прием — проверка служебных назначений дворян, руководивших поимкой разбойников. Оказалось, что дворян посылали в разные места на короткое время за год до восстания Хлопка, за полгода и т. д. Иначе говоря, действия разбойников в городах не были связаны с восстанием Хлопка в Подмосковье осенью 1603 года. Можно ли видеть в «выступлениях» разбойников борьбу угнетенных, масс против феодалов? Такая оценка, утвердившаяся в литературе, требует уточнений. В 1602—1603 годах московское население переживало неслыханный голод. Надеясь на помощь казны, множество голодающих крестьян из Подмосковья и десятка других уездов хлынули в столицу, но там их ждала голодная смерть. Власти предпринимали отчаянные попытки наладить снабжение города, но их усилия не дали результатов. Запасы, хлеба в стране были почти полностью исчерпаны, а то небольшое, что удавалось заготовить в уездах, невозможно было доставить в Москву. На дорогах появились многочисленные шайки «разбоев», которые отбивали и грабили обозы с продовольствием, направлявшиеся в столицу. Действия «разбоев» усугубляли народные бедствия, обрекали на гибель тысячи крестьян-беженцев.

Критическая ситуация определила характер правительственных мер. Чтобы обеспечить беспрепятственную доставку грузов в Москву, власти направили дворян на главнейшие дороги — владимирскую, смоленскую, рязанскую, связывавшие город с различными уездами. «Разбои» действовали не только в провинции, но и в столице. 14 мая 1603 года Борис Годунов поручил охранять порядок в Москве виднейшим членам Боярской думы, Москва была разделена на одиннадцать округов. Кремль стал центральным округом, два бкруга были образованы в Китай-городе, восемь — в Белом и Деревянном «городах». Округа возглавили бояре князь Н. Р. Трубецкой, князь В. В. Голицын, М. Г. Салтыков, окольник П. Н. Шереметев, В. П. Морозов, М. М. Салтыков, И. Ф. Басманов и трое Годуновых. Бояре вместе со своими помощниками — дворянскими головами — регулярно совершали объезды отведенных им кварталов.

Описанные меры носили чрезвычайный характер. Они явились прямым следствием той критической ситуации, которая сложилась в Москве к 1603 году. Возможности помощи голодающим были исчерпаны, и раздача денег бедноте полностью прекращена. В наихудшем положении оказались беженцы, которых было едва ли не больше коренных жителей Москвы. Беженцы заполнили площади и пустыри—«полые места», пожарища, овраги и лужи. Они жили либо под открытым небом, либо в наспех сколоченных будках и шалашах. Лишенные помощи, беженцы были обречены на мучительную смерть. Каждое

утро по московским улицам проезжали повозки, в которых увозили трупы умерших за ночь людей.

Угроза голодной смерти толкала отчаявшихся людей на разбои и грабеж. Летописцы очень точно охарактеризовали положение, сложившееся в разгар голода, когда «бысть великое насилие, много богатых дома грабили, и разбивали, и зажигали, и бысть страхование великое и умножишася неправды»¹¹. Беднота громила хоромы богачей, поджигала дома, чтобы легче было грабить, набрасывалась на обозы, едва те появлялись па столичных улицах. Перестали функционировать рынки. Стоило торговцу показаться на улице, как его мгновенно окружала толпа, и ему приходилось думать лишь об одном: как спастись и не быть раздавленным. Голодающие отбирали хлеб и тут же поедали его.

Грабежи и разбои в Москве по своим масштабам, по-видимому, превосходили все, что творилось в уездных городах и на дорогах. Именно это и побудило Бориса возложить ответственность за поддержание порядка в столице на высший государственный орган — Боярскую думу. Бояре получили наказ использовать любые военные и полицейские меры, чтобы «на Москве по всем улицам, и по переулкам, и по полым местам, и подле городов боев, и грабежов, и убийства, и татьбы, и пожаров, и всяково воровства не было никоторыми дель»¹². Пока в окрестностях столицы действовали малочисленные шайки «разбоев», правительство гораздо больше опасалось восстания в городе, нежели нападения шаек извне. Но положение переменилось, когда «разбои» объединились в крупный отряд. Его предводителем был Хлопко. По словам современников, среди «разбоев» преобладали беглые боярские холопы. Прозвище атамана указывает па то, что он также был холопом. В сентябре 1603 года Хлопко действовал на смоленской и тверской дорогах. В то время в Москве порядок в западных кварталах «по Тверскую улицу» охранял воевода Иван Басманов. Понадеявшись па свои силы, он вышел из городских ворот и попытался захватить Хлопко. Пятьсот повстанцев приняли бой. Басманов был убит. Лишь получив подкрепление из Москвы, правительственные войска разгромили восставших. Хлопко и других пленных привезли в столицу и там повесили.

В выступлениях 1602—1603 годов трудно провести разграничительную черту между разбойными грабежами и голодными бунтами неимущих. Социальный характер движения проявлялся прежде всего в том, что порожденное голодом насилие было обращено против богатых. В разгар восстания Хлопко царь Борис издал указ о немедленном освобождении всех холопов, незаконно лишенных пропитания их господами. Царский указ подтверждает слова современников о том, что на разбой шли прежде всею холопы, служившие в вооруженных боярских свитах.

Среди зависимого населения боевые холопы были единственной хорошо вооруженной и имевшей боевой опыт группой. События 1603 года показали, что при определенных условиях боевые холопы могут стать ядром повстанческого движения. Это обстоятельство и вынудило власти пойти па уступки холопам в ущерб интересам дворян.

После разгрома Хлопко многие повстанцы бежали на окраины — в Северскую землю и в Нижнее Поволжье. Прямым продолжением выступления «разбоев» в Центре стали разбойные действия казаков на нижней Волге в 1604 году. Все эти события предвещали гражданскую войну.

В 1602—1603 годах молва о чудесно спасшемся Дмитриии не стихла, а усилилась. Но эта молва не заключала в себе идеи «добротого царя». Выступления низов в 1602—1603 годах также никак не были связаны с этой идеей. Никаких следов веры в добротого царя-избавителя до вступления Лжедмитрия I в Россию обнаружить не удается.

Пережив опалу, Григорий Отрепьев с котомкой бродячего монаха обошел половину России. Он видел го« подающий и недовольный народ, видел гибель неимущих в Москве. Опальный боярский слуга чутьем уловил, какие огромные возможности открывает перед ним сложившаяся историческая ситуация. Страна стояла на пороге гражданской войны, и авантюрист использовал все средства, чтобы ускорить ее начало.

Глава 7. Вероотступник

В конце XVI века Речь Посполитая переживала острый внутренний кризис. Магнаты и шляхта столкнулись с открытым сопротивлением угнетенного крестьянства на Украине и в Белоруссии. По стране прокатилась волна казацко-крестьянских восстаний, запылали феодальные усадьбы. В 1603 году брожение вновь охватило украинские земли. В любой момент можно было ждать нового взрыва. Наибольшее беспокойство властей вызывала Запорожская Сечь, средоточие казацкой вольницы. Казаки закупали оружие, вербовали охотников, заготавливали продовольствие. Их приготовления вызвали тревогу польских властей, опасавшихся, как бы выступление запорожцев и донцов по стало сигналом к новым массовым восстаниям на Украине. 12 декабря 1603 года король Сигизмунд III издал грозный универсал, под страхом казни запрещавший продавать казакам оружие и порох. Но на универсал никто не обратил внимания.

Самозванец пытался склонить казаков на свою сторону и с этой целью ездил в Сечь. Имеются сведения о том, что Отрепьев просил запорожцев «насадить его на Путивле», самом крупном городе Северной земли, после чего обещал их щедро пожаловать. Однако самозванцу не удалось вовлечь Сечь в свою авантюру. Начав борьбу за национальное освобождение, украинский народ все больше уповал на помощь со стороны братского русского народа. Идея воссоединения носилась в воздухе. Московские послы не раз приезжали в Сечь, чтобы договориться о совместной борьбе с Крымской ордой. В 1600 году Борис принял в Москве запорожских послов. Четыре года спустя он направил в Запорожье посланца Ивана Солонину с оружием и денежным жалованьем. Борис призвал казаков выступить против бусурман — турок и татар. Отрепьев убеждал запорожцев объединиться с крымцами и напасть на православную Русь. Его доводы не достигли цели. Отрепьев не скупился на обещания, но у него не было денег на организацию экспедиции. В первом столкновении с Борисом самозванец потерпел поражение.

Запорожцы помогли Отрепьеву установить связи с донскими казаками. Осенью 1603 года его послы посетили Раздоры на Дону. «Царевич» обещал донцам волю, и те немедленно отозвались на его обещание. «Писал ты до нас,—значилось в казацкой отписке,— ...святой памяти отца своего и нашего прирожденного царя... Ивана Васильевича... относительно полных вольных лет». Донцы были первыми в России, кто решительно заявил о поддержке «законного монарха». «Мы, холопы твои, подданные государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению...» Слухи о чудесном спасении Дмитрия подготовили почву для признания самозванца. Казаки поверили тому, чего давно ждали. Их ответ «государю», был проникнут удивительной наивностью. В заголовке казачьей грамоты читаем: «По воле и благословлению бога дарованному государю царевичу, воскресшему как Лазарь из мертвых»¹.

Борис стеснил донских казаков. На Дону все чаще появлялись его воеводы. Царские крепости были воздвигнуты на казацких землях на Осколе и Северном Донце. Казаки понимали, что их вольностям приходит конец. По этой причине обещания «полных вольных лет» при всей их неопределенности произвели на донцов почти магическое действие, и тотчас молва о чудесно спасшемся царевиче начала трансформироваться в утопию о «добром царе».

Круг постановил признать прирожденного государя, атаманы Корела и Межаков взяли доставить придворную грамоту «Дмитрию». Миссия завершилась провалом. Донцы были взяты под стражу, а находившийся в их руках пакет попал к князю Янушу Острожскому. Князя Острожские знали беглого московского инок и считали его обманщиком. Они не желали войны с Россией, но более всею боялись нового взрыва казацких восстаний на Украине. Допросив Корелу, князь Януш дознался, что на помощь «царевичу» скоро придут две тысячи донцов и других «злодеев». Встревожившись,

воевода обратился с письмом к королю. Он предлагал с помощью военных мер пресечь назревавшее «воровство»,¹ в результате которого казаки, «соединившись, или вторгнутся в Московскую землю, или получают возможность произвести великие беспорядки на Украине»². В последующих письмах Острожский выражал опасения, что Казаки, поддерживающие «царевича», того и гляди затеют бунт, наподобие бунта Наливайки.

В 1600 году Россия и Польша подписали договор о двадцатилетнем перемирии. Мир был настоятельной необходимостью как для русских, так и для поляков. Самые дальновидные политики Речи Посполитой выступали за сближение с восточным соседом. Коронный гетман Ян Замойский предлагал скрепить мир с Россией браком короля с Ксенией Годуновой. Против войны высказалась большая часть сенаторов Речи Посполитой.

Но князь Адам Вишневецкий вел свою особую войну с царем Борисом из-за спорных городков на левобережье Днепра. В пылу борьбы он стал собирать войско для самозванца в пределах своей вотчины на Суле. Самозванец и его покровитель рассчитывали набрать несколько тысяч казаков и вторгнуться в пределы России в тот момент, когда русские полки будут связаны борьбой с крымцами. Весной 1604 года вторжения орды в пределы России ждали со дня на день. Но Крым так и не решился па войну с царем, а вольница ие собралась под знаменами самозванца. Военные планы Отрепьева потерпели полное крушение. Силы, собранные в имени Вишневецкого, были слишком невелики, чтобы начинать войну. Донские казаки обещали помощь. Но их письмо не попало в руки к «царевичу», и он ничего не знал о планах Войска Донского. Князь Адам Вишневецкий должен был считаться с позицией коронного гетмана и большинства других сенаторов. Его воинственный задор все больше охладевал. В этот момент Отрепьев вновь обнаружил поразительную способность приспосабливаться к обстоятельствам. Польские порядки значительно отличались от русских. Король обладал ограниченной властью. Оппозицию его власти возглавлял не кто иной, как коронный гетман Замойский. В окружении гетмана проекты войны с Россией не встретили сочувствия. Зато Сигизмунд III давно лелеял планы похода на восток. Его воинственные замыслы разделял сенатор Юрий Мнишек, связанный с влиятельными католическими кругами. Родней сенатора был примас Польши кардинал Б. Мациевский.

Отрепьев недолго пробыл в Литве, но успел многое узнать. Не получив поддержки в Сечи и не имея вестей с Дона, авантюрист решил порвать со своим православным покровителем и искать помощи в тех католических кругах, которые известны были своей крайней враждебностью к России. Из имени Вишневецкого Отрепьев перебрался к Юрию Мнишкеку в Самбор. Еще недавно беглый монах рассчитывал водвориться в Москве с помощью казаков и татар. Новый покровитель самозванца отверг эти планы. Он надеялся на помощь короля и обещал посадить претендента на царский трон с помощью коронной армии. Мнишек не принадлежал к числу влиятельных государственных деятелей. Но он знал, что король Сигизмунд III давно ищет повода к войне с Россией, и твердо рассчитывал на его покровительство. Гетман С. Жолкевский, наблюдавший за интригами сторонников войны, писал, что Мнишек действовал посредством лести и лжи и что особенно важна была для него помощь его родственника кардинала Мациевского, имевшего в то время большой вес при дворе короля. Мнишек помог самозванцу заручиться поддержкой литовского канцлера Льва Сапеги. Канцлер во всеуслышанье заявил, что «Дмитрий» очень похож на покойного царя Федора, и пообещал снарядить и прислать в помощь «царевичу» две тысячи всадников. Готовясь представить самозванца королевскому двору, покровители Отрепьева организовали неловкую инсценировку. На службе у Сапеги в течение двух лет подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший пленником в Москву в детском возрасте. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. Петрушка-Петровский был спешно отправлен к Вишневецкому, чтобы удостоверить личность претендента.

Встреча произошла в Жаложницах, куда самозванца доставил зять Мнишека Константин Вишневецкий. По словам Мнишека, Петровский сразу признал москвитя за истинного царского сына, указав на знаки, «которые он на его теле видел».

На самом деле встреча в Жаложницах едва не кончилась скандалом. «Пан Петровский» при виде самозванца не нашелся, что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, громогласно заявил, что узнает бывшего слугу, и с большой уверенностью стал продолжать с ним беседу. Холоп тут же «узнал царевича». В имении Вишневецкого Отрепьева видели убогим расстригой. Там он оставался ряженой куклой. Князь Адам снабдил самозванца богатой одеждой и велел возить в колыхаге. Он мог отнять и то и другое в любой момент. В Самбор Отрепьев явился как царевич. Там проведены были новые «смотрины», о которых Мнишек рассказывал следующее: «В Самборе некоторый слуга господина воеводы (Ю. Мнишека.— *Р. С.*), который под Псковом пойман был и, несколько лет находясь в Москве в неволе, знал его (царевича Дмитрия.— *Р. С.*) еще в детстве и признал его (самозванца.— *Р. С.*) за того же»³.

При Шуйском произошло любопытное объяснение между царскими послами и поляками. Объясняя причины, побудившие короля поверить самозванцу, польские дипломаты писали: «И для таковых всех мер, а не за свидетельством Петровского, и двух чернцов (!), и хлопца пана воеводиного (Мнишека.— *Р. С.*), яко есте написали, склонившись веру дать тому (Дмитрию.—*Р. С.*)»⁴. Несколько иначе очертил круг свидетелей старец Варлаам. Князя Угличского, по его словам, узнали «пять братьев Хрипуновых, да Истомин человек Михнева Петрушка (Петровский.— *Р. С.*), да Ивашко, что вож, да мужики посадцкие киевляне»⁵.

По понятным причинам Варлаам не назвал в числе свидетелей себя и второго чернеца — Мисаила.

Князь Адам Вишневецкий еще в ноябре 1603 года известил короля, что к «царевичу» прибежали двадцать «москалей», приветствовавших его как законного государя. Все они были из престолярства. Если бы среди беглецов нашелся хотя бы один дворянин, Вишневецкий упомянул бы об этом. Иезуиты назвали имя первого «видного» лица, прибывшего на помощь к Лжедмитрию. То был Иван Порошин, происходивший, скорее всего, из мелких служилых людей. В отличие от Порошина братья Дубеискне-Хрипуновы принадлежали к числу видных уездных дворян. Но их измена не имела никакого отношения к самозванцу. Хрипуновы были подкуплены Львом Сапегой и успели передать ему немало московских секретов. Они бежали за рубеж, спасаясь от разоблачения. Там поступили на службу к Сапеге и в угоду ему «вызнали» в Отрепьеве законного царевича. Такими же подставными свидетелями были «пан Петровский» и холоп Мнишека.

Первые приверженцы «царевича» — посадские мужики-киевляне, донские и украинские казаки — все принадлежали к низам общества. Именно низшие социальные слои стали питательной средой, в которой окончательно сформировалась идея «добраго царя».

Что побудило Мнишека оказать покровительство сомнительному проходимцу, бежавшему из России? Его мотивы не имели никакого отношения к русским утопиям. Престарелый Юрий Мнишек пользовался дурной репутацией. Он снискал расположение слабого короля Сигизмунда II Августа, оказывая ему самые разные, подчас сомнительные услуги. После смерти короля из дворца исчезли все его драгоценности. Ораторы сейма открыто обвинили в грабеже Юрия Мнишека. Последнему с трудом удалось избежать судебного разбирательства.

Благодаря связям при дворе Мнишек добился должности воеводы Сапдомпрского и старосты Львовского и Самборского. Под его управление поступили доходные королевские имения в Червонной Руси. Однако Мнишек распорядился королевскими доходами столь плохо, а его страсть к роскоши и расточительству была столь велика, что к концу жизни он совершенно запутался в своих финансовых делах и оказался на грани

полного разорения. Постоянные задержки с уплатой сборов в казну привели к тому, что в 1603 году королевские чиновники явились в Самбор, угрожая наложить арест на имущество Мнишека. Воеводе пришлось спешно продать одно из своих имений, чтобы уплатить неотложные долги. Но поправить дела ему не удалось, и осенью 1603 года Мнишек обратился к Сигизмунду III со слезной просьбой позволить ему на год задержать выплату королевских доходов с Самбора.

Современники утверждали, что разорившийся магнат оказал покровительство самозванцу из самых корыстных побуждений, «ослепленный корыстолюбием и гордостью». Зная замыслы короля, Мнишек надеялся вернуть себе его милость и тем самым разрешить вопрос о недоимках и долгах. Его расчеты вполне оправдались. Сигизмунд III давно потерял надежду получить недоимки с самборской экономии и потому охотно согласился предоставить «царевичу» помощь в четыре тысячи флоринов в счет доходов с Самбора. Таким образом, вопрос о выплате очередных годовых сборов в королевскую казну и недоимок разрешался сам собой.

Мнишек спешил взять интригу в свои руки. Он не только принял Отрепьева с царскими почестями, но и решил породниться с ним. Поощряемый Мнишеком, самозванец сделал предложение его дочери Марине. Отец встретил новость благосклонно, но объявил, что даст ответ после того, как «царевич» будет принят королем в Кракове.

Сватовство дало Мнишеку благовидный повод для обращения Отрепьева в католичество. Находившиеся в Самборе бернардинцы пришли ему на помощь. Отрепьеву волей-неволей пришлось участвовать в ученых диспутах с ними. «Царевич» защищал православие без всякого воодушевления и, более того, дал понять собеседникам, что за ним дело не станет и вопросы веры могут быть решены к общему удовольствию.

В своей рискованной игре Мнишек добился бесспорного успеха. Воспитанник иезуитов, Сигизмунд III был ревностным поборником католической контрреформации. Обещания Мнишека относительно перехода московского «царевича» в католичество усилили его интерес к интриге, Сигизмунд III вел дело к войне, не имея на то согласия сенаторов и сейма и грубо попирая интересы страны. 5(15)* марта 1604 года он велел арестовать московского «канцлера» дьяка А. Власьева, возвращавшегося из Дании в Россию через польские владения. Расчет состоял в том, чтобы осложнить русско-польские отношения. В тот же день Отрепьев получил частную аудиенцию в королевском замке на Вавеле. Претендент поцеловал руку короля, после чего, «дрожа всем телом, рассказал ему в кратких словах, за кого себя считает...». Выслушав сбивчивый рассказ, Сигизмунд выслал самозванца и стал совещаться с глазу на глаз с папским нунцием Рангони. Затем Отрепьева повторно ввели в зал, и король обратился к нему с милостивым словом, обещая свое покровительство. Претендент не смог вымолвить ни слова в ответ и лишь угодливо кланялся.

Сигизмунд III согласился предоставить самозванцу помощь на определенных условиях, зафиксированных в письменных «кондициях». Этот документ обнаруживал всю лживость рассуждений короля о «русской угрозе», все лицемерие мирных заверений, адресованных Борису Годунову. С помощью самозванца Сигизмунд III рассчитывал перекроить русские границы и добиться от России значительных территориальных уступок, а кроме того, получить от Москвы военную помощь для овладения шведской короной.

Перспектива победы контрреформации в Швеции и насаждения католичества в Москве вызвала воодушевление в Кракове и Риме. В марте 1604 года папский нунций Рангони имел длительную беседу с Отрепьевым. Воспользовавшись поддержкой Рангони и иезуитов, Ю. Мнишек быстро завершил дело обращения самозванца в католическую веру. Смена веры не принесла самозванцу существенных материальных выгод. Горсть

* В польских документах приводятся даты по новому календарю, принятому поляками в конце XVI века. Здесь и далее в скобках даты по новому стилю.

золотых, полученных от иезуитов, была истрачена очень быстро. Но в политическом отношении Отрепьев добился очень многого. Перейдя в католичество, «царевич» предал своих недавних союзников — православную украинскую чернь, киевских мужиков, донских казаков, признающих «православного государя». Предательство должно было убедить покровителей самозванца в том, что он никогда не станет вторым Наливайкой — вождем мятежных запорожцев и украинских мужиков.

Заклучив «кондиции» с королем, Отрепьев обязался уступить Речи Посполитой Чернигово-Северскую землю. Обязательство было затем подтверждено особым договором о передаче короне и Речи Посполитой шести городов (очевидно, Чернигова, Новгорода-Северского, Путивля и др.) в княжестве Северском «со всем, что к оным принадлежит».

Однако еще раньше Отрепьев обещал передать Северскую землю Юрию Мнишеку. Оказавшись в трудном положении, претендент на трон решил любой ценой удовлетворить обоим своим покровителей. Было выработано соглашение о разделе Северской земли между королем и Мнишеком. Беглый монах согласился передать Мнинтеку в виде компенсации за северские города Смоленскую землю. Тогда Сигизмунд III в нарушение «кондиций» потребовал себе половину Смоленской земли.

Поскольку Мнишек находился ближе к самозванцу, чем король, он мог удовлетворить свою алчность в полной мере и должен был получить большую добычу при грядущем разделе России. «Царевич» подписал грамоту о передаче Мнишеку и его наследникам на вечные времена Северской земли (без шести городов) и Смоленщины (включая «самый замок с городом Смоленском и со всем, что к половине онаго принадлежит»), а также смежных земель «из другога государства, близь Смоленской земли, еще много городов, городков, замков». На какие именно города претендовал еще Мнишек, неясно. Как видно, он хотел получить компенсацию за «уступленную» королю половину Смоленщины.

Одним из пунктов «кондиций» Сигизмунда III был брак самозванца. Речь шла не столько о разрешении, сколько об обязательстве Лжедмитрия жениться па подданной короля: «Позволяем ему жениться в наших государствах, чтобы с королевой (так Сигизмунд III в привычных для него словах назвал будущую московскую царицу.— *Р. С.*) на то дал присягу»⁶. Имя Марины Мнишек не было названо в «кондициях». Но именно королевское повеление определило ее дальнейшую судьбу. По возвращении в Самбор Мнишек без помех довел дело до конца. Под страхом проклятия Отрепьев обещал жениться на панне Марине. «А не женюся, — значилось в его записи, — яз проклятво на себя даю».

Условия брачного контракта сводились к следующему. Самозванец обязался выплатить Мнишеку миллион польских злотых из московской казны на уплату долгов и переезд в Москву. Марина в качестве царицы должна была получить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли с думными людьми, дворянами, духовенством, с пригородами и селами, со всеми доходами. Самозванец торжественно обещал Мнишекам, что Новгород и Псков фактически будут выведены из-под юрисдикции Москвы. «А мне (царю.— *Р. С.*),— значилось в документе,— в тех обоих государствах, в Новгороде и во Пскове, ничем не владети и в них ни во что не вступаться»⁷. Удел закреплялся за Мариной «в веки». Царица получала право «приказати наместником своим (родне.— *Р. С.*) владети ими (Новгородом и Псковом.— *Р. С.*) и судити», давать поместья и вотчины своим служилым людям с правом купли и продажи земли, строить римские монастыри и костелы, без помех исповедовать католическую веру.

В вопросе о религии набожные Мнишеки поставили беглому монаху самые строгие условия. Он должен был привести все православное царство Московское в католическую веру за год. В случае несоблюдения срока Марина Мнишек получала право «развестися» с царем, разумеется сохранив при этом все земельные пожалования. Воевода милостиво

соглашался, если ему будет угодно, подождать обращения Московии в истинную веру «до другого году», но никак не позже.

Таким было содержание удивительного брачного контракта, подписанного самозванцем в Самборе 25 мая 1604 года.

Выполнение самборских обязательств Лжедмитрием I привело бы к расчленению России. Однако интересы собственного народа и государства мало заботили авантюриста. Подобно азартному игроку, он думал лишь о ближайшей выгоде.

В дни пребывания в Кракове Мнишек устроил парадный банкет, на котором были многие сенаторы и придворная знать. «Царович» присутствовал в зале-инкогнито. Но именно он был героем празднества. Очевидцы спешили описать свои впечатления в письмах. Позже художник Лука Кплпан выгравировал портрет «царевича». Судя по всему, Отрепьев обладал характерной, хотя и малопривлекательной внешностью. Приземистый, гораздо ниже среднего роста, он был непропорционально широк в плечах, почти без талии, с короткой шеей. Руки его отличались редкой силой и имели неодинаковую длину. В чертах лица сквозили грубость и сила. Признаком мужества русские считали бороду. На круглом лице Отрепьева не росли ни усы, ни борода. Волосы на голове были светлые с рыжиной, нос напоминал башмак, подле носа росли две большие бородавки. Тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

После свидания с королем самозванец через своих покровителей заказал парадный портрет. Надпись к портрету была продиктована, по-видимому, им самим. Она гласила: «Дмитрий Иванович, великий князь Московии, 1604 г. В возрасте своем 23». Надпись доказывает, что Отрепьев не знал точного времени рождения Дмитрия Угличского. Летом 1604 года младшему сыну Ивана Грозного исполнился бы двадцать один год. Между тем люди, близко знавшие претендента, утверждали: «Дмитрию на вид около двадцати четырех лет». Вполне возможно, что в надписи к портрету самозванец указал собственный возраст. Если так, то Отрепьев был по крайней мере на два года старше сына Грозного. На парадном портрете изображен молодой человек с темными волосами и волевым лицом. Облик самозванца явно идеализирован по сравнению с реалистическим изображением Луки Килиана.

Аудиенция в королевском замке стала важной вехой в жизни Отрепьева. Сигизмунд III, не считаясь с мнением сената и всей страны, вел дело к решительному разрыву с Россией. 13 марта 1604 года он предложил Яну Замойскому возглавить поход коронной армии в Россию. Однако гетман категорически отверг планы войны и подчеркнул, что авантюра, кроме ущерба, ничего не принесет Речи Посполитой.

Сторонники мира с Москвой одержали бесспорную победу. Сигизмунд отказался от сумасбродной идеи посылки польской армии в пределы России. Потерпев неудачу, король велел Мнишеку на вербовать для претендента «частную» наемную армию.

Самборская казна была постоянно пуста, и Мнишек не мог выделить Отрепьеву даже тех четырех тысяч злотых, которые король пожаловал «царевичу» на содержание. Тем не менее ему удалось получить кое-какие ссуды, и он приступил к сбору наемников.

К середине августа 1604 года покровители самозванца собрали в окрестностях Львова отряд конницы и пехоты. Под знамена самозванца слетались наемники, оставшиеся без дела после прекращения боевых действий в Ливонии. Среди тех, кто намеревался запродать свое оружие московскому «царевичу», можно было встретить и ветеранов Батория, и всякий сброд — мародеров и висельников.

Ставки на солдат держались в Европе на высоком уровне, и Мнишеку труднее было оплачивать услуги наемного воинства. Не получая денег, «рыцарство» принялось грабить львовских мещан. Дело дошло до убийств.

Несмотря на заверения канцлера Льва Сапеги, самозванец не получил никакой помощи из Литвы. Не желая войны с Россией, литовские магнаты решительно отказались поддержать авантюру. В противовес знати мелкая шляхта с энтузиазмом поддержала планы войны с Россией. Обедневшие дворяне, находившиеся на грани разорения,

надеялись поправить свои дела с помощью военной добычи и не желали слышать о том, чтобы отложить поход.

Политика Сигизмунда III была двуличной и лицемерной. На словах глава государства выступал за соблюдение существующих мирных соглашений, а на деле готовил войну. Пока наемное войско находилось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Прошло полтора недели после того, как Мнишек покинул Львов и выступил в поход, и лишь тогда Сигизмунд III издал запоздалое распоряжение о роспуске собранной им армии. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Тем временем армия самозванца медленно приближалась к русским границам. Иногда отряды делали в день по две-три мили, иногда останавливались в одном месте на несколько дней.

Самозванец щедро одаривал своих кредиторов долговыми расписками. Погасить их предполагалось за счет богатой московской казны. Пока же все тяготы по содержанию наемного сброда должны были нести украинские крестьяне из тех имений, где останавливались солдаты.

К концу первых двух недель похода самозванец оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведен смотр, на котором шляхта выбрала себе командиров. В полном соответствии с волей Миишека сам он был избран главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками, сын Мнишека Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его ближайшие друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К началу сентября армия Мнишека насчитывала около двух с половиной тысяч человек. В нее входили пятьсот восемьдесят гусар, пятьсот человек пехоты, тысяча четыреста двадцать казаков. К моменту перехода границы численность казаков увеличилась до трех тысяч. Лжедмитрдя поддерживали главным образом реестровые казаки, находившиеся на службе у короля. Запорожцы отклонили сомнительную честь участия в войне с Россией. Летом 1604 года запорожский старшина Семен Скалозуб, получив казну от Бориса, собрал три тысячи семьсот казаков и ушел в поход на Черное море, к турецким берегам.

Арест атамана Корелы и других послов Войска Донского помешал самозванцу получить своевременную помощь от вольных казаков с Дона. Однако по настоянию короля Острожский освободил Корелу из-под стражи и отпустил его восвояси.

Вскоре из Самбора на Дон выехал литвин Счастливый Свирский с запорожцами. Он отвез казакам «царское» знамя — красное полотнище с черным двуглавым орлом посередине. Донцы снарядили в Польшу новых послов. Они явились в лагерь самозванца 25 августа 1604 года. В грамоте казаки подтвердили свою готовность выступить на помощь своему «прирожденному государю». Чтобы ободрить своих сторонников, Юрий Мнишек распространил слух о найме «царевичем» десяти тысяч донцов.

Московские власти направили на Дон дворянина Петра Хрущева, с тем чтобы предотвратить смуту среди донских казаков. Прошло десять лет с тех пор, как правитель Борис Годунов предлагал донцам принять Хрущева в их столице Раздоры в качестве головы. В то время вольные казаки категорически отвергли домогательства Москвы. В 1604 году миссия Хрущева также завершилась провалом. Казаки связали царского посланца и увезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Как выяснилось на допросах, Хрущев должен был склонить донцов к участию в войне с «царевичем». Канцелярия Мнишека подвергла «допросные речи» Хрущева тенденциозной обработке, превратив их в памфлет, который был немедленно использован для воздействия на польское общественное мнение. Авторы памфлета приписали Хрущеву басню о том, что вдова Федора царица Ирина признала «царевича» природным государем и за это, по слухам,

была убита своим братом Борисом Годуновым, а в Москве царь приказал умертвить «двух главных господ»—Смирного Васильева и Меньшого Булгакова — только за то, что те пили у себя дома за здоровье царевича Дмитрия. «Главные господа» были в действительности царскими дьяками: Васильев служил в приказе Большого двора, а Булгаков — в Казенном приказе. Оба благополучно пережили и Годунова и самозванца. Примечательно, что Булгаков пользовался полным доверием царя Бориса до самой смерти последнего. 19 марта 1605 года «подказначей», как его именовали англичане, Меньшой Булгаков привез английским послам царские подарки. Приведенный факт обнаруживает лживость составленных людьми Мнишека «допросных речей» Хрущева. Ни малейшего доверия не внушает воспроизведенная в памфлете запись разговора между Хрущевым и знатным воеводой Петром Шереметевым, который будто бы заявил: «Трудно против прирожденного государя воевать».

Небылицы насчет жестоких казней в Москве понадобились Мнишеку для того, чтобы изобразить Бориса тираном и оправдать вторжение в Россию, якобы предпринятое в защиту справедливости, в интересах законного государя московского,

Мнишек самовластно распоряжался делами в стан «царевича». Он бдительно следил за московским православным людом, пополнявшим ряды сторонников самозванца. В свою очередь, русские с тревогой наблюдали за действиями католиков-«латынян» и прочих врагов «истинной веры», окруживших их «законного государя» со всех сторон. Неблагоприятные толки дошли до Юрия Мнишека, и он решил прибегнуть к строгостям, чтобы поставить московитов на место. Воспользовавшись доносом одного из русских, сенатор велел схватить сына боярского Якова Пыхачева и без суда казнил его. Мнишек сам сообщил об этой казни папскому нунцию, пояснив при этом, будто Пыхачев был подослан в Самбор Борисом Годуновым для убийства «царевича». Однако поверить его версии трудно. Сандомирский воевода не упускал случая очернить Бориса, чтобы оправдать войну с ним. По словам Варлаама, Пыхачев пострадал из-за того, что называл «царевича» Гришкой Отрепьевым, иначе говоря, усомнился в его царственном происхождении.

Даже ближайшие сподвижники Отрепьева из числа православных монахов чувствовали себя не слишком уютно среди самборских католиков. Привлеченный слухами об успехах своего друга, «московского царевича», Варлаам Яцкий покинул владения православного магната Острожского и поспешил в Самбор. Он рассчитывал пожать плоды затеянной им интриги, но жестоко просчитался. С ведома самозванца Юрий Мнишек приказал заточить Ллрляма в самборскую тюрьму. Варлаам знал слишком много об Отрепьеве и его истинном происхождении, а глаиное, он слишком долго был его наставником.

Противники войны с Россией, Ян Замойский и другие, не только протестовали против действий Мнишека, но и предпринимали практические меры, чтобы не допустить нарушения мирного договора с Москвой. Еще в мае 1604 года Януш Острожек и и известил короля, что он применит насилие, чтобы задержать продвижение отрядов самозванца к русской границе. У краковского кастеляна были собственные войска, и его поддерживали другие магнаты с Украины. Не позднее июня Януш Острожский предупредил «царевича», что не допустит его к Днепру. С этой целью он собрал южнее Киева значительные воинские силы. Острожский действовал в полном согласии с Замойским. Один из участников московского похода, служивший в царской роте, записал в своем дневнике: «Идя к Киеву, мы боялись войска краковского кастеляна князя Острожского, которого (войска.— *Р. С.*) было несколько тысяч и которое стерегло нас до самого Днепра, поэтому мы были очень осторожны, не спали по целым ночам и имели наготове лошадей»⁸.

Киевский воевода Василий Острожский и черкасский, староста Януш Острожский опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь

Япуш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон. Военные меры Острожских проследовали и другие цели. Знаячи насилиях наемников во Львове, они пытались предотвратить грабежи и бесчинства в Киеве и его округе.

В посланиях королю Януш Острожский подробно изложил план действий против «своевольников», нарушивших мир и спокойствие на Украине. Однако, зная о присутствии сенатора в армии самозванца и боясь вызвать гнев Сигизмунда III, он не решился осуществить этот план. Свою угрозу Острожский выполнил лишь частично: он велел угнать все суда и паромы с днепровских переправ под Киевом.

В течение нескольких дней войска Лжедмитрия I оставались на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили те самые православные «киевские мужики», которые первыми «вызнали» в нем истинного царевича. В грамоте, подписанной после переправы через Днепр, значилось, что «для перевозу войска нашего через реку Днепр тые ж мещане киевские коштом и накладом своим перевоз вготовавши».

Проделав за два месяца путь от Львова до Днепра, армия Мнишека собралась на берегах Десны, изготовившись к вторжению в пределы России,

Глава 8.

Вторжение

Нарушение договора о перемирии и поддержка, оказанная Лжедмитрию I Сигизмундом III, побуждали Бориса Годунова искать союзников в разных концах Европы. Летом 1604 года он обратился с предложением о союзе к австрийским Габсбургам. Царские дипломаты разработали проект передачи польского трона австрийскому эрцгерцогу Максимилиану и присоединения Литвы к России. Проект включал пункт о браке между Максимилианом и Ксенией Годуновой.

Не имея сил вести борьбу с Речью Посполитой один на один, Швеция тоже домогалась союза с Габсбургами. Шведы предлагали австрийцам объединить усилия, изгнать Сигизмунда III из Польши и возвести на трон Максимилиана. Согласно шведскому проекту, в отвоеванной у поляков Ливонии предполагалось образовать немецкое вассальное княжество, которое перешло бы под протекторат Габсбургов. Борис Годунов готов был согласиться со шведским проектом и взять на себя уплату военных издержек при условии, что «немецкий» князь из Габсбургской императорской фамилии вступит в брак с царевной Ксенией.

Планы заключения тройственного союза, однако, потерпели полную неудачу. Австрийские Габсбурги отклонили предложения России и Швеции.

В феврале 1605 года шведский король Карл IX предложил прислать в Россию войска для совместных действий против Речи Посполитой. В обмен на «дружескую» помощь русские должны были уступить союзнику важнейшие пограничные крепости на северо-западе (Ивангород, Ям, Копорье и Корелу). Некоторое время спустя Карл IX составил новые инструкции послам, поручив им добиваться уступки Корелы.

Наибольших успехов московские дипломаты добились в переговорах с Данией. Зимой 1603—1604 года главный посольский дьяк А. Власьев ездил в Копенгаген, чтобы ускорить заключение русско-датского союза, имевшего антишведскую направленность. Однако идея создания антишведской коалиции на Балтике вскоре утратила актуальность для России. Союз с Данией приобрел характер торгового соглашения.

В Москве знали о том, что Ян Замоиский и другие ведущие политики Речи Посполитой решительно отвергли планы войны с Россией. Мнишек не успел собрать войско к лету, и самое удобное время для вторжения было упущено. Никто не думал, что «вор» начнет войну в разгар осенней распутицы. Борис Годунов, надеясь избежать войны с помощью дипломатических средств, в 1604 году направил в Краков стрелецкого голову Смирного Отрепьева, дядю самозванца. Он должен был собрать сведения о своем беглом

племяннике, а затем, добившись личной встречи с ним, публично изобличить самозванца. Осенью 1604 года московское командование не приняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Все это подтверждает вывод о том, что вторжение застало страну врасплох.

Самозванец был прекрасно осведомлен о положении дел в России. Он решил наступать на Москву не по старой смоленской дороге, а кружным путем, через Чернигов. В Северной земле царскому правительству не удалось насадить поместную систему и создать себе прочную опору в лице уездных дворян. Северские дети боярские были плохо обеспечены землей и крепостными, и число их было невелико. Со времен Грозного власти ссылали в Севск и Курск опальных холопов с наказом «писать их в казаки». После разгрома отряда Хлопка в Северскую землю бежало немало «злодейственных гадов» (так называли повстанцев дворянские писатели) и всякого рода «черни», искавших на юге спасения от голодной смерти.

Черниговская земля была населена украинцами, поддерживавшими тесные связи с украинским населением в пределах Речи Посполитой. Именно поэтому слухи о появлении «доброе царя» на Киевщине мгновенно распространились по Северной Украине. В течение многих месяцев сторонники самозванца употребляли всевозможные средства, чтобы привлечь на сторону «доброе царя» жителей Черниговщины. Они засылали в Чернигов лазутчиков, разбрасывали «прелестные» грамоты. Агитация в пользу «доброе царя» принесла свои результаты. Во всех несчастьях, обрушившихся на страну, народ винил царя Бориса. Упоная на «доброе Дмитрия», люди с нетерпением ждали его «исхода» из-за рубежа.

13 октября 1604 года войско самозванца, перейдя границу, стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Монастырскому острогу. Нападая на соседнее дружественное государство, Мнишек сознавал, что не сможет в случае неудачи и пленения воспользоваться защитой Речи Посполитой. По этой причине он принимал всевозможные меры предосторожности, Приказав атаману Белешко с казаками двигаться по дороге прямо к Монастырскому острогу, Мнишек углубился в лес, раскинувшийся кругом на много верст. При нем находились самозванец, шляхта, отряды наемных солдат, экипажи и обозы. Сопровождавшие армию Мнишека иезуиты подтвердили в своих письмах, что шли к Монастырскому острогу не по дороге, а «через леса и болота». Ротмистр С. Борша вспоминал, как его солдаты нашли в лесу множество вкусных ягод.

Атаман Белешко беспрепятственно подошел к Монастырскому острогу и выслал гонца для переговоров. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он сообщил, что следом идет сам «Дмитрий» с огромными силами. Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин пытался организовать сопротивление. Но в городке началось восстание. Жители связали Б. Лодыгина и его помощника М. Толочанова.

При всем своем усердии восставшие сдали острог «Дмитрию» с большим запозданием. Мнишек так углубился в леса и болота, что ему понадобилось несколько дней, чтобы выбраться из чащи и прибыть к стенам сдавшейся крепости. Посланец Белешка привез весть о победе 18 октября 1604 года. На другой день восставшие жители доставили самозванцу захваченных воевод, и лишь 21 октября в 7 часов вечера Лжедмитрий вместе со своим главнокомандующим принял острог из рук восставших.

Захлестнувшие Северщину слухи о скором появлении избавителя — «хорошего» царя — расчистили путь самозванцу. Мнимый сын Грозного был встречен ликующими возгласами: «Встает наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!»

Известия о сдаче Монастырского острога и приближении «царевича» вызвали волнения в Чернигове. Простой народ требовал признать власть законного государя. Среди местных служилых людей царили разброд и шатания. Воевода князь И. А. Татев заперся со стрельцами в замке и приготовился к отражению неприятеля. Но он оставил посад в руках восставшего народа, что решило исход дела. Чтобы справиться с воеводой,

черниговцы призвали на помощь прибывший в бкрестисщти города казачий отряд атамана Белешко.

Русское командование использовало задержку самозванца на границе и проявило исключительную расторопность. На выручку к черниговским воеводам стремительно двигался окольный П. Ф. Басманов с отрядом стрельцов. Он находился в пятнадцати верстах от города, когда там произошел мятеж. Казаки атамана Белешко, впущенные в город черниговцами, пытались штурмовать замок, но были отбиты залпами стрельцов. Раздосадованные потерями казаки и прибывшие следом наемные солдаты самозванца бросились громить посад. Все воинские заслуги армии Мнишека при взятии Чернигова свелись к грабежу города. События в замке развивались своим чередом. Князь Татев не смог удержать в повиновении находившихся при нем казаков, стрельцов и служилых людей.

В русских и иностранных источниках обстоятельства падения Чернигова описаны одинаково. По свидетельству «Нового летописца», Татев пытался оборонять крепость, но тут открылась измена, «и приидоша ж вси ратные люди, и его поимаше, и сами здалися к ростриге...». Черниговцы захватили и выдали самозванцу воевод князя И. А. Татева, князя П. М. Шаховского и Н. С. Воронцова-Вельяминова. Мятеж начали «черные люди» Чернигова: «...смутишася черные люди и перевязаша воевод...»¹. Иезуиты, вступившие в Чернигов вместе с самозванцем, отметили, что восставшие черниговцы с ожесточением напали на воевод, одних ранили, других повлекли в тюрьму. Среди дворян лишь немногие упорно сопротивлялись.

Отрепьев вступил в Чернигов на другой день после его сдачи. Он выразил гнев по поводу разграбления города, но не смог или не захотел заставить солдат и казаков вернуть награбленное.

Уже в Чернигове обнаружилось, сколь различным было отношение к самозванцу со стороны верхов и низов русского общества. Народ приветствовал вновь обретенного царевича, невзирая на грабежи его солдат. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать расстригу своим государем. Отрепьев приказал убить его. Казнь устрасила дворян, взятых в плен. Воеводы Татев, Шаховский и другие поспешили принести присягу Лжедмитрию. На пути от Львова до Киева немало крестьян «показались» и вступили в войско царевича», Киевские мужики помогли ему переправиться за Днепр. Совершенно так же встречало войско Лжедмитрия украинское население Северщины.

Заняв Чернигов, Мнишек с самозванцем оставался там некоторое время, явно боясь углубляться на территорию России. Находившиеся при нем иезуиты писали 1 ноября 1604 года: «Два или три дня спустя войско двинется отсюда в глубь Московии, где, как говорят, путь будет идти миль на 30 лесами к Белгороду»². Верный себе Мнишек вновь решил углубиться в леса и, обходя крепости, двигаться вдоль кромки русских земель к Белгороду, где можно было ждать помощь с Дона. Однако под влиянием благоприятных вестей Мнишек вскоре же изменил свои планы и выступил к Новгороду-Северскому. В авангарде его армии шли две сотни казаков во главе с Я. Бучинским. Казаки пытались вести переговоры с жителями Новгорода-Северского, грозили воеводам жестокой расправой в случае неповиновения. Но в Новгороде-Северском они не добились успеха. Оборону города возглавил энергичный воевода П. Ф. Басманов. Не успев оказать помощь Чернигову, он отступил в Новгород-Северский и в течение недели подготовил крепость к обороне. Гарнизон города был невелик, не более трехсот ратных людей. Небольшой отряд воевода привел с собой. Кроме того, он успел вызвать пополнения из соседних крепостей. Теперь гарнизон Новгорода-Северского включал полторы сотни дворян, более четырехсот пятидесяти стрельцов, почти триста пятьдесят казаков, а кроме этого до пятисот человек, набранных из крестьян соседней Комарицкой волости.

Когда авангарды Лжедмитрия подступили к городу, Басманов приказал стрелять по ним и отогнал от стен крепости.

Узнав о неудаче, Мнишек два дня не решался идти вперед. Его армия стояла обозом в поле. Наконец самозванец и его покровитель преодолели замешательство и, 11 ноября приступили к осаде Новгорода-Северского. При первой попытке взять крепость приступом солдаты потеряли пятьдесят человек и отступили. В ночь с 17 на 18 ноября последовал генеральный штурм. Басманов имел лазутчиков во вражеском лагере и успел хорошо подготовиться к отражению нападения. Солдаты забросали ров хворостом и попытались использовать этот «примет», чтобы поджечь деревянные стены замка. Но приступ вновь не удался. Понеся большие потери, наемники отступили.

Никогда прежде Отрепьев не нюхал пороха, и первая же неудача повергла его в уныние. Он был близок к обмороку, проклинал наемных солдат. Поражение посеяло в его лагере страх и неуверенность. В войске назревал мятеж. После недолгих совещаний наемники решили немедленно отступить от города и вернуться на родину. Однако они не успели осуществить свое намерение, поскольку в этот самый момент в лагере стало известно о сдаче Путивля.

Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Лишь заняв Путивль, самозванец мог добиться подчинения Северной Украины. Кто владел Путивлем, тот владел Северщиной. Отрепьев понимал это и уже при составлении военных планов в 1603 году наметил занятие Путивля как первоочередную задачу. Однако собранные силы были столь ничтожны, что воеводы Лжедмитрия не посмели напасть на главную крепость Северщины. Сдача города воочию показала, что фактор интервенции имел небольшое значение даже в первые недели войны. Иноземные наемные войска не сыграли никакой роли в борьбе за Путивль. А между тем это событие круто изменило весь ход военных действий.

В Путивле — главном торговом центре Северной Украины — было многочисленное посадское население. Основу гарнизона составлял отряд конных самопальников (воинов, вооруженных огнестрельным оружием). За десять лет до вторжения власти объявили о наборе в отряд пятисот человек из мелкопоместных детей боярских. Но помещиков в Путивле было немного, и воеводам удалось набрать лишь одну дворянскую сотню. Большинство в отряде составляли путивльские казаки (севртоки), стрельцы, пушкари, белодворцы и посадские люди. Положение путивльских самопальников было незавидным. Им приходилось распахивать целину, обрабатывать надел и одновременно нести службу. Неудивительно, что вести о появлении «добротого царя» вызвали в их среде брожение.

В Путивле произошло то же самое, что ранее случилось в Чернигове. Народ поднял восстание, а служилые люди поддержали чернь. Выдающуюся роль в путивльских событиях сыграли сын боярский Ю. Беззубцев и его сотня конных самопальников, укомплектованная за счет путивльских казаков и стрельцов. Не случайно Ю. Беззубцев стал одним из главных сподвижников Отрепьева:

Современники подозревали, что сдаче Путивля способствовала измена воевод. Шведский агент Петр Пет-рей сообщал, будто царь Борис поручил князю В. М. Мосальскому отвезти в Путивль казну, а тот доставил деньги в лагерь самозванца, где был встречен с барабанным боем. Однако Исаак Масса утверждал, что с казной к Лжедмитрию бежал дьяк Б. Сутупов, посланный Годуновым к войску. По-видимому, И. Масса располагал более надежной информацией. В Разряде, датированном весной 4604 (7112) года против имени Сутупова сделана помета: «Богдан послан з государевым денежным жалованьем в северские города». Авторы русских сказаний давали неодинаковые оценки поведению путивльских воевод. По свидетельству «Нового летописца», «в Путивле окаянный князь Василей Рубец Масальской да дьяк Богдан Сутупов здумаша также (как черниговцы.— *Р. С.*)... послаша (к расстриге.— *Р. С.*) с повинною». В «Сказании о Гришке Отрепьеве» можно прочесть, что Мосальский примкнул к изменникам вместе с

Сутуповым. Из «Повести 1626 г.» следует, что Мосальский вместе с Салтыковым выступил против мятежников, называя ' «царевича» вором Гришкой Отрепьевым ³.

Письмо неизвестного поляка, находившегося под Новгородом-Северским в дни мятежа в Путивле, не оставляет сомнения в достоверности второй версии. Поляк писал, что двое путивльских воевод (один из них — сенатор и любимец Бориса) сохраняли верность царю, но их связали и увезли в лагерь самозванца. Только один воевода из трех примкнул к черни и добровольно встал на сторону Лжедмитрия. Этим воеводой был, очевидно, дьяк Сутупов, человек незнатного происхождения. Член Боярской думы М. М. Салтыков решительно отказался присягнуть самозванцу; чем навлек на себя гнев народа. Путивляне поволокли воеводу к «царевичу» на веревке, привязанной к его бороде.

Самозванец узнал об аресте путивльских воевод 18 ноября. День спустя жители города дали знать о «поимании 200 стрельцов московских». 21 ноября повстанцы выдали «царевичу» стрелецкого голову с сотниками. Как видно, посланные в Путивль московские стрельцы оказывали сопротивление восставшим в течение одного-двух дней.

В Путивле в воеводской казне хранились крупные суммы, предназначенные для выплаты жалованья служилым людям. Во время восстания дьяк Б. Сутупов уберек казну, а затем доставил ее в лагерь к самозванцу.

Пять недель шла борьба за Северскую Украину, после чего восстание распространилось на смежные русские города Рыльск, Курск и далее на северо-восток.

В самом начале кампании московское командование направило в Рыльск триста московских стрельцов. Однако этих сил оказалось недостаточно. Весть о восстании в Рыльске была получена в лагере под Новгородом-Северским 25 ноября. Пять арестованных воевод были доставлены к «царевичу» 1 декабря. В тот же день стало известно о мятеже в Курске.

Летом 1604 года Разрядный приказ назначил воеводой Курска князя Г. Б. Рощу-Долгорукова. Его помощником был голова Я. Змеев. Куряне связали воевод и доставили их к Лжедмитрию. Воеводам пришлось выбирать между милостями нового государя и тюрьмой, и они поспешили присоединиться к тем, кто согласился служить «вору». Прошло совсем немного времени, и Лжедмитрий назначил Г. Б. Рощу-Долгорукова и Я. Змеева своими воеводами в Рыльск. Восставший народ нападал на воевод, московских стрельцов и других лиц, выступавших против «добротого царя», но принимал их в свою среду и даже подчинялся им, коль скоро те переходили на сторону Лжедмитрия.

Ход гражданской войны зависел от того, поддержат ли самозванца народные массы, служилые и посадские люди, казаки, крестьяне и др. Настроения крестьян определялись тем, что осенью 1604 года деревня еще не преодолела последствия трехлетнего неурожая и голода. На плодородных землях юго-запада крестьяне пострадали в меньшей мере. Но именно поэтому казна отказывала им в каких бы то ни было податных льготах, стремясь компенсировать огромные недоимки в других уездах. Из-за осенней распутицы власти не имели возможности своевременно набрать в армию даточных и посошных людей* из отдаленных уездов, поэтому тяжесть воинской повинности испытали на себе прежде всего крестьяне юго-западных районов, ближе всего расположенных к театру военных действий.

Первой крестьянской волостью, примкнувшей к восстанию, была обширная Комарицкая волость на Брянщине. 25 ноября автор польского дневника записал: «Из Комарицкой волости люди приехали с объявлением о подданстве и двух воевод привели». Борьба в волости продолжалась по крайней мере пять дней. 1 декабря в дневнике появилась запись еще о двух воеводах, приведенных «из Комарицкой волости» в лагерь самозванца ⁴. Объясняя причины восстания в Комарицкой волости, И. И. Смирнов высказал предположение, что водость была во владении Бориса Годунова,

* Население было обязано посылать в походы даточных и посошных людей. Они несли службу во воеводских отрядах, обозах, перевозили пушки.

олицетворявшего в глазах крестьян и боярина-феодала, и главу крепостнического государства. Однако данные, обнаруженные В. И. Корецким, не оставляют сомнения в том, что при царе Борисе Комарицкая волость находилась в ведении Дворцового приказа. Дворцовые крестьяне были в лучшем положении, нежели закрепощенные частновладельческие крестьяне. По словам И. Массы, в Комарицкой волости жили богатые мужики. Русские источники подтверждают это. Хотя трехлетний неурожай сказался на положении богатой волости, все же комаричи не испытали тех бедствий, которые выпали на долю населения многих других районов.

Невзирая на плохой урожай, комаричи платили в казну подати, несли всякого рода натуральные повинности. Когда воеводы из Севска, служившего административным центром волости, обязали комаричей выставить для войны с «Дмитрием» пятьсот человек даточных людей, негодование крестьян достигло предела. Как следует из польского дневника, комаричи захватили и выдали самозванцу воеводу и трех других волостных чиновников.

3 декабря 1604 года в лагере Лжедмитрия стало известно, что «волость Кромы поддалась». Службу в Кромах несли в 1603—1604 годах осадный голопа Иван Матов и городовые приказчики Осип Виденье и Иван Грузинов. Власти не ждали нападения на Кромы и ослабили его и без того малочисленный гарнизон. Дело дошло до того, что Матову пришлось отослать в действующую армию четырех своих конных боевых слуг. Согласно польскому дневнику, на сторону «Дмитрия» перешла «волость Кромы». Иначе говоря, восстание в небольшой крепости было поддержано населением сельской округи.

Уцелевший фрагмент разрядных документов, посвященный военным действиям в районе Кром и Орла, показывает, какую роль играло крестьянское население в распространении восстания от уезда к уезду. В конце 1604 года власти города Орла донесли в Москву, что пришли «на орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане»⁵. Кромы располагались к югу от Орла, на дороге Курск — Орел. Околенки — центр Околенской волости — находился к западу от Орла, на расстоянии сорока двух верст от Карачева. Через Околенки проходила прямая дорога из Орла на Карачев. Восставшие «мужики» из Околенской волости действовали очень энергично. Они объединились с отрядами из Кромской волости и попытались поднять против царя Бориса население Орла. Если бы кромчанам удалось «смутить» Орел, это открыло бы восставшим прямой путь на Тулу и Москву. Оценив опасность, командование перебросило в Орел голов Г. Микулина и И. Михнева с дворянскими сотнями. Кроме того, туда были вызваны дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещовска, несшие годовую службу в Белгороде. Имея в своем распоряжении дворянские отряды, Никулин предотвратил мятеж в Орле. Высланная из города дворянская конница наголову разгромила отряды повстанцев и отбросила их от Орла. Несмотря на неудачу под Орлом, восстание на Брянщине и Орловщине существенно изменило ситуацию на театре военных действий. Теперь самозванец имел обеспеченный тыл и возможность пополнить свои ресурсы.

Вести об успехах «истинного царя» проникли в осажденный Новгород-Северский и посеяли там семена смуты. Воеводе П. Ф. Басманову с трудом удалось справиться с кризисом. После отступления Лжедмитрия власти щедро наградили всех участников обороны крепости. Не были забыты ни стрелецкие дети, ни бортники, ни монахи, ни слепой старец, ходивший лазутчиком в «воровской» стан, но среди награжденных не оказалось посадских людей, комаричей. С. Ф. Платонов объяснял этот факт отсутствием сколько-нибудь значительного посада в Новгороде-Северском. Однако с таким объяснением трудно согласиться. Современники отмечали, что Басманов, прибыв в город, приказал сжечь примыкавший к крепости посад, а жителей загнал в острог. Польский дневник дает ключ к отмеченному С. Ф. Платоновым парадоксу. 28 ноября, записал автор дневника, «передалось москвы (русских.— Р. С.) из замка 80». Как видно, среди

населения Новгорода-Северского произошли волнения. Сторонники «царевича» пытались поднять мятеж, но потерпели неудачу и бежали из крепости.

Начиная с 1 декабря 1604 года осаждавшие стали обстреливать Новгород-Северский из тяжелых орудий, привезенных из Путивля. Канонада не прекращалась ни днем, ни ночью. Гарнизон нес большие потери. После недельного обстрела противник сравнял стены крепости с землей—«разбита град до обвалу земляного». Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием о перемирии, будто бы необходимым для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев удовлетворили просьбу воеводы. Басманов использовал перемирие, чтобы укрепить гарнизон. 14 декабря «москвы (русских.— Р. С.) 100 вошло в замок». Не располагая крупными силами, московское командование вынуждено было посылать против Лжедмитрия разрозненные отряды. Вслед за П. Ф. Басмановым в пределы Северной Украины вступил М. Б. Шеин. На помощь орловским головам прибыл Ф. И. Шереметев. Воевода А. Р. Плещеев был послан через Карачев в Комарицкую волость для подавления восстания. Однако малочисленные отряды правительственных войск не могли справиться с народом.

Когда в Москве узнали о вторжении самозванца, Борис призвал под знамена все воинские силы государства. То была первая всеобщая мобилизация, объявленная в стране после тринадцатилетней мирной передышки. Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель. Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Осенняя распутица затрудняла мобилизацию. Дворяне неохотно покидали свои сельские усадьбы. Сбор поместного ополчения отнял два месяца.

В октябре Разрядный приказ составил две росписи. Согласно первой, князь Д. И. Шуйский с тремя полками должен был выступить к Чернигову, согласно второй — к Брянску. Однако даже армию из трех полков удалось укомплектовать лишь в ноябре. Д. И. Шуйский покинул Москву и начал поход в Северскую землю только 12 ноября, «на Дмитриев день». Участник похода К. Буссов называет ту же дату. По его словам, Борис сурово наказал тех, кто уклонялся от службы. Некоторые были доставлены в полки под стражей, у других отписали поместья, третьих били батогами.

В Брянске армия сделала длительную остановку, ожидая пополнений. Туда прибыл главнокомандующий князь Ф. И. Мстиславский. Собранная в Брянске армия была разделена на пять полков.

Анализируя первые распоряжения Бориса Годунова, С. Ф. Платонов сделал вывод, что его ошибка весьма способствовала успеху самозванца. Опасаясь вторжения королевской армии со стороны Орши, царь назначил сборным пунктом для армии Брянск, одинаково близкий к Смоленску и к Орше, вследствие чего воеводы потеряли много времени. По-видимому, это не совсем верно. Брянск был выбран местом сосредоточения по той простой причине, что через этот город проходила большая дорога, издавна связывающая Москву с Северной землей.

Несмотря на все старания Разрядного приказа, главные силы русской армии смогли войти в соприкосновение с противником лишь через два месяца после начала интервенции.

Царские воеводы действовали вяло и нерешительно. Они прибыли в окрестности осажденного Новгорода-Северского 18 декабря 1604 года и провели три дня в полном бездействии. 20 декабря войска выстроились друг против друга на поле, но дело ограничилось мелкими стычками. Самозванец старался оттянуть битву переговорами, и это ему отчасти удалось. Мстиславский ждал подкреплений и не спешил с битвой.

В составе царской армии насчитывалось 25 336 человек, а вместе с боевыми холопами — до 40000— 60000. Без сомнения, у Мнишека было значительно меньше сил. Самозванец оказался в трудном положении, имея в тылу осажденную крепость, а перед фронтом — превосходящие силы неприятеля. Накануне битвы Басманов велел палить из всех пушек и делал частые вылазки, вследствие чего Мнишеку пришлось отрядить против него часть казацкого войска. Однако Мстиславский не сумел использовать всех выгод

своего положения. Мнишек перехватил инициативу. 21 декабря польские гусарские роты стремительно атаковали праный фланг армии Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил, увлекая за собой соседние отряды.

Среди общего смятения одна из гусарских рот, следуя за отступавшими, повернула вправо и неожиданно оказалась в расположении ставки Мстиславского. Посреди ставки высился большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко стяга, сбили с коня Мстиславского и нанесли ему несколько ударов по голове. Безрассудно храбрый налет не мог дать больших результатов. Подоспели стрельцы. Кто из гусар успел вовремя поворотить коня, спасся. Прочие же вместе с их капитаном Дома-рацким попали в плен.

Царские воеводы имели возможность использовать свое огромное численное превосходство, но они так и не ввели в дело главные силы. Ранение Мстиславского вызвало растерянность воевод, которые поспешили отвести свои полки и полностью очистили поле боя.

Самозванец мог праздновать победу. По утверждению его соратников, поляки потеряли убитыми около ста двадцати человек, тогда как русских полегло до четырех тысяч человек. Данные о русских потерях были сильно преувеличены. Кроме того, надо иметь в виду, что поляки считали всех убитых русских вместе— и государевых ратников и «воровских» людей. Хоронили их без разбора в трех больших могилах.

Опытный солдат Я. Маржарет, участвовавший в битве, отметил, что обе армии после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь.

Успех Мнишека носил частный, преходящий характер. Общее положение на театре военных действий не изменилось. Утомительная и бесплодная осада Новгорода-Северского продолжалась. Со дня на день можно было ждать нового натиска многочисленной царской рати. Самозванца одолевало безденежье. Одержав верх над Мстиславским, наемники немедленно потребовали денег. Казна, привезенная из Путивля, была истрачена. Но «рыцарство» не желало слышать ни о каких отсрочках. Чтобы успокоить недовольных, «царевич» тайно выдал деньги роте, заслужившей его особую милость. Об этом немедленно узнали другие роты. 1 января 1605 года в лагере вспыхнул открытый мятеж. Наемники бросились грабить обозы. Они хватили все, что попадало им под руки: продовольствие, снаряжение, всякого рода скарб. Мнишек пытался прекратить грабеж, но добился немногого. Следующей ночью грабежи возобновились. Тщетно самозванец ездил между солдатских палаток, падал на колени перед «рыцарством» и умолял не оставлять его. Наемники вырвали у него знамя, а под конец сорвали с него соболью ферязь. Отрепьева осыпали площадной бранью, Кто-то крикнул ему вдогонку: «Ей, ей, быть тебе на колу!»⁶. Наемная армия стала распадаться. Большая часть солдат, по словам очевидцев, покинула лагерь и 2 января 1605 года отправилась к границе. В этот же день Отрепьев сжег лагерь и отступил из-под Новгорода-Северского по направлению к Путивлю. Мнишек, еще недавно призывавший солдат остаться на «царской» службе, внезапно сам объявил об отъезде из армии. 4 января главнокомандующий и его люди «разъехались с его милостию царевичем». Престарелый магнат не желал более испытывать судьбу. Бегство Мнишека в Польшу дало новое направление самозванческой интриге. До поры до времени Отрепьев оставался не более чем куклой в руках польских покровителей. Теперь же интрига стала ускользать из-под контроля тех, кто стоял за его спиной.

Мятеж в польском войске, по-видимому, был ускорен прибытием в район Новгорода-Северского сильного войска из Запорожской Сечи. Польским шляхтичам и вольным казакам было трудно ужиться в одном лагере. Мятеж в войсках и появление запорожцев были главными причинами отъезда Мнишека. Сенатора пугало то, что «царевича» поддерживала преимущественно чернь. Надежды на содействие бояр не оправдались. Грамоты, адресованные главными московскими боярами лично Мнишеку,

были полны брани и угроз. Королевский сенатор чувствовал себя неуютно среди восставшего простонародья. Он утратил надежду склонить на сторону «царевича» московскую знать. Уезжая в Польшу, Мнишек уверял нареченного зятя, что на сейме в Кракове он будет защищать дело «царевича», пришлет ему подкрепление и пр. Лжедмитрию удалось удержать при себе папа Тышкевича, Михаила Ратомского и некоторых ротмистров. Немалую помощь ему оказали иезуиты, находившиеся в войске. На развилке дорог они последовали не за Мнишеком, а за «царевичем». Их пример подействовал на многих колеблющихся; солдат. Благодаря помощи ротмистров и капелланов Отрепьев удержал при себе от полутора до двух тысяч солдат.

С отъездом Мнишека среди повстанцев взяли верх сторонники решительных действий. Покинув лагерь под Новгородом-Северским, «царевич» мог затвориться в каменной крепости Путивля или уйти в Чернигов, поближе к польской границе. Вместо этого он двинулся в глубь России. В начале января 1605 года самозванец беспрепятственно занял Севск посреди Комарицкой волости. Восставшая волость предоставила его войску не только теплые квартиры, продовольствие и фураж, но и воинские копитингенты. По словам Я. Маржарета, под Севском самозванец «набрал доброе число крестьян, которые приучались к оружию»⁷. Данные о потерях в битве под Добрыничами показывают, что повстанческая армия достигла наибольшей численности как раз во время пребывания Лжедмитрия в Ко-марицкой волости. В ее составе было четыре тысячи запорожцев, несколько сот донских казаков и несколько тысяч вооруженных чем попало комаричей, путивлян и черниговцев. Армия Лжедмитрия была вновь готова к бою. По своему обличению она значительно отличалась от армии Мнишека. Войну за «добраго царя» вела теперь сермяжная рать.

После неудачной битвы под Новгородом-Северским ; царь Борис не только не объявил опалу Мстиславскому, но, напротив, пожаловал его—«велел о здравии спросить»—и прислал придворного врача для его излечения. В особом послании Годунов поблагодарил боярина за то, что тот, помня бога и присягу, пролил свою кровь. Борис оказал честь всем ратным людям, участвовавшим в битве, повелев здравствовать их. Прошел месяц, прежде чем Мстиславский оправился от ран. Разрядный приказ использовал затянувшуюся паузу для того, чтобы пополнить таявшую армию свежими силами. В январе 1605 года на помощь Мстиславскому прибыл князь Василий Шуйский с царскими стольниками, стряпчими и «большими» московскими дворянами. Первостатейная столичная знать должна была разделить с уездным дворянством тяготы зимней походной службы. 20 января Мстиславский разбил свой лагерь в большом комарицком селе Добрыничах неподалеку от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о появлении царской рати, самозванец созвал военный совет. Наемные командиры предлагали не спешить с битвой, а начать переговоры с боярами. Но в повстанческой армии их голос уже не имел решающего значения. Ротмистр С. Борша записал, что «царевич» перед битвой долго советовался с окружающими, в особенности же с казаками, «потому что в них полагал всю надежду». Атаманы высказывались за то, чтобы немедленно атаковать воевод, не вступая с ними ни в какие переговоры.

Повстанцы вели войну своими способами. С наступлением ночи комарицкие мужики только им известными тропами провели ратников Лжедмитрия к селу Добрыпичи. Восставшие намеревались поджечь село с разных сторон и вызвать панику в царских полках накануне решающей битвы. Однако стража обнаружила их на подступах к селу.

Рано утром 21 января 1605 года армии сблизилась и завязали бой. Гетман Дворжецкий решил в точности повторить маневр, который обеспечил успех самозванцу под Новгородом-Северским. Гусары должны были опрокинуть правый фланг русских, а пехота, оставленная в тылу, довершить победу. Запорожская конница имела задачу

сковывать силы русских в центре. Пешие казаки прикрывали пушки, стоявшие позади фронта.

Следя за передвижениями противника, Мстиславский выдвинул полк правой руки под командой Шуйского, а также отряды Маржарета и Розена, составленные из служилых иноземцев. Гетман Дворжецкий немедленно атаковал Шуйского, собрав воедино свою немногочисленную польскую конницу. В атаке участвовало около десяти конных отрядов: двести гусар, семь рот конных копейщиков, отряд шляхты из Белоруссии и отряд русских всадников. Не выдержав яростной атаки, воевода Шуйский дрогнул и стал отступать. Расчистив себе путь, конница Дворжецкого повернула к селу, на окраине которого стояла русская пехота с пушками. Тут она была встречена мощным орудийным и ружейным залпом и повернула назад. Отступление завершилось паническим бегством.

Взаимная независимость и недоверие шляхты и вольных запорожцев подтачивали армию самозванца изнутри. Ротмистры в один голос с «царевичем» утверждали, будто виновниками катастрофы были запорожцы. Когда ветер принес со стороны русского лагеря клубы дыма, писал С. Борша, запорожцы будто бы испугались и побежали, а гусары бросились вслед, убеждая их вернуться. На самом деле в поражении повинны были не казаки. Свидетельство участника боя Маржарета позволяет точно определить, кто побежал с поля битвы первым. Залп из десяти — двенадцати тысяч ружейных стволов, писал Маржарет, поверг атакующую конницу в ужас, и она в полном смятении обратилась в бегство. Участники атаки единодушно утверждали, что пальба сама по себе причинила немного вреда нападавшим: было убито менее десятка всадников. Однако поляки хорошо помнили, чем кончилась безрассудно лихая атака капитана Домарац-кого под Новгородом-Северским. На поддержку запорожцев они не рассчитывали, не доверяя им. Оставшиеся у самозванца конница и пехота пытались поддержать атаку гусар и с редким прозорством двинулись им на помощь, думая, что дело выиграно. Однако, столкнувшись со своей конницей, отступавшей в полном беспорядке, казаки повернули вспять. Вопреки утверждению самозванца, именно казаки предотвратили полное истребление его войска. Преследуя гусар, русские натолкнулись на батарею, которую прикрывала пехота. По признанию Борши, казаки, оставленные при орудиях, хорошо держались против русских. Брошенные на произвол судьбы, они почти все полегли на поле боя, самозванец потерял всю свою пехоту. Конница понесла меньшие потери, чем отряды казаков и комарицких мужиков. Поляки исчисляли свои потери в три тысячи человек. Маржарет считал, что у противника было пять-шесть тысяч убитых. В официальных отчетах воевод фигурировала еще большая цифра. Согласно разрядной записи, на поле боя было найдено и предано земле одиннадцать с половиной тысяч трупов. Большинство из них составляли будто бы «черкасы» (украинцы). В руки победителей попали пятнадцать знамен и штандартов и вся артиллерия — пятьдесят пушек.

Отрепьев возглавил атаку гусар вместе со своим гетманом Дворжецким. Первая и последняя в его жизни атака закончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена. Самозванец сначала укрылся на Чемлыже, а затем скрытно от всех покинул лагерь и ускакал в Рыльск.

Запорожцы, узнав о его бегстве, пустились по его следам, «но под стенами Рыльска их встретили ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича». Некоторые русские источники подтверждают польскую версию о том, что запорожцы хотели расправиться с самозванцем и отомстить за своих погибших товарищей.

Дворянские полки устроили повстанцам кровавую баню на поле боя. Но этим дело не ограничилось. В руки воевод попало множество пленных. Они были разделены на две неравные части. Полякам была дарована жизнь, и их вскоре увезли в Москву. Всех прочих пленных — стрельцов, казаков, комарицей — повесили посреди лагеря. Воеводы не удовольствовались казнью «воров», захваченных с оружием в руках. Как поведал Буссов, царские дворяне, заняв Комарицкую волость, «стали чинить над бедными крестьянами,

присягнувшими Дмитрию, ужасную беспощадную расправу». По словам того же автора, экзекуции подверглось несколько тысяч крестьян, их жен и детей. Несчастных вешали за ноги на ветвях деревьев, а затем «стреляли в них из луков и пищалей, так что на это было прискорбно и жалостно смотреть»⁸. Согласно Разрядной росписи, в полку Мстиславского находилось «татар касимовских, царева двора Исеитова полку старых и новиков 450 чел.». После разгрома Лжедмитрия воеводы отдали им на поток и разграбление мятежную крестьянскую волость. Слухи о погроме в Комарицкой волости распространились по всей земле. Автор «Иного сказания» записал, что царь приказал опустошить Комарицкую волость и воеводы убивали «не токмо мужей, но и жен и безлобивых младенцев, сосущих млека, и поби (все живое.— Р. С.) от человека до скота»⁹. Террор против населения Комарицкой волости имел ярко выраженную социальную окраску. То был первый случай в истории Смуты, когда мужики подняли оружие против властей, пренебрегли присягой московскому царю, взяли под стражу его воевод и приказных людей. Власти проявили неслыханную жестокость при подавлении мужицкого, бунта. Восстание на Брянщине можно считать первым массовым выступлением крестьян в Смутное время. Оно охватило не одну, а несколько волостей. Разгром армии самозванца позволил правительственным войскам погасить самый крупный очаг крестьянского движения.

Вторжение войска Мнишека в пределы России явилось следствием внешнего вмешательства в русские дела. Ответственность за интервенцию несли король Сигизмунд III и его ближайшее окружение. Вторжение развязало гражданскую войну внутри страны. Но даже на первом ее этапе роль иноземных наемных отрядов была весьма ограниченной. Все успехи самозванца были связаны с поддержкой украинского и русского населения. После отъезда Мнишека из-под Новгорода-Северского вмешательство извне пошло на убыль. Вслед за поражением под Севском остатки иноземных наемных отрядов бежали за пределы России. Фактор интервенции в основном исчерпал себя.

Подавление очагов крестьянского восстания и фактическое прекращение иноземного вмешательства неизбежно отразились на дальнейшем ходе гражданской войны. Факторы, консолидировавшие феодальное дворянство в первые месяцы иноземного вторжения и Смуты, стали ослабевать.

Глава 9.

Мятеж в степных городах

Воеводы Мстиславский и Шуйский одержали победу над самозванцем, но не осмелились преследовать его армию и довершить ее уничтожение. Иезуиты Чижовский и Лавицкий, находившиеся в лагере Лжедмитрия под Севском, записали в своем дневнике: «Враг мог гнаться за нами, догнать, перебить и сжечь лагерь, но он остановился от нас, не дойдя мили, и не решился воспользоваться своей удачей»¹. Причиной медлительности явилось не предательство, а, скорее, бездарность бояр. Князь Мстиславский, князь Василий и Дмитрий Шуйские были представителями самых родовитых семей, но они не обладали воинскими доблестями.

Воеводы могли двинуться к границе, чтобы изгнать самозванца из страны. Но, оставаясь под впечатлением одержанной победы, бояре считали, что самозванцу никогда более не удастся собрать новое войско и что война практически уже закончена.

Мстиславский прибыл в окрестности Рыльска на другой день после бегства оттуда Отрепьева. Лишившись армии, Лжедмитрий не мог укрепить гарнизон Рыльска скольконибудь значительными силами. Покидая город, он поручил его оборону местному воеводе князю Г. Б. Долгорукому, в распоряжении которого были стрельцы и казаки. Имея несколько десятков тысяч человек, бояре рассчитывали быстро покончить с сопротивлением Рыльска. Но они ошиблись. В обороне города участвовало все население. Горожане знали, что им нечего ждать пощады, и сражались с исключительной стойкостью. На все предложения о сдаче они отвечали, что стоят «за прирожденного

государя». В течение двух недель царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Однако выстрелы пушек с городских стен не позволили им придвинуться вплотную к городу. Общий штурм крепости не удался, и на другой день после приступа Мстиславский снялся с лагеря и отступил к Севску.

Выждав, когда воеводы покинули окрестность. Рыльска, жители города произвели вылазку и разгромили русский арьергард, который должен был оставить лагерь в последнюю очередь, в их руки попало немало имущества, которое воеводы не успели вывезти из лагеря.

Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и полей. После трехмесячной трудной кампании царские полки стали таять. Не спрашивая «отпуска» у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям. Трудности усугублялись тем, что армии приходилось действовать в местности, охваченной восстанием, среди ираждебного населения. Повстанцы отбивали обозы с продовольствием, чинили помехи заготовке провианта и фуража.

Находясь в окрестностях Рыльска, армия не имела надежных коммуникаций. Она оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. Сторонники Лжедмитрия удерживали в своих руках на севере Кромы, на юге Путивль, на западе Чернигов. В таких условиях главные воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицын приняли решение вывести армию с территории, охваченной восстанием, и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Отступление воевод, от Рыльска вызвало гнев царя Бориса. Не теряя времени, он направил в полки окольного П. Н. Шерегетева и главного дьяка А. Власьева с наказом сделать выговор воеводам: «...пенять и расспрашивать, для чего от Рыльска отошли». Годунов строжайше запретил боярам распускать ратных людей, что вызвало открытый ропот в армии.

Царские воеводы разгромили плохо вооруженную армию Лжедмитрия в открытом полевым сражении. Но все их попытки занять восставшие крепости неизменно терпели неудачу. То, что произошло под Рыльском, повторилось под Кромами.

В Кромах засел изменник Григорий Акинфиев. Подобно рыльскому воеводе Долгорукому, он успел доказать преданность самозванцу. Силы кромского гарнизона были невелики до того времени, пока на помощь ему не прибыли донские казаки. Если верить Буссову, Корела с четырьмястами-пятьюстами донскими казаками отступил под Кромы после битвы под Добрыничами. Приведенное известие вызывает сомнение. После поражения Лжедмитрий намеревался бежать в Польшу, считая свое дело проигранным. В такой ситуации Корела едва ли стал бы искать убежище в крепости, расположенной вдали от границы. Кромы могли легко превратиться для него в мышеловку. Возникает вопрос, не послал ли Лжедмитрий казаков в Кромы перед битвой, когда он находился в Севске, и не рассматривал ли Кромы как форпост повстанческих сил?

Готовя поход Шереметева к Кромам, Разрядный приказ уже в январе распорядился придать ему осадную артиллерию. В его лагерь были доставлены две мортиры — «верховые пищали» — и пушка «Лев Слободской». В феврале Мстиславский направил под Кромы стольника В. И. Бутурлина с дворянскими сотнями. Подкрепление оказалось недостаточным. Отряд Шереметева в ходе четырехнедельной осады понес большие потери, и его положение стало критическим. В таких условиях русское командование направило к Кромам армию Мстиславского.

Поражение Шереметева под Кромами оказало определенное влияние на настроение служимых людей в южных крепостях. Однако значение неудач отдельных воевод и просчетов командования не следует преувеличивать. Решающее влияние на ход гражданской войны все больше оказывали не столько военные, сколько социальные факторы. Это объясняет, почему после битвы под Добрыничами, сопровождавшейся почти полным истреблением повстанческой армии, восстание не только не прекратилось, по, напротив, охватило новые обширные районы. С Украины оно перебросилось в южные

уезды, которые по составу населения значительно отличались от северских. Из степных крепостей лишь в Воронеже было более или менее значительное посадское население. Города Елец и Белгород имели небольшие посады. Прочие южные крепости были типичными военными городками с крупным гарнизоном и малочисленным городским населением.

С момента основания Ельца и Ливен в 80-х годах XVI века началось заселение окрестных земель крестьянами. В районе старых засечных линий (Елец, Ливны, Воронеж) крестьянское население было малочисленным, к югу же от Воронежа в районе Оскола, Белгорода, Валук и Царева-Борисова располагались одни лишь редкие заимки вольных казаков. После основания Царева-Борисова московские писцы провели перепись казацких «торгов» на Осколе и Северском Донце и вменили в обязанность станичникам несение сторожевой службы.

Малочисленность дворян в степных крепостях, ненадежность казачьих и стрелецких сотен, набранных в основном из крестьян и вольных казаков, брожение в среде вольного казачьего населения на Осколе и Северском Донце — все эти факты объясняют, почему южные крепости были потеряны для правительства без какой бы то ни было серьезной борьбы.

Самые ранние и достоверные сведения о восстании на юге заключены в письмах иезуитов Чижовского и Лавицкого, написанных в феврале — марте 1605 года. Иезуиты, близкие ко двору самозванца, сообщили в письме от 27 февраля (8 марта), что в Путивль приведены пленные из пяти крепостей, сдавшихся светлейшему князю: Оскола, Валук, Воронежа, Борисов-града и Белгорода². Названные города стояли друг от друга на огромном расстоянии, и восстание в них, по-видимому, произошло в разное время. Повстанцам пришлось затратить не одну педелю, чтобы доставить пленных воевод в Путивль через местности, занятые правительственными войсками. Все это позволяет заключить, что повстанческое движение в степных крепостях началось либо в первые недели февраля, либо в конце января 1605 года.

Русские источники сообщают о мятеже в южных гарнизонах кратко и без всяких подробностей. В Разрядных книгах можно найти запись о том, что «польские» города «смутились» и целовали крест «вору» и «воевод к нему в Путивль отвели: из Белгорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов, из Царева Нового города князя Бориса Петровича Татова да князя Дмитрия Васильевича Туренина»³.

Царев-Борисов служил форпостом московской обороны на юге, и командование постоянно держало там крупные военные силы. Падение крепости поразило Бориса как гром среди ясного неба. Годунов возлагал особые надежды на пятьсот дворовых стрельцов, находившихся в Цареве-Борисове. Но стрельцы сами приняли участие в мятеже и после ареста воевод немедленно покинули город. По свидетельству очевидцев, столичные стрельцы явились в Путивль и присягнули там на верность Лжедмитрию.

При Борисе Годунове южные пограничные города были связаны между собой единой системой обороны. Переход в руки повстанцев Курска поставил под угрозу Воронеж и Оскол. Мятеж в Кромах создал опасность для Ливен и Ельца. Командование значительно ослабило гарнизоны названных крепостей. Оно отозвало в полки к Мстиславскому четыреста конных казаков с пищальями и сто пеших стрельцов из Ельца и двести конных казаков из Ливен. Несмотря на это, гарнизоны Ельца и Ливен держались дольше, чем гарнизоны Оскола, Белгорода и других степных городов. Поражение отряда Шереметева под Кромами благоприятствовало мятежу в Ельце и Ливнах.

7 (17) марта 1605 года Чижовский и Лавицкий сообщили своим корреспондентам свежую новость о переходе на сторону «Дмитрия» крепостей Елец и Ливны. От себя иезуиты добавили, что Ливны не уступают по размерам Путивлю и значение этого города в военное время исключительно велико.

В степных крепостях произошло то же, что и ранее в Северной земле. Казаки и стрельцы вязали воевод и дворян, заставляли их присягать на верность «Дмитрию».

Мятеж в гарнизонах, по-видимому, не сопровождался большими кровопролитиями. Жертв народного, гнева было немного.

Восстание в южных крепостях ухудшило военную ситуацию, смешав планы московского командования. Из-за смуты на юге России воеводы не смогли окружить столицу Лжедмитрия Путивль и подвергнуть ее осаде.

Шереметев недаром слал в Москву отчаянные призывы о помощи. Русское командование вовремя оценило опасность. В случае окончательного, поражения Шереметева и снятия осады с Кром возникла бы угроза слияния двух очагов восстания — на Северщине и в южных крепостях «на поле».

4 марта 1605 года армия Мстиславского разбила лагерь в районе Кром. Воевода князь И. М. Бярятинский, находившийся в Карачеве, получил приказ везти всю осадную артиллерию к Кромам, чтобы соединиться с главными воеводами, «не доходя Кром версты за три или четыре, где пригоже». Позиция под Кромами имела большие преимущества. Путь через Орел и Тулу надежно связывал главную армию с Москвой, откуда можно было беспрепятственно получать подкрепления и провиант. Армия Мстиславского имела возможность прикрыть подступы к Москве в том случае, если бы восстание перебросилось из района Ливен и Ельца еще дальше на север.

Кромы относились к числу второстепенных крепостей. Но крамский острог был выстроен из дуба всего лишь за десять лет до Смуты. Главное преимущество городка состояло в его исключительно выгодном положении на местности. Крепость стояла на вершине холма подле реки, и ее со всех сторон окружали болота и камыши. Наверх вела единственная узкая тропа. С наступлением весны топи вокруг Кром становились непроходимыми.

Следуя приказу из Москвы, воеводы Мстиславский и Шуйские предприняли попытку штурма Кром еще до того, как ввели в дело тяжелую артиллерию. По свидетельству летописи, деревянные стены крепости были подожжены пехотой. Посреди почи боярские холопы, казаки и стрельцы подобралась к стенам Кром и «зажгоши град». Атаман Корела с донскими казаками принуждены были покинуть горящий город и отступили в острог. Ратные люди заняли вал с обрушившейся стеной. Но закрепиться на пожарище им не удалось. Вал и посад простреливались с цитадели. Штурмующие несли огромные потери.

Боярин М. Г. Салтыков, руководивший штурмом, не стал дожидаться приказа главных воевод и подал сигнал к отступлению, чтобы спасти отряд от полного истребления. Современники подозревали, что Салтыков тайно сочувствовал — «норовил» окаянному «вору» Гришке Отрепьеву. Однако подлинные причины неудачи были другими.

Кромы занимали столь выгодное положение, что Мстиславский и Шуйские не могли использовать все находившиеся в их распоряжении громадные силы. В армии Мстиславского М. Г. Салтыков был вторым воеводой передового полка. А это значит, что в штурме участвовали лишь отряды из состава передового полка.

Неудача повлияла на весь ход осады. Воеводы установили батареи, придвинули пушки к городу и стали бомбардировать Кромы из дня в день, не жалея пороха. Никто не спешил повторить опыт Салтыкова и предпринять, новый штурм.

В Кромах сгорело все, что могло гореть. Цитадель была разрушена до самого основания. На месте, где проходил пояс укреплений, осталась одна земляная осыпь. Но казаки решили не даваться живыми в руки воевод и сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы, вырыли глубокие окопы и лазы, по которым могли теперь незаметно покидать крепость и возвращаться обратно. Свои жилища — «норы земные» — казаки устроили под внутренним обводом вала. Во время обстрела они отсиживались в лазах, а затем проворно бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль. В ходе боев не только осаждавшие, но и осажденные понесли большие потери. Атаман Корела предупредил Лжедмитрия, что сдаст крепость, если не получит подкреплений в ближайшие дни.

Руководители повстанческих сил уяснили опасность и не побоялись пойти на риск. Собрав сколько можно ратных людей, они отправили их на помощь Кромам. Главный центр восстания — Путивль — остался почти без воинских сил, необходимых для его обороны. Лжедмитрий назначил командовать отрядом путивльского сотника Юрия Беззубцева,

В лагерь Мстиславского, занимавший огромное пространство, постоянно прибывали подкрепления. Караулы приняли казаков Беззубцева за своих, и отряд беспрепятственно проскользнул в крепость, проведя обозы с продовольствием. Бои под Кромами продолжались несколько недель, но затем атаман Корела был ранен, и осажденные прекратили вылазки. Со своей стороны воеводы отказались от попыток возобновить штурм. В военных действиях наступило затишье.

Приказ царя Бориса, воспретивший Мстиславскому распустить дворян на отдых, вызвал в полках возмущение. Весной в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии («мыта»). Борис послал в армию лекарей «со многим зельем и питием». Невзирая на грозные приказы, приходившие из Москвы, дворяне покидали полки и разъезжались по домам. Чтобы пополнить убыль в людях, Разрядный приказ провел новые наборы ратных людей по всей стране и прислал подкрепление Мстиславскому.

Глава 10.

В путивльском лагере

Потерпев сокрушительное поражение в битве под Добрыничами, Отрепьев намеревался бежать из России вслед за своим наемным войском. Однако путивляне помешали осуществлению его планов. Они «со слезами» просили «царевича» оставаться в городе, говорили, что не желают разделить участь комаричей, претерпевших «лютые и горькие муки» за верность своему государю. Самозванец не слушал их. Тогда повстанцы пригрозили ему арестом, чтобы Борису «добить челом, а тобою заплатити вину свою». Лжедмитрий подчинился, опасаясь, что путивляне выполнят свою угрозу и выдадут его правительству.

Восставший народ выражал готовность продолжать борьбу. Жители Путивля добывали оружие и вступали в повстанческое войско, заявляя «царевичу»: «Пойдем мы с тобой все своими головами»¹. Торговые люди вносили деньги в казну самозванца.

Можно установить имена главных руководителей повстанческих сил в Путивле. Ими были мелкопоместные дети боярские Сулеш Булгаков и Юрий Беззубцев, несшие службу в местном гарнизоне. В критической для него ситуации Лжедмитрий поручил первому из них ехать за помощью в Польшу, а второму — идти на выручку гарнизону Кром.

Отрепьев был далек от понимания того, что только народное восстание может помочь ему одолеть Бориса Годунова. В Путивле самозванец вернулся к своим старым планам, суть которых сводилась к тому, чтобы поднять против России всех ее соседей. Столкновение России с Турцией на Северном Кавказе подало Лжедмитрию надежду на то, что ему удастся подтолкнуть Крым к нападению на Русское государство. В конце апреля его гонцы повезли дары крымскому хану. Еще раньше посланцы Отрепьева выехали к князю Иштереку в Большую Ногайскую орду.

Будучи в Путивле, Отрепьев предпринимал отчаянные усилия, чтобы добиться вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Он послал к королю Сигизмунду Булгакова в качестве представителя восставшей Северной земли. Позже польские власти напомнили московским дипломатам, что при царе «Дмитрии» к королю приезжал посол «ото городов и мест, яко от Путивля и иных от духовных и свецких людей московских Сулеш Булгаков з грамотою»².

Текст письма от имени северских городов сохранился в копии. В конце письма имеется помета: «Из Путивля лета 7113 месяца января 21 дня». Публикуя грамоту, А. Гиршберг вполне основательно выразил сомнение насчет аутентичности указанной в

тексте даты. По его предположению, дата на письме была искажена при копировании русского оригинала: переписчик прочел 27 января как 21 января из-за сходства в написании единицы и семерки. Однако Гиршберг не учел, что для обозначения чисел русские употребляли буквенную систему, в которой единица нисколько не напоминает семерку.

Самозванец сознательно поставил в письме, неверную дату, чтобы обосновать ложную версию о своей непричастности к поражению под Добрыничами 21 января 1605 года. Очевидно одно: письмо появилось на свет в момент наибольших неудач Отрепьева, когда он прибыл в Путивль, потеряв всю свою армию. Грамота заканчивалась отчаянным призывом, чтобы король «соизволил как можно быстрее дать помощь нам (городам Северской земли.— *Р. С.*) и государю нашему». Текст письма был составлен от имени «жителей земли Северской и иных замков, которые ему (царевичу.— *Р. С.*) поклонились». В грамоте к королю «убогие сироты и природные холопы государя Дмитрия Ивановича» просили с плачем, покорностью и унижением, чтобы король смиловался над ними и взял их, убогих, «под крыло и защиту свою королевскую». Письмо жителей заканчивалось словами: «При том сами себя и убогие службы наши под ноги Вашего королевского величества отдаем»³. Поскольку жители Лутивля и прочих восставших городов ничего не знали о тайном договоре Лже Дмитрия с Сигизмундом III, для них обращение имело совсем иной смысл, чем для «царевича», Последний был связан с королем обязательством о передаче под власть короны главных северских городов. Путивльской грамотой Отрепьев дал понять королю, что готов выполнить свое обязательство. Авантюрист сознательно старался разжечь конфликт между Россией и Польшей. В случае, если бы Сигизмунд III принял под свое покровительство отвоєванные Лжедмитрием города, конфликт между Речью Посполитой и Русским государством стал бы неизбежен.

Вторжение самозванца, поддержанное королем, закончилось полным крахом. Это смешало все планы и расчеты военной партии при королевском дворе. Не только Мнишек, но и Сигизмунд III оказался в двусмысленном положении. Опозоренный Мнишек подвергался нападкам с разных сторон. Доверившиеся его обещаниям кредиторы жалели о деньгах, потраченных на самозванца. Ведущие политические деятели спешили напомнить о своих предостережениях против участия в аванюре, повлекшего за собой нарушение мирного договора с Россией. В таких условиях Сигизмунд III не осмелился использовать благоприятную ситуацию и на основании тайного договора присоединить к коронным владениям северские города.

Лжедмитрий направил в Варшаву для переговоров с Сигизмундом и членами сейма князя Ивана Татєва. Однако посла демонстративно задержали на границе до окончания сейма. Гонец с письмом от города Путивля был принят при дворе, но его миссия не привела к желаемым результатам.

Польский сейм, открывшийся 10 января 1605 года, решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский резко осудил авантюру Отрепьева. Этот враждебный набег на Московию, говорил он, губителен для блага Речи Посполитой. Самого претендента канцлер осыпал язвительными насмешками!: «Тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили когда-то другого. Помилуй бог, эта комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана»⁴. Литовский канцлер Лев Сапега поддержал Замойского. Он осудил затею Мнишкеда и заявил, что не верит в царское происхождение «Дмитрия», ибо законный наследник царя Ивана пашел бы иные средства для восстановления своих прав. Воевода Януш Острожский требовал, чтобы сейм наказал виновных.

Из-за противодействия сейма Сигизмунд III не мог принять предложения самозванца и оказать ему прямую военную поддержку. Но по его милости эмиссары Лжедмитрия имели возможность свободно действовать в пределах Речи Посполитой.

Тем временем гражданская война в России вступила в новую фазу. Восставшие жители Путивля, Курска и других городов помогли самозванцу развернуть агитацию по всей стране. Гонцы с письмами Лжедмитрия появлялись в казачьих станицах, пограничных городах и даже в столице. В «прелестных» письмах Отрепьева трудно уловить какие-то социальные мотивы. Всех подданных без различия чина и состояния «Дмитрий» обещал пожаловать «по своему царскому милосердному обычаю и наипаче свыше, и в чести держати, и все православное христианство в тишине, и в покое; и во благоденственном житии учинить»⁵.

Тяжесть царских податей и натуральных повинностей, трехлетний голод и полное разорение породили в народе глубокое недовольство, а потому люди воспринимали обличения самозванца против злодея-царя, сидевшего в Москве, как откровение. Вчерашний боярин Борис Годунов был, как утверждал «царевич», изменником и убийцей, желавшим предать «злой смерти» их законного, «прирожденного государя». Уставшие от бедствий и гнета низы охотно верили обличениям Лжедмитрия и связывали с именем законного царя надежды на перемену к лучшему.

Участие в восстании принесло определенные материальные выгоды податному населению. Сбор тяжелых государевых податей был сорван по всей Северской земле. С наступлением весны казаки северских и южных степных городов перестали пахать государеву десятинную пашню. Иначе говоря, признание власти Лжедмитрия привело на первых порах к освобождению восставшего населения от тяжелого налогового бремени и натуральных повинностей. Но временные льготы и послабления не могли превратиться в длительные и постоянные, не будучи подкреплены политическим переустройством.

Самозванец не мог предложить никакой программы общественного переустройства. Но народные массы оставались во власти социально-утопических идей. Не надеясь на собственные силы, они ждали спасения от царя-избавителя.

Претендент на трон мало походил на реформатора. Он был не слишком образованным человеком. В период своего недолгого монашества он успел заучить несколько текстов из Нового завета и еще из двух-трех священных книг. Его познания в области истории и географии были отрывочными и путаными. Пользуясь досугом в Путивле, «царевич» решил заняться своим образованием. 10 (20) апреля 1605 года он вызвал в избу своих тайных духовников-иезуитов и объявил им, что намерен брать у них уроки. С утра час отводился изучению философии, вечером наступала очередь грамматики и литературы. Во время занятий Отрепьев стоял с непокрытой головой, твердя урок, слово в слово, за своими учителями. Самозванцу хватило терпения и прилежания на три дня, после чего он распростился со школой раз и навсегда.

После трапезы Отрепьев охотно проводил время в обществе польских «товарищей» и капелланов. Чаще всего он обсуждал с ними две темы. Первой было невежество, праздность и беспутная жизнь русских монахов, о которых он не мог говорить без отвращения, второй — необходимость просвещения для русских. Самозванец старался выставить себя рьяным поборником просвещения. В России, говорил он, следует создать школы и академии, для чего надо выписать в Москву учителей, а заодно и учеников; русские молодые люди отправятся для обучения за границу и пр.

Отрепьев вел двойную жизнь, рассчитывая обмануть всех разом. При русских он прилежно играл роль ревнителя православия, при поляках столь же усердно поклонялся католическим святыням, пил за здоровье генерала Ордена иезуитов. Еще будучи в Севске, самозванец в письмах к своим покровителям в Польшу сетовал на то, что среди русских распространился слух о его отречении от православия. Чтобы прекратить неблагоприятные для него толки, Лжедмитрий стал выказывать особое почтение православным святыням. Когда из Курска в Путивль привезли икону божьей матери, он велел устроить крестный ход, затем поместил икону в своих покоях.

Между тем московскому правительству удалось заслать в путивльский лагерь лазутчиков. Сведения об этом эпизоде можно обнаружить в письмах иезуитов из Путивля и записках Г. Паэрле.

В письме от 7 (17) марта 1605 года иезуиты Чижовский и Лавицкий сообщали о том, что неделю назад, т. е. 7 марта, в Путивль явились три монаха, подсланные Годуновым. Они доставили грамоты от царя и патриарха. Иов грозил путивлянам проклятием за поддержку беглого расстриги. Борис Годунов обещал им полное прощение и милость, если они убьют «вора» вместе с окружавшими его ляхами или выдадут его в цепях законным властям. Однако иноки были арестованы еще до того, как успели обнародовать привезенные грамоты. Лжедмитрий велел пытать монахов, и они во всем сознались.

Со слов находившихся в Путивле поляков Г. Паэрле записал подробную версию происшедшего. По его словам, Борис прислал в Путивль трех монахов кремлевского Чудова монастыря, хорошо знавших Отрепьева. Чернецы должны были обличить перед населением беглого дьякона. После ареста два инока были подвергнуты пытке, но ни в чем не признались. Третий лазутчик, чтобы избежать пытки, донес, что его сотоварищи имели поручение отравить «царевича» ядом. Монахи якобы успели втянуть в свой заговор двух придворных самозванца. Последний велел выдать избличенных бояр на расправу народу. Их привязали к столбу посередине рыночной площади, и путивляне расстреляли изменников из луков и пищалей.

О казнях в Путивле упоминают как иностранные, так и русские источники. По данным А. Поссевино, «царевич» передал на суд народу одного из находившихся при нем московитов, который в секретном письме к Борису просил дать ему войско и обещал живьем захватить самозванца. Путивляне расстреляли московита. В русских источниках можно обнаружил данные о том, что в 1605 году в Путивле был казнен тульский дворянин Петр Хрущев. Его взяли в плен еще в сентябре 1604 года, и тогда же он признал самозванца царевичем. Таким путем Хрущев попал в число придворных Лжедмитрия. Подлинные обстоятельства его гибели, однако, неизвестны.

В Самборе Мнишек велел обезглавить сына боярского Пыхачева, обвинив его в покушении на жизнь «царевича». В Путивле Отрепьев действовал не менее жестоко и вероломно. Он велел казнить нескольких «придворных», чтобы терроризировать тех, кто знал правду о его происхождении и тайном обращении в католичество.

Отрепьев понимал, что одни жестокости и преследования не помогут рассеять неблагоприятные для него толки. Поэтому он прибегнул к новой мистификации, пытаясь отделаться от своего подлинного имени с помощью двойника. 27 февраля (8 марта) 1605 года иезуиты, бывшие с Лжедмитрием в Путивле, записали: «Сюда цривели Гришку Отрепьева, известного по всей Московии чародея и распутника... и ясно стало для русских людей, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев»⁶. Факт появления Лжеотрепьева был широко известен современникам. Польские дипломаты в переговорах с Шуйским не раз ссылались на то, что подлинного Отрепьева выставили в Путивле «перед всеми, явно обличаючи в том неправду Борисову». Появление «Отрепьева» в лагере самозванца было еще одной загадкой в истории Лжедмитрия. Французский историк де Ту отметил, что знаменитого чародея Гришку Отрепьева захватили в Лихвине и оттуда привели в Путивль. Но француз писал с чужих слов. А очевидцы происшествия иезуиты, близкие к особе самозванца, предпочли выразиться неопределенно: «Отрепьева привели невесть откуда».

Появление Лжеотрепьева при особе «царевича» на время прекратило нежелательные для самозванца толки. Капитан Маржарет, служивший позже телохранителем при царе «Дмитрии», писал: «...дознано и доказано, что расстриге было от 35 до 38 лет; Дмитрий же вступил в Россию юношею и привел с собой расстригу, которого всяк мог видеть...»⁷. Инициаторы фарса не позаботились о том, чтобы придать инсценировке

хотя бы внешнее правдоподобие: отец истинного Отрепьева был всего лишь на восемь лет старше Лжеотрепьева.

В конце концов, чтобы лучше укрыть обман, Отрепьев решил упрятать своего двойника в путивльскую тюрьму. Со временем московские власти дознались, что под личиной Лжеотрепьева скрывался старец, бродяга Леонид.

Самозванец позаботился о том, чтобы известить о появлении «истинного» Отрепьева Годуновых. Наконец он нанес последний удар властителю Кремля. Содержавшиеся в путивльской тюрьме монахи написали письмо Борису и патриарху Иову о том, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь, и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости».

Мистификация с Лжеотрепьевым произвела огромное впечатление на простой народ. Но она привела в замешательство также и Годуновых. Официальная пропаганда с ее неизменно повторявшимися обличениями против расстриги оказалась парализованной. В борьбе за умы самозванец одержал новую победу над земской династией.

Отрепьев овладел северскими городами исключительно благодаря восстанию низов и мелких служилых людей. Однако его нисколько не привлекала роль народного вождя. При первой же возможности он стал формировать свою Боярскую думу и двор из захваченных в плен дворян.

Не следует представлять себе дело так, будто народ бил и вязал воевод, тащил их к самозванцу, а последний тут же возвращал им воеводские должности, жаловал в бояре и пр. Не все пленные дворяне сделали карьеру при дворе Лжедмитрия, некоторые из них поплатились головой за отказ присягнуть «истинному» государю. Среди пленников Отрепьева только один М. М. Салтыков имел думный чин окольного и далеко продвинулся по службе. Он рано попал в руки «воровских» людей, но не оказал самозванцу никаких услуг и не удостоился его милостей.

В Путивле Лжедмитрий пытался опереться на людей, которые были всецело обязаны ему своей карьерой. Самой видной фигурой при его дворе стал князь Мосальский. В отличие от высокородного Салтыкова Мосальские, несмотря на свой княжеский титул, не принадлежали к первостатейной знати. Про Мосальского говорили, будто он спас самозванца, отдав ему своего коня во время бегства из-под Севска. Скорее всего, этот рассказ является легендой. Так или иначе Мосальский не покинул Лжедмитрия после разгрома под Севском. Лжедмитрий оценил это, тем более что при нем осталось совсем немного старых советников. Мосальский едва ли не первым получил от «вора» чин ближнего боярина.

Дьяк Богдан Сутупов, занимавший самое скромное положение в московской приказной иерархии, добровольно перешел в «воровской» лагерь, за что был удостоен неслыханной чести. Отрепьев сделал его своим канцлером — главным дьяком и хранителем царской печати.

Благодаря подобным пожалованиям дворяне, различными путями попавшие в Путивль, вполне оцепили возможности, которые открывала перед ними служба у новоявленного царя.

Воевода князь Г. Б. Роща-Долгорукий был арестован народом в Курске. После присяги самозванцу его направили на воеводство в Рыльск. По приказу царя Бориса бояре вешали всех изменников, поступивших на службу к «вору». Страшась опалы и казни, Долгорукий упорно оборонял Рыльск. За это самозванец пожаловал ему чин окольного.

Козельский дворянин князь Г. П. Шаховской в начале войны собирал детей боярских в Курске. Вероятно, там он и попал к повстанцам. К моменту восстания в Белгороде Шаховской успел прослужить Лжедмитрию несколько месяцев. Самозванец пожаловал Шаховскому чин воеводы и послал управлять Белгородом. Знатный дворянин князь Б. М. Лыков и головы А. Измайлов и Г. Микулин, захваченные в Белгороде, после присяги были оставлены Лжедмитрием в Путивле. Со временем они также получили от самозванца думную или воеводские чины.

Под Новгородом-Северским к «вору» перебежали дети боярские из Алексина А. Арцыбашев и М. Челюсткин. Были и другие случаи измены. Но они, по-видимому, носили единичный характер. Пока Борис Годунов занимал трон и положение династии казалось прочным, дворянские полки оставались надежной опорой правительства.

Если в первые месяцы войны Отрепьев именовал себя царевичем и великим князем всея Руси, то в Путивле он присвоил себе титул царя. Первые достоверные разряды путивльского госудпрл, содержащие сведения о пожаловании думных чинов, датируются концом мая—июнем 1605 года. Пленные воеводы из южных крепостей были приведены в Путивль не ранее второй половины марта 1605 года. Если большинство из этих пленников (князя Б. М. Лыков, Б. П. Татев и Д. В. Туренин, голова А. Измайлов) получили от самозванца думные чины два месяца спустя, то на это были свои причины.

Весной 1605 года положение дел в России решительно изменилось. Борис Годунов умер, и знать подняла голову. Многие бояре, прежде поневоле терпевшие худородного царя, стали искать пути, чтобы избавиться от выборной земской династии. Лжедмитрий сумел использовать наметившийся поворот. Спешно формируя свою думу из знатных московских дворян, он старался расчистить себе путь к соглашению с правящим московским боярством,

Глава 11.

Конец царствования Бориса

В течение двадцати лет Годунов управлял Россией сначала как правитель, а затем как самодержец. В последние годы его жизни все большую роль в делах управления играла ближняя дума («Тайный совет»). Среди ее членов трое лиц из числа родственников Бориса занимали «высшие должности в России конюший боярин — глава Конюшенного приказа Д. И. Годунов, аптечный боярин — глава Аптечного приказа С. Н. Годунов, дворецкий боярин — глава Дворцового приказа С. В. Годунов. После смерти престарелого конюшего С. Н. Годунов стал фактически главой ближней думы. Современники записали прозвище Семена Никитича — «правое ухо царя». В Москве он слыл крайне жестоким человеком. Семен Годунов постарался расширить систему сыска в стране. Польские послы, побывавшие в Москве в дни суда над Романовыми, писали, что у Бориса среди подданных много недоброжелателей, строгости по отношению к ним растут с каждым днем, так что москвитянин шага не сделает, чтобы за ним не следовало два-три соглядатая. Послы получали информацию от недоброжелателей Бориса, а потому и допустили большое преувеличение.

Известный русский историк Н. М. Карамзин считал, что Борис Годунов мог быть великим государем, если бы был рожден на троне, но он узурпировал власть, пролив кровь последнего отпрыска законной династии, и само провидение осудило его на гибель; что бы ни делал Борис, каждый шаг приближал его к неизбежному концу; возмездие неотвратимо. Н. М. Карамзин натолкнул А. С. Пушкина на мысль изобразить в характере царя Бориса «дикую смесь: набожности и преступных страстей». Под влиянием этих слов Пушкин, по его собственному признанию, увидел в Борисе поэтическую сторону. Разумного и твердого правителя не страшит бессмысленная и злобная клевета, но его гнетет раскаяние. Тринадцать лет кряду ему все снится убитое дитя. Муки совести невыносимы:

...Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...

Но Пушкин понимал характер Годунова несравненно глубже, чем Карамзин. Мелодрама отступала на задний план. Трагедия Бориса — это трагедия правителя, от которого отвернулся собственный народ. В этом смысл знаменитого монолога Годунова:

Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить.
Щедротами любовь его снискать,
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых...

Взойдя на трон, Годунов обещал, что покончит с нищетой в России. Но обстоятельства оказались неблагоприятными для него. Народ пережил страшный голод, затмивший беды времен Ивана Грозного. Когда при Грозном случился большой неурожай, тот не сделал ничего, чтобы спасти умирающий от голода народ. Борис действовал совсем иначе. Он не жалел казны, помогая голодающим. Он раскрыл перед народом царские житницы. И все же не Борис, а Иван оставил по себе добрую память в народе. Годунов имел все основания сетовать на черную неблагодарность своих подданных. Но жалобы такого рода могли свидетельствовать лишь о полной неспособности самого царя.

Обладая мудростью государственного человека, Борис должен был сознавать свою несостоятельность.

Некогда Годунов снискал поддержку страны, распустив «двор» — последыш опричнины — и тем самым покончив с политическим наследием Грозного. Правитель справился с боярской оппозицией, не прибегая к погромам и казням. Но все переменилось, едва в стране началась гражданская война. Тысячи казаков и комарицких мужиков, попавших в плен к воеводам после битвы под Севском, были повешены. Множество мирных крестьян, их жен и детей в Комарицкой волости были перебиты без всякой вины с их стороны.

Жестокость стала неизбежным спутником гражданской войны. По словам проживавшего в Москве Исаака Массы, стоило человеку произнести имя Дмитрия; как царские слуги хватили его и предавали смерти вместе с женой и детьми: «...и вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли, и прижигали калепым железом, и спускали людей в воду, под лед»¹. Яков Маржарет обвинял Годунова в том, что после появления «Дмитрия» Борис «только и делал, что пытал и мучил по этому поводу», «тайно множество людей было подвергнуто пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены»². Чем больше людей подвергалось гонениям, тем больше ожесточался народ. Вдумчивый наблюдатель дьяк Ивап Тимофеев писал, что к концу жизни Бориса надоело его притеснительное, с лестью, кровожадное царство и не из-за податных тягот, а из-за пролития крови многих неповинных.

Проводившиеся в обстановке гражданской войны репрессии царя Бориса отличались от опричного террора. Царь Иван казнил бояр и их «сообщников» за участие в мнимых заговорах. Гонения Бориса носили совсем иной характер. Своими успехами Лжедмитрий был обязан более всего поддержке низов общества. Годунов сознавал, с какой стороны ему грозит смертельная опасность, и стремился силой подавить выступления черни. В конце концов правительство утратило популярность и лишилось поддержки большинства народа.

Отношение к дворянству было совсем иным. Борис шадил дворянскую кровь совершенно так же, как и самозванец. Крайние меры применялись лишь к немногим дворянам-перебежчикам, к лицам, захваченным на поле боя с оружием в руках, посланцам «вора», подстрекавшим народ к мятежу. Последних вешали без суда на первом попавшемся дереве.

Сыскное ведомство постоянно расширяло свою деятельность. И все же ему не удалось искоренить надежды и иллюзии, все шире распространявшиеся в обществе. Народ ждал пришествия законного «доброего» царя, и с этим ничего нельзя было поделать.

Наращение репрессий привело к тому, что сыскное ведомство расширило свои политические функции. Сохранились сообщения о том, что глава этого ведомства Семен Годунов настаивал на казни заподозренных в измене руководителей Боярской думы. Между тем дума была высшим органом государства, а Сыскной приказ — лишь одной из ее многочисленных комиссий.

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворец, и никто не мог его видеть. Прошло время, когда Годунов охотно благотворил сирым и убогим, помогал им найти справедливость и управу на сильных. Теперь он лишь по великим праздникам показывался на народе, а когда челобитчики пытались вручить ему свои жалобы, их разгоняли палками.

Фатальные неудачи порождали подозрительность, столь чуждую Борису в лучшие времена. Царь перестал доверять своим боярам, подозревал в интригах и кознях своих придворных и все чаще обращался за советами к прорицателям, астрологам, юродивым. Еще Горсей отмечал склонность Бориса к чернокнижию. Один из членов польского посольства в Москве в 1600 году писал: «Годунов полон чар и без чародеек ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...»³. Однажды Борис пригласил в Москву некоего немца-астролога из Ливонии. Когда в небе над Москвой появилась яркая комета, царь попросил составить ему гороскоп. Астролог посоветовал Борису «хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому же он оказывает доверие, крепко стеречь рубежи». Годунов обращался к знаменитой в Москве юродивой Олене, предсказавшей ему близкую кончину. Царь приглашал во дворец для ворожбы и другую «ведунью» — Дарьицу.

Члены английского посольства, видевшие Годунова в последние месяцы его жизни, отметили многие странности в его характере. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скарденность в мелочах. Живя отшельником в кремлевском дворце, Борис по временам покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, заперты ли и запечатаны ли входы в дворцовые погреба и в кладовые для съестных припасов. Скупость, по словам очевидцев, стала одной из причин утраты им популярности.

Многие признаки в поведении Годунова указывали на его преждевременно наступившее одряхление. На торжественной аудиенции во дворце в честь посла английского короля Якова I царь, говоря об умершей королеве Елизавете, ударился в слезы. В конце жизни Годунов, тревожась за будущее сына, держал его при себе безотступно, «при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия». Один из ученых иностранцев попытался убедить Годунова, что ради долголетия царевича и просвещения его ума надо предоставлять некоторую самостоятельность в занятиях. Однако Борис неизменно отклонял такие советы, говоря, что «один сын — все равно, что ни одного сына», и он не может и на миг расстаться с ним⁴.

В последние дни Годунова более всего мучили два вопроса. Твердо зная, что младший сын Грозного мертв, царь все же по временам впадал в сомнение, «почти лишился рассудка и не знал, верить ли ему, что Дмитрий жив или что он умер». Другой вопрос заключался в том, сподобится ли он вечного блаженства на том свете. По этому поводу Годунов советовался не только со своим духовником, но и с учеными немцами. Невзирая на различие вер, царь просил их, «чтобы они за него молились, да сподобится он вечного блаженства». После таких бесед Борис нередко приходил к мысли, что для него «в будущей жизни пет блаженства»⁵.

Современники говорили, что Годунов, будучи на троне, «не царствовал, но болезновал». Недуг едва не свел царя Бориса в могилу в 1600 году, когда по всей Москве

распространилась весть о его кончине. После выздоровления он ходил, подволакивая ногу. Пользовал и царя как европейские врачи, так и народные знахари. В письме к королеве Елизавете Борис писал, что присланный ею в Москву доктор Кристофер Рихтингер, «венгерец» родом, излечил его от опасной болезни. Одновременно с «венгерцем» Бориса лечил крестьянин Гриша Меркурьев, приведенный из глухих северных погостов в Заонежье. По случаю выздоровления царь в 1601 году выдал знахарю грамоту, освободив его деревню от всех податей на веки вечные. В семье знахаря сохранилось предание, что тот «зализал рапы на ноге Бориса»⁶.

В последние годы жизни Борис под влиянием неудач и по причине недомогания все чаще погружался в состояние апатии и уныния. Физические и умственные силы его быстро угасали.

Недруги распространяли всякого рода небылицы по поводу смерти Бориса, последовавшей 13 апреля 1605 года. Годунов будто бы принял яд ввиду безвыходности своего положения. По другой версии, он упал с трона во время посольского приема и пр. Осведомленные современники описывают кончину Годунова совсем иначе: «Царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновиться и постричи, и два часа в той же болезни и скончась»⁷. Как записал автор Хронографа, Годунов скончался после обеда «по отшествии стола того, мало времени минувшю: царь же в постельной хранине сидящу, и внезапно случися ему смерть»⁸. Борис умер скоропостижно, и монахи лишь «успели запасными дары причастити» умирающего⁹.

Члены английского посольства описали последние часы Годунова со слов лечивших его медиков. По обыкновению врачи находились при царской особе в течение всего обеда. Борис любил плотно покушать и допускал излишества в еде. Убедившись в добром здравии государя, доктора разъехались по домам. Но через два часа после обеда Борис почувствовал дурноту, перешел в спальню хоромы и сам лег в постель, велел вызвать врачей. Тем временем бояре, собравшиеся в спальне, спросили государя, не желает ли он, чтобы дума в его присутствии присягнула наследнику. Умирающий, дрожа всем телом, успел промолвить: «Как богу угодно и всему народу»¹⁰. Вслед за тем у Бориса отнялся язык и духовные особы поспешно совершили над умирающим обряд пострижения. Близкий к царскому двору Я. Маржарет передает, что Годунов скончался от апоплексического удара.

Смерть Бориса дала новый толчок развитию Смуты в Русском государстве.

Глава 12.

Мятеж под Кромами

После своего избрания на трон Борис Годунов сделал сына соправителем и приказал именовать его государем, царевичем «всеа Руси». Поэтому передача власти Федору Годунову не вызвала осложнений. Бояре и духовенство нарекли царевича Федора на царство через три дня после кончины Бориса. После этого бояре, дворяне, купцы и простой народ были вызваны в Кремль и приведены к присяге.

Вслед за тем царица Мария и царь Федор Борисович разослали в города наказ, повелев созвать в церковь дворян, служилых и посадских людей, пашенных крестьян и прочую чернь, чтобы привести их к присяге. Приказные чиновники записывали имена присягнувших в особые книги, подлежащие отправке в Москву,

В главных городах — Новгороде, Пскове, Казани, Астрахани, городах Замосковья, Поморья и Сибири — присяга прошла без затруднений. Составленные там книги были спешно присланы в столицу. В царском архиве хранилась «свяска, а в ней записи целовальные... после царя Бориса царице Марьи и царевичу Федору всяким людем по чином, а записи шертовальные по чином иноземцом»¹. Православные целовали крест,

иноземцев приводили, к шерти (присяга для иноверцев) в соответствии с их обрядами и вероисповеданием.

«Подкрестная запись» царя Федора полностью повторяла текст присяги, составленный при воцарении Бориса Годунова. Он содержал непомерно длинный перечень обязательств, ограждавших безопасность царской семьи. Подданные обещали царице и ее детям «в еде и питье, ни в платье, ни в ином чвм лиха никакого не учинить и не испортить и зелья лихого и коренья не давать», «и людей своих с ведовством и со всяким лихим зельем и с кореньем не посылать и ведунов не добывать на (царское.— *Р. С.*) лихо», когда государь куда пойдет, «на следу (его.— *Р. С.*) всяким ведовским мечтанием не испортить и ведовством по ветру никакого лиха не насылать»².

Некогда царь Иван возвел на московский трон своего вассала Симеона Бекбулатовича. Претензии служилого хана давно утратили значение. Тем не менее советники Федора упомянули его имя в тексте присяги, запретив подданным всякие сношения с ним. Реальная угроза династии исходила от самозванца. Но в «целовальной записи» пояснения насчет самозванца были краткими и маловразумительными. Подданные клятвенно обязывались «к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать, и с ним и с его советники ни с кем не ссылатись ни на какое лихо и не изменитц и не отъехати...».

Текст присяги отразил замешательство кремлевских властителей. Длительное время церковь придавала анафеме «вора» и самозванца Гришку Отрепьева. Затем в Путивле на всеобщее обозрение был выставлен Лжеотрепьев, а чудовские монахи, посланные для обличения расстриги, прислали царю Борису письмо, подтверждавшее истинность сына Грозного. В Москве не могли сразу разобраться в новых мистификациях и не знали, что думать. Вместо того чтобы следовать раз принятой линии обличения «вора», царица и ее советники решили вовсе не упоминать в «записи» имени Отрепьева. Составители присяги сделали худшее, что могли, сведя на нет успехи официальной пропаганды.

Династия Годуновых имела мало шансов на то, чтобы уцелеть в обстановке кризиса и гражданской войны. Федор получил превосходное для своего времени образование, но в шестнадцать лет ему недоставало политической опытности и самостоятельности. Царица Мария Григорьевна была фигурой крайне непопулярной. Знать и население столицы не забыли массовых избиений и казней, организованных ее отцом — опричным палачом Малютой Скуратовым. По Москве ходила молва о крайней жестокости царицы.

Борис наводнил Боярскую думу своими родственниками. Но к началу 1605 года все наиболее значительные деятели из рода Годуновых сошли со сцены. Оставшиеся не пользовались никаким авторитетом, несмотря на свои блистательные титулы. В трудный час подле Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой поддержать пошатнувшуюся власть.

Прошло несколько дней после присяги, и бессилие правительства перед лицом глубокого кризиса обнаружилось с полной очевидностью. Крушению власти немало способствовало то, что в решающий момент в столице не оказалось достаточных военных сил, ибо в течение многих месяцев царь Борис отправлял всех способных носить оружие в действующую армию, включая стольников, жильцов (дворцовую охрану), конюхов и псарей.

Еще при жизни царь Борис стал жертвой политической клеветы. Его обвиняли в убийстве последних членов законной династии, включая царя Ивана, царя Федора и царевича Дмитрия. Клевета подготовила почву для торжества сторонников Лжедмитрия. По Москве распространялись самые невероятные слухи. Упорно толковали, будто Борис сам наложил на себя руки в страхе перед сыном Грозного.

Волнения в Москве нарастали с каждым днем. Следуя традиции, новый царь объявил о прощении всех преступников и опальных. Однако амнистия не рас-

пространялась на политических противников Годунова. Жители столицы не желали мириться с такой несправедливостью. Как записал очевидец, «народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке, другие кричали о матери Дмитрия, старой царице, что ее надобно посадить у городских ворот, дабы каждый мог услышать от нее, жив ли еще ее сын или нет»³. Власти принуждены были уступить требованиям народа. Они вернули в столицу Б. Я. Бельского, находившегося в ссылке в деревне, удельного князя И. М. Воротынского, бывшего в опале и изгнании, и других бояр. В лице Бельского династия приобрела Опаснейшего противника, великого мастера политических интриг, озлобленного преследованиями со стороны царя Бориса. Правительство могло бы использовать Марфу Угличскую для обличения самозванца. Но царица Мария Годунова и слышать не желала о ее возвращении в Москву.

Воеводы расставили заставы на всех дорогах и отдали приказ вешать гонцов Лжедмитрия без промедления, Тем не менее лазутчики продолжали проникать в столицу и доставлять «прелестные» листы. Царь Федор предпринимал отчаянные усилия, чтобы прекратить беспорядки в столице. Казна раздала населению огромные суммы на помин души Бориса, на самом же деле, чтобы успокоить население. Но щедрая милостыня не достигла цели. Не видя иного выхода, царица Мария и ее сын срочно вызвали из армии в Москву руководителей Боярской думы Мстиславского и братьев Шуйских. Подобная мера казалась вполне оправданной. Страх перед назревавшим выступлением низов побуждал бояр заботиться о порядке и действовать в интересах династии, невзирая на собственные политические симпатии.

Когда толпа в очередной раз заполнила площадь перед кремлевским дворцом, князь В. И. Шуйский вышел на крыльцо и долго увещевал народ одуматься и не требовать перемен, которые приведут к распаду царства и ниспровержению православия. Боярин поклялся самыми страшными клятвами, что царевича Дмитрия давно нет на свете, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский «вор» — это беглый монах и расстрига Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи. Возвращение главных бояр в Москву и речи Шуйского внесли успокоение в умы. Волнения в столице на время утихли.

Почти сразу после смерти Бориса правительство осуществило смену высшего командования в армии под Кромами. Среди Годуновых и их родни не оказалось никого, кто мог бы взять на себя руководство военными действиями, и царю Федору поневоле пришлось верить свою судьбу людям, не связанным с династией родством. Новым главнокомандующим в армию был назначен князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, его помощником — боярин Петр Федорович Басманов.

Наибольшие надежды Годуновы возлагали на П. Ф. Басманова, пользовавшегося особой популярностью среди населения столицы. По словам английских современников, простой народ «считал его единственным своим защитником». Карьеру Басманов сделал в считанные месяцы, благодаря успешной обороне Новгорода-Северского. Услуги, оказанные им династии, имели особый характер. Общее руководство обороной крепости осуществлял старший воевода. У младшего воеводы П. Ф. Басманова была своя роль. Он своевременно обнаружил измену в гарнизоне Новгорода-Северского и железной рукой подавил мятеж. Отправляя воеводу в действующую армию весной 1605 года, власти руководствовались несложным, расчетом. Они имели много соглядатаев в лагере и своевременно получили сведения о «шатости» в людях. Басманову отводилась та же роль, какую он уже сыграл однажды при обороне Новгорода-Северского.

Явившись в лагерь под Кромы, Катырев и Басманов привели армию к присяге. Патриарх Иов по немощи не мог покинуть Москву, и поэтому церемонией присяги руководил новгородский митрополит Исидор — второе в церковной иерархии лицо. Полки повиновались воеводам. Но, по свидетельству русских летописей, некоторые ратные люди в общей сутолоке уклонились от церемонии крестоцелования.

После смерти Бориса вопрос о единстве в думе и высшем военном командовании приобрел первостепенное политическое значение. Новому руководству надо было любой ценой избежать раскола. Но правительство не имело авторитетного вождя, и раскол оказался неизбежным. Катырев и Басманов, прибыв в лагерь под Кромами, объявили о новых назначениях воевод. Однако тотчас после их отъезда из Москвы Семен Годунов пересмотрел эти назначения, не согласовав дело с боярами. Своей властью глава сысского ведомства назначил первым воеводой сторожевого полка своего зятя князя Андрея Телятевского, бывшего опричника.

Пока положение династии казалось прочным, знать не выступала против нее. Преданность Годуновым более всего поддерживал страх перед восстаниями низов и пользу самозванца. Однако смерть Бориса и появление знатных дворян в Путивле изменили ситуацию.

Родовитая знать не смирилась со своим поражением в период династического кризиса, и ей не всегда удавалось скрыть свое истинное отношение к выборному земскому царю Борису. За два-три года до вторжения самозванца власти получили донос о том, что князь Борис Михайлович Лыков, «сходясь с Голицыными да с князем Борисом Татсвым, про него, царя Бориса, разсуждаот и умышляет всякое зло»⁴. Круг названных лиц был связан тесной дружбой, а отчасти и родственными узами.

В силу превратностей гражданской войны одни члены этого кружка оказались заброшенными в путивльский лагерь, где их обласкал самозванец, другие же остались в царских полках. В былые времена злые речи Голицыных и их друзей против царя Бориса не были подкреплены никакими практическими шагами, а потому Годунов не придавал доносу никакого значения. После смерти Бориса недовольные от слов перешли к делу. Голицыны вели свой род от литовской великокняжеской династии. По знатности они превосходили главу Боярской думы Мстиславского из младшей линии династии. По к. концу XVI века местническое положение Голицыных пошатнулось: попытки тягаться с Трубецкими и Шуйскими закончились для них полной неудачей. После смерти царя Федора Ивановича Голицыны не попали в число претендентов на трон. Кончина Бориса пробудила в них честолюбивые надежды. Положение династии Годуновых стало непрочным, и Голицыны первыми из бояр покинули ряды ее сторонников.

В течение долгого времени Голицыны командовали передовым полком, в составе которого числилось не менее тысячи рязанских дворян. Рязапцы не скрывали своего негодования на Бориса, запретившего им зимовать в своих поместьях. Голицыны могли рассчитывать на их помощь. Не случайно одним из главных инициаторов заговора под Кромами стал видный рязанский дворянин Прокопий Ляпунов.

Заговорщики поспешили установить связи со своими давними друзьями и единомышленниками в Путивле. Князя Борис Петрович Татев и Борис Михайлович Лыков оказали Лжедмитрию исключительные услуги, поскольку первый вскоре же получил боярство, а второй стал кравчим самозванца. Вероятно, Лыков поддерживал наиболее тесные связи с заговорщиками, поскольку именно ему Лжедмитрий вскоре же поручил организовать присягу в сдавшихся царских полках.

В числе других лиц повстанцы захватили в южных городах Артемия Измайлова. Очень скоро этот пленник получил от Лжедмитрия чин дворецкого, думного дворянина и ближнего человека. Измайлов был рязанским дворянином и приятелем Ляпунова. Многие его родственники служили в армии Мстиславского. Скорее всего, именно он помог организовать заговор среди рязанских помещиков, за что и был удостоен исключительных милостей.

Переговоры между советниками самозванца и заговорщиками под Кромами были окружены глубочайшей тайной. Но некоторые подробности все же стали известны в Польше. Некто Петр Арсудий, подвизавшийся в Польше в качестве доверенного лица Ватикана по делам восточной церкви, получил подробные сведения о секретных переговорах «царевича» с боярами от виленского епископа Войны. Покровители са-

мозванца попытались заручиться поддержкой. Войны в начальный момент организации самозванческой интриги. С тех пор епископ имел возможность получать доверительную информацию от лиц, окружавших «царевича».

По словам епископа, заговорщики обещали «истинному» Дмитрию престол на следующих условиях: православная вера остается нерушимой, самодержавная власть сохраняется, и «Дмитрий» будет пользоваться теми же правами, что и Иван IV; царь не будет жаловать боярского чина иноземцам и не назначит их в Боярскую думу, но волен принимать иноземцев на службу ко двору и даст им право приобретать земли и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иноземцы могут строить себе костелы на русской земле⁵.

Приведенные сведения позволяют сделать интересные выводы. По-видимому, соглашение о будущем устройстве Русского государства было в основных чертах выработано в результате переговоров между членами «воровской» Боярской думы и польскими советниками самозванца. Вместе с Мнишеком лагерь Отрепьева покинула почти вся польская знать, принимавшая участие в аванюре. Это обстоятельство должно было облегчить сговор. Московская знать, оказавшаяся в Путивле, заботилась о сохранении своих привилегий. Немногие польские советники (Бучицкий, Дворжецкий, Иваицкий), оставшиеся при особе «царевича» в Путивле, выговорили себе право служить при царском дворе, владеть вотчинами и поместьями, устроить церкви по своему вероисповеданию.

В последних числах апреля 1605 года к самозванцу в Путивль из-под Кром прискакал сын боярский арзамасец Абрам Бахметев и сообщил, что царь Борис умер, Петр Басманов прибыл под Кромы и 19 апреля привел полки к присяге. Аналогичное известие путивляне получили из Кром. Казаки атамана Корелы сделали вылазку из крепости и захватили языков, от которых узнали, что «Бориса не стало и что в войске их великое смятение: одни держатся стороны Борисова сына, а другие — нашей».

Положение в царских полках стало критическим к началу мая. Когда Басманов прибыл под Кромы, он горячо убеждал войско служить Федору Годунову. Одновременно в лагере началась охота за тайными приверженцами Лжедмитрия. Что ни день воеводы рассылали «по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему, так что открылось, что больше (людей. — *Р. С.*) на стороне Дмитрия, чем на стороне московитов»⁶. Сведения Басманова полностью совпадали с показаниями языков, захваченных казаками Корелы. Воеводе предстояло железной рукой покарать сторонников Лжедмитрия в интересах Годуновых. Но положение династии было шатким.

Сохранив верность Годуновым, Басманов должен был бы пролить потоки крови. В числе первых ему пришлось бы арестовать воевод князей Голицыных, истинных вдохновителей заговора. Однако по матери Голицыны доводились братьями Басманову, и он издавна привык считаться с авторитетом старшей по знатности родни. Все это не могло не повлиять на исход дела.

Голицыны понимали, что рискуют головой, и не жалели сил, чтобы втянуть Басманов в заговор. Кроме милостей Бориса, ничто не привязывало Басманова к правящей династии. Переход власти к царице » Марии Скуратовой и Семену Годунову не мог не поколебать его верности трону. Между родом Бельских и родом Басмановых существовала кровная вражда. Именно отец царицы Малюта Скуратов положил конец блестящей карьере Басмановых в опричнине. По его навету инициатор опричнины А. Д. Басманов был казнен, а его сын Ф. А. Басманов умерщвлен в тюрьме. П. Ф. Басманов не имел оснований щадить дочь Малюты и его внука царевича Федора Борисовича.

Получив предложение примкнуть к заговору, Басманов недолго колебался. Сын знаменитого опричника, он был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния. После взлета в опричнине Плещеевы-Басмановы надолго сошли со сцены, и воеводе предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую «честь» фамилии.

Разрядная роспись, присланная в полки после присяги, нанесла удар честолюбивым надеждам П. Ф. Басманова. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евялял и бил челом бояром и воеводам всем: „Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды болыни деда князя Ондреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи, князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору"»⁷. Басманов не мог смириться с «потерькой» фамильной чести. Но верное будет предположить, что он искал благовидный предлог для предательства.

Примкнув к заговорщикам, Басманов быстро привел дело к регаительной развязке. Гражданская война расколола русское общество. Низы (горожане, крестьяне, холопы, стрельцы) были главной силой, выступившей в пользу «добротого царя Дмитрия». Затем заколебалось дворянство. Этому способствовали существенные перемены в структуре и составе дворянского ополчения, наметившиеся к концу правления Бориса Годунова.

В связи с развитием поместной системы на южных окраинах государства возникла категория детей боярских, владевших мелкими поместьями и несших службу не в конном дворянском ополчении, а с пищалями в пехоте. Такие помещики получали нераспаханные земли без крестьян и должны были сами обрабатывать пашню. Власти принимали на службу не только мелких безземельных детей боярских, но и казаков, крестьян и их детей. По своему положению степные помещики резко отличались от старотого дворянства, владевшего большими земельными богатствами в центральных и западных уездах государства. Не случайно в мятеже под Кромами наиболее активно участвовали помещики южных уездов, тогда как московские, новгородские, суздальские дворяне сохранили верность династии.

Запущение поместных земель и дробление поместий побудило правительство провести реформу: если при Иване IV каждый феодальный землевладелец был обязан снарядить в поход одного боевого холопа со ста четвертой пашни, то при Борисе Годунове — по два холопа с той же пашни. Традиционное соотношение численности дворян и воинов-холопов в армии оказалось нарушено.

Дисциплина в царских полках держалась, пока дворяне громили «воров» - казаков и комарицких мужиков. Неудача под Кромами и бездеятельность деморализовали армию. Помещики осуждали приказ Бориса, воспрецававший воеводам распускать ратных людей на отдых. Они не понимали, зачем царю понадобилось держать пятидесятитысячную армию под стенами крохотной крепости, для осады которой достаточно было небольшого отряда.

Мелкие помещики не могли оправиться от последствий трехлетнего голода. Многие опасались, что из-за их длительного отсутствия дела в поместьях придут в полное расстройство. С наступлением весны бегство землевладельцев из армии усилилось. Немало столичных дворян использовали смерть Бориса в качестве предлога к тому, чтобы выехать в Москву «на царское погребенье».

Дворянское ополчение таяло, тогда как число даточных людей и посошных мужиков в лагере росло. Под Кромь были доставлены огромный артиллерийский парк, большие запасы пороха и ядер. Лагерь оказался наводнен посошными людьми, занятыми перевозкой пушек и подвозом боеприпасов. При военном лагере возникло торжище. Каждый день окрестные и дальние крестьяне везли на продажу продукты питания и разные товары. Вместе с ними на торг беспрепятственно проникали лазутчики из Путивля с «воровскими» листами. Чем больше ратники в сермягах заполняли лагерь, тем успешнее шла агитация в пользу «истинного» царя Дмитрия.

Отрепьев не имел ни сил, ни решимости, чтобы отважиться на новое сражение с воеводами. Но когда Корела сообщил ему о заговоре в царских полках, он тотчас отдал приказ о выступлении в поход. Войск в Путивле было совсем немного, и капитан Ян Запорский, возглавивший поход, получил в свое распоряжение всего двести-триста наемных солдат и восемьсот донских казаков. С такими силами нечего было и думать о

битве с царскими полками. Тогда Запорский прибегнул к хитрости. Он послал трех лазутчиков с письмами к Кореле с тем расчетом, что кто-нибудь из них попадет в руки бояр. Так оно и случилось. Из захваченных писем воеводы узнали, что «царевич» послал на помощь Кромом сорок тысяч войска при трехстах орудиях. Весть о приближении войска «Дмитрия» укрепила решимость заговорщиков. Они вошли в тайный сговор с атаманом Корелой в Кронах и подали сигнал к мятежу, не дожидаясь подхода поляков.

Басмапов, Голицын и Ляпунов вовлекли в заговор дворян из Рязани, Тулы, Алексина, Каширы. Подавляющая часть дворянского ополчения вместе с главным командующим М. П. Катыревым, боярами А. А. Телятевским, И. И. Годуновым, М. Г. Салтыковым остались верны присяге. Князь Василий Голицын был настолько не уверен в успехе предприятия, что в первые же минуты мятежа велел слугам связать себя, чтобы иметь возможность оправдаться в случае провала. Мятеж в расположении многотысячной армии казался безрассудной авантюрой. Верные воеводы без труда раздавили бы его, если бы армия не вышла из повиновения. События в лагере развивались с той же неумолимой последовательностью, что и события в северских городах. Дворянские конные сотни разгромили бы мятежников, если бы на стороне тех не выступила лагерная чернь—многочисленные посошные мужики, холопы, казаки и пр. В обстановке общего хаоса дворянские отряды оказались разобщены и дезорганизованы.

Лагерь был разбужен на рассвете 7 мая. Заговорщики сделали все, чтобы посеять в полках панику. Их люди подожгли лагерные постройки в нескольких местах. Ратные люди выбегали из палаток и землянок, не успев как следует одеться. Поднялась страшная суматоха. Как говорили очевидцы, никто «не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не знали, кто враг и кто друг, и метались, подобно пыли, ветром вздымаемой». Одни кричали: «Да хранит бог Дмитрия!», другие: «Да хранит бог нашего Федора Борисовича!». Очень многие старались как можно быстрее докинуть лагерь. Они бросали оружие, оставляли повозки и телеги, выпрягали лошадей, чтобы бежать скорее.

Ляпуновы позаботились о том, чтобы захватить наплавной мост через реку и соединиться с войском, выступавшим из Кром. Вскоре на мосту собралось так много народа, что мост стал тонуть. Много людей оказалось в воде. Конные пытались переправиться за реку вплавь. Среди общей неразберихи одни немцы-наемники сохраняли некоторый порядок. В Большом полку с начала кампании числилось до тысячи иноземцев. Они выстроились под знаменем и приготовились к отпору. Басманов послал свой шишак со значками капитану иноземцев Вальтеру фон Розену и потребовал, чтобы он присягнул «законному» государю. Немцы колебались и выжидали. Верные воеводы не использовали их колебаний. Басманов оказался расторопнее их.

Главный воевода Сторожевого полка князь А. Телятевский пытался воодушевить сторонников Федора Годунова. Он «до последней возможности оставался у пушек, крича: „Стойте твердо и не изменяйте своему государю!“». Главный воевода «у наряда» (артиллерии) был заодно с Телятевским. Воеводы могли пустить в ход пушки, разбить наплавной мост, рассеять собравшуюся на нем толпу и помешать соединению мятежников с гарнизоном Кром. Однако Телятевский не решился начать кровопролитие. Но молчаливому согласию, обе Стороны, по-видимому, так и не пустили в ход оружие. Переворот был бескровным. Мятежники беспрепятственно переправились за реку Кром и соединились с кромчанами, «даша им путь скрозь войско свое».

Пропустив нестройную толпу ратников, Корела с донскими и путивльскими казаками и «с кромляны» ворвался в лагерь и «на достальную силу московскую ударишася». Даже после соединения восставших отрядов с кромским гарнизоном численное превосходство оставалось на стороне верных правительству войск. По словам современников, мятежников было полторы сотни на тысячу. Однако нападение казаков усугубило панику в полках и помешало Катыреву, Телятевскому и другим воеводам организовать сопротивление и удержать лагерь за собой. Характерно, что Корела отдал приказ не применять оружия. Деморализованные изменой ратники «плещи даша и

побсгоша», донцы же «гоиюще их, сетчи же их щадяху», «в сечи же и убиства место плетми бьюще их и, гоняще, глаголюще: „Да потом на бой не ходите противу нас!“», Как отметил П. Петрей, казаки выбили воевод из лагеря, воспользовавшись возникшей там смутой и суматохой.

Верные правительству бояре и воеводы бежали в Москву. Вместе с ними лагерь покинуло много тысяч дворян, детей боярских и прочих ратных людей. В течение трех дней беглецы шли через Москву толпами, возвращаясь в замосковские и северные города. Когда бояре спрашивали их, почему они так поспешно бежали из-под Кром, они «не умели ничего ответить».

Руководители мятежа предпринимали энергичные усилия к тому, чтобы удержать инициативу в своих руках. Без армии династия Годуновых была обречена на гибель. Голицын и Басманов сделали все, чтобы ускорить ход событий в Москве. Они отправили с тайной миссией к столичным боярам — противникам Годуновых нескольких знатных лиц, чтобы привлечь думу и население Москвы на свою сторону. Мятеж под Кромами обнаружил, что процесс разложения в рядах армии резко усилился. Восстание южных помещиков фактически привело к распаду дворянского ополчения, а это оказало огромное влияние на весь ход гражданской войны в России.

Главные вожди переворота не спешили на поклон к самозванцу. Располагая многотысячной армией, они имели все основания считать себя господами положения. Самозванец сознавал это и сделал все, чтобы не попасть в западню. По свидетельству поляков, в походе на Москву «царевич», не доверяя «тому войску (бояр Голицыных и Басманова.— Р. С.), приказывал ставить его в полумиле от себя, а иногда в расстоянии мили, а около царевича при остановках и в пути до самой столицы были мы — поляки; ночью мы ставили караул по 100 человек»⁸.

Настроения в лагере под Кромами были неопределенными и изменчивыми. Среди ратников внезапно распространился слух, будто царь бежал в Польшу, что он «не истинный. (Дмитрий.— Р. С.), а злой дух, смутивший всю землю». После пира наступило похмелье. Трудно сказать, от кого исходили неблагоприятные для самозванца-слухи. Голицыны и прочие бояре, унимая ратников, были, во всяком случае, весьма немногословны. «Дождитесь конца,— будто бы говорили они,— а до тех пор молчите»⁹.

На пятый день после переворота в Путивль, явился брат В. В. Голицына князь Иван. С ним прибыло несколько сот дворян, стольников и «всяких чинов людей», представлявших дворян разных уездов и городов. Объясняя свой переход на сторону «Дмитрия», Голицын ссылался на двусмысленность присяги, данной им и другими воеводами царевичу Федору Годунову. Прежде и патриарх и царь Борис неизменно называли «царевича» Отрепьевым. В присяге это имя вовсе не было названо. Если «царевич» — не Гришка, то почему он не может быть настоящим сыном царя Ивана Васильевича?

Голицын клеймил Бориса Годунова самыми бранными словами, клялся в вечной верности «прирожденному» государю и умолял немедленно идти в Москву и занять престол. Отрепьев, как видно, не слишком доверял словам Голицына и не спешил в Кром. Через несколько дней после переворота он прислал туда князя Б. М. Лыкова, который привел к присяге полки.

Отрепьев сделал то, что ждали от него уставшие ратники. Он приказал немедленно распустить на отдых (на три-четыре недели) всех дворян и детей боярских, у которых были земли «по эту сторону от Москвы». Иначе говоря, отпуск получили прежде всего дворяне из заокских городов — Рязани, Тулы, Алексина, Каширы и пр. Самозванец велел отпустить со службы также многих стрельцов и казаков. Это имело самые губительные последствия для Годуновых: «А стрельцов и казаков, приветчи х крестному целованью, отпустили по городом, и от того в городех учинилась большая смута»¹⁰. Половина армии была распущена по домам, а оставшаяся отправлена из лагеря на Орел и далее на Тулу.

Названные города были заняты без всякого сопротивления, и их воеводы присягнули на верность Лжедмитрию.

Отрепьев покинул Путивль 16 мая, на девятый день после мятежа. 19 мая он прибыл в лагерь под Кромами, где уже не было никаких войск. Сопровождавший самозванца капитан С. Борша утверждал, будто в войске у «царевича» было две тысячи поляков-копейщиков и около десяти тысяч русских. В своих записках Борша желал доказать, что именно поляки сыграли решающую роль в московском походе, и потому преувеличил численность польского войска. На самом деле силы Отрепьева были весьма невелики. Уже после мятежа под Кромами пан Ратомский привел в Путивль пятьсот конных шляхтичей. Никакого участия в военных действиях они не принимали. Кроме семисот-восемисот поляков при особе самозванца находились восемьсот донских казаков и несколько русских отрядов, численность которых не установлена. Я. Маржарет утверждал, что «царь Дмитрий» держал при себе поляков и казаков и лишь «немного» русских, так что общая численность его войска не превышала двух тысяч человек.

Самозванца окружали его «думные» люди, которые, однако, не занимали никаких постов в его польско-казацком войске. Согласно «воровским» Разрядам, при нем были путивльские бояре князя Б. Татев, В. Мосальский и Б. Лыков, окольный князь Д. Турешш, думные дворяне А. Измайлов и Г. Микулин. Что касается царских бояр из кромского лагеря, они присоединились к свите Лжедмитрия где-то на пути между Путивлем и Орлом.

В Кромах самозванец оставался несколько дней. Его спутники с удивлением разглядывали лагерные укрепления, множество палаток и брошенные русскими пушки. Лжедмитрию достались семьдесят больших орудий, значительные запасы пороха и ядер, войсковая казна, много лошадей и прочее имущество.

Будучи под Орлом, Отрепьев устроил судилище над теми из воевод, которые, попав в плен, отказались ему присягать: «...приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститися, оне же ему оклеветаны быша, тех жо цовелё переимати и разослати по темницам»¹¹. Среди других в тюрьму был отправлен боярин И. И. Годунов. На всем пути до Орла бесчисленное множество народа из всех сословий и званий собиралось большими толпами, чтобы увидеть новообращенного государя. Имеются сведения о том, что первая делегация от москвичей явилась к Отрепьеву уже во время его остановки в Орле. Посланцы из Москвы заявили, что столица готова признать своего «прирожденного государя». Вскоре после этого ЛжеДмитрий решил послать в Москву своих гонцов с обращением к московской думе и чинам. Выполнить опасное поручение взялся дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин. Современники подчеркивали, что Г. Г. Пушкин сам напросился («назвался») на «воровство».

Лжедмитрий поручил Пушкину доставить в Москву грамоту, в которой он требовал от москвичей покорности и старался убедить их, что провинция уже прекратила всякое сопротивление. Чтобы подтвердить эту ложь, Лжедмитрий послал вместе с Пушкиным захваченного царицынского воеводу Наума Плещеева, велев ему «на Москве объявить, что ему (Дмитрию.— *Р. С.*) низовые города добибли челом».

Самозванец приказал своим войскам войти в Москву. Но сделать это оказалось не так-то просто. В распоряжении правительства оставалось несколько тысяч дворовых стрельцов. Царь Федор отправил их на Оку и приказал занять все переправы под Серпуховом. 28 мая стрельцы дали бой отрядам Лжедмитрия и отбили все их попытки перейти Оку. По словам очевидцев, московские стрельцы, «пребывая верными до конца, сражались за Москву».

Приведенные из-под Кром войска самозванца, выступившие на завоевание Москвы, обнаружили полную небоеспособность: свой первый и единственный бой они проиграли.

Глава 13. Переворот в столице

Лишившись армии, династия Годуновых оказалась в критическом положении. Окончательный удар ей нанесло восстание в Москве.

В конце мая 1605 года по Москве распространился слух о приближении войск «царя Дмитрия». В городе тотчас же вспыхнула паника. Толпа горожан, собравшихся на площади подле Серпуховских ворот, внезапно бросилась бежать, увлекая за собой встречаемых: «Всяк бежал своим путем, полагая, что враг гонится за ним по пятам, и Москва загудела как пчелиный улей». Царь Федор Годунов и его мать долго не могли узнать толком, что происходит в городе. Наконец, они выслали ближних бояр к народу на Красную площадь. После долгих увещаний толпа лехотя разошлась по домам.

Последующие события развивались стремительно и неудержимо. С некоторой наивностью И. Масса повествует о том, что 1 июня около 9 часов утра в Москву смело в/ьехали два гонца «Дмитрия», что «поистине было дерзким предприятием»; на площади гонцы огласили грамоту «Дмитрия», после чего толпа пала ниц, и пр. Совершенно так же описывают события русские летописцы, назвавшие по именам гонцов Лжедмитрия. Зачитав «прелестные» грамоты «вора» на Красной площади, дворяне Г. Пушкин и Н. Плещеев «смутили» население столицы¹.

Приведенные рассказы были некритически восприняты историками, несмотря на их очевидную легендарность. В самом деле, как могли двое дворян проникнуть через тройное кольцо крепостных укреплений? Как могли распоряжаться в городе, в котором функционировало правительство, опиравшееся на преданный стрелецкий гарнизон?

Лжедмитрий не раз посылал своих гонцов в Москву, но все они неизменно оказывались в тюрьме или на виселице. Что же позволило Пушкину и Плещееву добиться успеха? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить последовательность и связь событий.

Очевидцы засвидетельствовали, что донской атаман Л. Корела с отрядом, обойдя заслоны правительственных войск на Оке, 31 мая разбил лагерь в шести милях от Москвы. Сопоставление дат позволяет сделать важные выводы. Корела появился в окрестностях столицы 31 мая, а Пушкин и Плещеев вошли в город на другой день рано утром. Повидимому, эти события были неразрывно связаны между собой. Трудно предположить, чтобы Корела и Пушкин, присланные под Москву одним и тем же лицом, в одно и то же время, с одной и той же целью, действовали при этом независимо друг от друга. Как видно, именно казаки доставили посланцев Отрепьева в окрестности столицы.

Если бы у стен Москвы появились полки П. Ф. Басманова и братьев Голицыных, они не произвели бы такого переполоха, какой вызвали казаки. Само имя Корелы было ненавистно боярам и столичному дворянству, пережившим много трудных месяцев в лагере под Кромами. Власть имущие имели все основания опасаться того, что вступление казаков в город послужит толчком к общему восстанию.

Как только богатые («лучшие») люди узнали о появлении Короли, они тотчас начали прятать имущество, зарывать в погребах деньги и драгоценности. Правительство удвоило усилия, чтобы как следует подготовить столицу к обороне. Весь день 13 мая по городу возили пушки и устанавливали их на крепостных стенах. Военные меры по поддержанию порядка в столице и предотвращению народных волнений отрабатывались в течение многих лет, в особенности же после восстания Хлопка. Тем не менее эти меры не помешали Пушкину и Плещееву «бесстрашно» войти в Москву. Кто же помог им?

В свое время Пушкин и Плещеев попали в лагерь самозванца в качестве пленников. Лжедмитрий не имел оснований доверять им в такой мере, в какой он доверял Кореле. Именно казаки Корелы обеспечили ему победу своей неслыханной храбростью. Многие вопросы получают простейшее объяснение, если предположить, что самозванец, задумав «смутить» столицу, поручил дело Пушкину и Плещееву вместе с казаками Корелы.

Пушкин и Плещеев прибыли в Подмоскovie из района Орла и Тулы. Но в столицу они вошли не по Серпуховской или Рязанской, а по Ярославской дороге из района Красного села. Это село располагалось за рекой Яузой, к северо-востоку от Москвы. Отмеченный факт можно поставить в прямую связь с действиями отряда Корелы. По свидетельству Я. Маржарета, «Дмитрий» послал войско к столице, чтобы «отрезать съестные припасы от города Москвы»². Заокские города были охвачены смутой, и Москва не могла рассчитывать на подвоз хлеба с юга. Зато замосковные города сохраняли верность династии, так что обозы шли оттуда непрерывным потоком. Особенно оживленной была дорога из Ярославля, проходившая через Красное село. Чтобы выполнить приказ Лжедмитрия, Корела должен был перерезать прежде всего эту дорогу. По-видимому, он так и сделал.

По некоторым сведениям, Лжедмитрий обратился к жителям Красного села с особым посланием. Самозванец писал, что не раз посылал своих гонцов к ним в село и в Москву, но все они были убиты. Наконец, он требовал, чтобы красносельцы явились к нему «с повинной», и грозил в случае сопротивления истребить их всех, включая детей.

Присутствие казаков Корелы спасло Пушкина и Плещеева от участи предыдущих гонцов. Красносельцы, как повествует К. Буссов, с уважением выслушали послание «Дмитрия» и решили собрать народ, чтобы проводить его гонцов в столицу. Как значится в Разрядных записях, Пушкин и Плещеев приехали «с прелестными грамотами сперва в Красное село и, собрався- с мужики, пошли в город...». По русским летописям, гонцы Лжедмитрия «стали в Красном селе и почали грамоты ростригины честь... что он прямой царевич, и иные многие воровские статьи». Обращение «прирожденного государя» привело к тому, что «красносельцы, смутясь сами, и привели их (гонцов.— *Р. С.*) к Москве на Лобное место с теми воровскими грамотами»³.

Правительство заблаговременно подготовилось к отражению казаков. Более того, Годуновых своевременно известили о том, что красносельские «мужики изменили и хотяху быти в городе (Москве.— *Р. С.*)». Власти тотчас послали в Красное село ратников, но те, «испужався, назад воротишася»⁴. Невероятно, чтобы воеводы испугались горстки красносельских мужиков, вооруженных чем попало. Остается предположить, что они столкнулись с организованным войском, каковым был, по-видимому, отряд Корелы.

На столичных улицах к красносельцам «пристал народ многой», массовое восстание москвичей началось уже после оглашения письма Лжедмитрия на Красной площади. До того посланцам «вора» надо было прорваться через усиленно охраняемые городские укрепления. Без казаков Корелы они бы, безусловно, не добились успеха. После переворота под Кромами повстанцы установили прямые связи со сторонниками Лжедмитрия в Москве. Корела мог рассчитывать на их помощь.

В окружении казаков и красносельцев Пушкин и Плещеев около 9 часов утра проникли в Китай-город. Взойдя на Лобное место, они огласили текст обращения «Дмитрия» к столичному населению. Письмо было адресовано Мстиславскому, Шуйским и прочим боярам, дворянам московским и городовым, дьякам, гостям и торговым «лучшим» людям, а также и всему народу — «средним и всяким черным людям». Самозванец клеймил как изменников Бориса, Марию Григорьевну — жену Бориса и сына ее Федьку, напоминал, какое «утеснение» претерпели от Годуновых бояре, какое «разорение, и ссылки, и муки нестерпимые» были от него дворянам и детям боярским, каким поборам подвергал он купцов, лишая их «вольности» в торговле и забирая в счет пошлин «треть животов ваших, а мало не все имапы». Лжедмитрий обещал сохранить за боярами прежние вотчины, а также учинить им «честь и повышение»; дворян и приказных прельщал царской милостью, торговых людей — льготами и облегчением в поборах и податях. Что касается народа, то ему Лжедмитрий обещал кратко и неопределенно «тишину, покой и благоденственное житье». Непокорным, писал Отрепьев, наказания от бога и «от нашия царские руки нигде не избыть». Царицу Марию Григорьевну и ее сына он обвинял в том, что они «о нашей земле не жалеют, да и жалети

было им нечево, потому что чужим владели». Северские города были разорены войной, развязанной самозванцем. Но он возлагал всю вину на Федора Борисовича. Что касается главных бояр, громивших Северщину, Лжедмитрий громко оправдывал их, ссылаясь на то, что делали они это по незнанию («неведомостию») и боясь казни от Годуновых. По той же причине Отрепьев оправдывал разгромивших его воевод, обещая им полное прощение. Самозванец лицемерно сожалел о происшедшем кровопролитии и требовал, чтобы его признали царем и тем положили конец братоубийственной войне⁵.

Весть о появлении гонцов «Дмитрия» распространилась по всему городу. Вскоре толпа заполнила Красную площадь. Ближайшие советники царя и Боярская дума собрались в Кремле с раннего утра. Источники сохранили несколько версий относительно позиции Боярской думы в день переворота. По одной версии, народ ворвался в Кремль («миром же приидоша ко град») и, захватив бояр, привел их на Лобное место.

Разрядные записи содержат известие, согласно которому сигнал к мятежу подал окоल्पичий Богдан Бельский. Он будто бы поднялся на Лобное место и «учал говорить в мир»: «Яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то я и терпел от царя Бориса».

Записки К. Буссова позволяют установить происхождение ошибки в русских Разрядных записках. Окоल्पичий Богдан Бельский в самом деле выходил к народу на Лобное место и, поцеловав крест, поклялся, что государь — «прирожденный сын царя Ивана Васильевича: он (Бельский.— *Р. С.*) сам укрывал его на своей груди до сего дня»⁶. Но все это произошло не в момент появления в Москве Гаврилы Пушкина, а три недели спустя, когда Лжедмитрий прибыл в Кремль. Таким образом, в Разрядных записках перепутана последовательность событий.

Тот же очевидец К. Буссов, находившийся в Москве, писал, что царица Мария Григорьевна сама выслала на площадь бояр, сохранивших верность ее сыну. Чтобы пресечь агитацию посланцев «Дмитрия», бояре пригласили их в Кремль. Однако толпа помешала попытке убрать Пушкина и Плещеева с площади.

Них русских летописях, ни в сообщениях иностранцев (К. Буссова, Я. Маржарета, И. Массы) не упоминается о переходе на сторону восставшего народа кого-нибудь из бояр. По словам Я. Маржарета, «Мстиславский, Шуйский, Бельский и другие были посланы (на площадь к народу.— *Р. С.*), чтобы усмирить волнение»⁷. Впрочем, сановники не проявляли рвения, защищая дело Годуновых. Как отметил английский очевидец, по тому, каким безразличным тоном они уговаривали народ, «видно было, что при этом участвует один язык». Современники подозревали бояр в двуличии. Немногие из бояр обладали красноречием. При виде разбушевавшегося народа они и вовсе лишились дара речи.

Под конец к народу обратился лучший оратор думы дьяк Афанасий Власов. Он просил толпу разойтись, указывал на то, что в государстве объявлен траур, и обещал рассмотреть любые просьбы и ходатайства народа после коронации царевича Федора.

Очевидцы упомянули об инциденте послужившем последним толчком к восстанию. Гаврила Пушкин не успел прочесть грамоту Лжедмитрия и до половины, когда москвичи доставили на площадь двух прежних «воровских» гопцов, вызволенных ими из тюрьмы.

Свидетельство англичан позволяет объяснить непонятное известие Конрада Буссова. По словам Буссова, в письме к москвичам «Дмитрий» требовал прежде всего ответить ему, куда они дели его предыдущих посланцев, убили ли их сами или это тайком сделали господа Годуновы и пр. Парадокс состоит в том, что в подлинной грамоте Лжедмитрия не упоминалось ни о каких гонцах. Очевидно, в памяти Буссова события сместились, и он стал приписывать освобождение гонцов воле Лжедмитрия.

Дополнительные сведения о роли выпущенных из тюрем арестантов можно обнаружить в польских источниках. Иезуит А. Лавицкий, прибывший в Москву в свите самозванца, сообщает, что в день восстания народ открыл тюрьмы, благодаря чему «наши

поляки, взятые в плен во время боя под Новгородом-Северским и заключенные в оковы Борисом, избавились от темничных оков и даже оказали содействие народу против изменников»⁸.

Приведенные факты имеют решающее значение для реконструкции событий, послуживших сигналом к выступлению народа в столице. Согласно английскому источнику, тюремных сидельцев стали освобождать еще до того, как Пушкин дочитал грамоту Лжедмитрия и собравшийся на площади народ взялся за оружие. Отсюда следует, что восстание в Москве началось с разгрома тюрем. Кому принадлежал почин в этом деле? На этот вопрос источники не дают прямого ответа. Можно предположить, что нападение на тюрьмы осуществили те же люди, которые опрокинули охрану у городских ворот и провели Пушкина и Плещеева на Красную площадь, т. е. атаман Андрей Корела с донскими казаками. Разгром тюрем позволил им достичь разом двух целей. В московских тюрьмах к лету 1605 года собралось огромное число «воров» из простонародья, а также пленных поляков и других лиц, захваченных на поле боя. Освобожденные от оков, они немедленно присоединились к казакам. Еще большее значение имел моральный эффект. «Воры», подвергавшиеся избиению и пыткам в царских застенках, стали живым обличением гоудуновской тирании. Недаром англичане писали, что появление узников на площади явилось как бы искрой, брошенной в порох. Толпа вооружилась чем попало и бросилась громить дворы Годуновых.

Пушкин, Плещеев, другие дворяне, перешедшие на сторону самозванца, сыграли немалую роль в московских событиях. Но подлинными героями восстания были все же не они, а «черные люди» — низы столицы и вольные донские казаки во главе с атаманом Андреем Корелой.

По словам московского летописца, на Годунова ополчились «чернь вся, и дворяня, и дети боярские, и всякие люди москвичи». Современники единодушно свидетельствуют, что московское население поднялось на Годуновых «миром». Собравшаяся на Красной площади толпа разделилась надвое: «Одни учили Годуновых дворы грабить, а другие воры с миром (все вместе.— *Р. С.*) пошли в город (Кремль.— *Р. С.*), и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицы-ны пограбили»⁹.

Согласно летописи, восставшие захватили во дворце царя Федора и его мать царицу Марию, отвели их на старый двор Бориса Годунова и приставили к ним стражу. Однако более достоверным следует признать свидетельство англичан. По их словам, царица Мария воспользовалась суматохой и в самом начале мятежа укрылась в безопасном месте. По пути с нее сорвали жемчужное ожерелье. Этим и ограничились ее злоключения в день восстания. Федору Борисовичу, совещающемуся с думой, помогли укрыться его рабы, т. е. дворцовые служители. Низложенный царь и его семья подверглись аресту, по-видимому, не в самый день восстания, а позже.

Дворцовая стража разбежалась, не оказав нападавшим никакого сопротивления. Толпа ворвалась в опустевший дворец и принялась яростно крушить «храмины» и уничтожать все, что попадалось под руку. Народ разгромил не только дворец, но и старое подворье Бориса Годунова. Не обнаружив нигде царскую семью, восставшие бросились в вотчины Годуновых, находившиеся в окрестностях столицы. Там они «не только животы пограбили, но и хоромы разломаша и в селех их, и в поместьях, и в вотчинах также пограбиша»¹⁰.

Разгромив владения царской семьи, толпа напала на дворы, принадлежавшие боярам Годуновым. Тесно связанные с династией, бояре Годуновы олицетворяли в глазах народа феодальную власть и богатство. Труднее объяснить нападение москвичей на Сабуровых и Вельяминовых. К моменту восстания никто из них не входил в Боярскую думу и не принадлежал к высшему правительственному кругу. В грамоте к московскому населению Лжедмитрий обличал одних Годуновых и не называл по имени ни Сабуровых, ни Вельяминовых. Вся вина их заключалась в отдаленном родстве с низложенной династией.

Погр.ому подверглись дворы многих столичных дворян и приказных чиновников. Как записали дьяки Разрядного приказа, люди «миром, все, народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили».

Сколь бы разнородными ни были силы, выступившие против Годуновых, движение сразу приобрело социальную окраску. В отчетах англичан этот момент получил наиболее яркое отражение. «...Весь город,— писали англичане,— был объят бунтом; и дома, погреб, и канцелярии думных бояр, начиная с Годуновых, были преданы разгрому»; «московская чернь без сомнения сделала все возможное»; «толпа сделала что только могла и хотела: особенно досталось наиболее сильным мира, которые, правда, и были наиболее недостойными»; «более зажиточные подвергались истязанию, жалкая голь и нищета торжествовала»; с богатых срывали даже одежду¹¹.

Во время других восстаний народ, доведенный до отчаяния притеснениями, требовал выдачи ненавистных ему чиновников и расправлялся с ними. Переворот 1605 года имел свои отличительные черты. В день восстания никого не убивали и не казнили. Правительство со своей стороны не сделало никаких попыток к вооруженному подавлению, мятежа. И все же переворот не обошелся без жертв.

Добравшись до винных погребов, люди разбивали бочки и черпали вино кто шапкой, кто башмаком, кто ладонью. «На дворах в погребах,— записал летописец,— вина огшились многие люди и померли...» Исаак Масса, любивший всякого рода подсчеты, записал, что после мятежа в подвалах и на улицах нашли около пятидесяти человек, упившихся до смерти. Англичане утверждали, что после бунта в Москве было не менее сотни умерших от пьянства и помешавшихся в уме людей.

Внезапно вспыхнув, восстание так же внезапно прекратилось после полудня того же дня. На улицах появились бояре, хлопотавшие о наведении порядка.

С падением Годуновых закончилась целая полоса в политическом развитии Русского государства. Прошло всего семь лет с того дня, когда столичный народ — «всенародное множество» — помог Борису утвердиться на троне. Придя к власти, выборный земский царь обещал, что будет править по справедливости, с пользой для всего народа, чтобы все его подданные пользовались изобилием и покоем «у всех равно». Годунов обещал благоденствие для всех, но трехлетний голод развеял в прах иллюзии, порожденные его обещаниями. Вслед за тяжким экономическим потрясением страна испытала ужасы гражданской войны, в ходе которой земская династия окончательно утратила поддержку народа.

Глава 14.

Бояре и самозванец

Восстание в Москве покончило с земской выборной династией. Наступило короткое междуцарствие. Летописцы утверждали, будто Боярская дума принесла присягу Лжедмитрию в день переворота. В действительности дело обстояло куда сложнее. Дума не сразу приняла решение направить своих представителей к «царевичу». Никто из старших и наиболее влиятельных бояр не согласился ехать на поклон к нему.

Со времени избрания Бориса Годунова Боярская дума во второй раз должна была согласиться на передачу трона неугодному и, более того, неприемлемому для нее кандидату. Как и в 1598 году, вопрос о престолонаследии был перенесен из дворца на площадь. Но в 1605 году передача власти была осложнена кровопролитной гражданской войной.

Борису Годунову помогли народные манифестации на Новодевичьем поле. Лжедмитрий пришел к власти благодаря восстаниям на южных границах и в столице. Годунов не смог добиться присяги от бояр после наречения на царство в Новодевичьем монастыре. Отрепьев пересилил бояр и заставил их явиться к нему в лагерь.

Английские известия довольно точно очертили круг лиц, добившихся от думы признания самозванца. Соответствующее решение, по словам англичан, было принято внезапно, «благодаря тому, что члену Боярской думы Богдану Вольскому с некоторыми другими частным образом стало известно об отъезде Дмитрия из лагеря»¹.

Как видно, именно Бельский поддерживал тайные связи с боярами, перешедшими на сторону Лжедмитрия. У Вольского было немного приверженцев в годуновской думе. Тем не менее ему удалось запугать членов думы известием о наступлении армии Лжедмитрия на Москву.

С военной точки зрения наступление «вора» не представляло большой опасности. Поражение войск самозванца на переправах под Серпуховом показало, что сдавшиеся под Кромами отряды деморализованы и не способны вести боевые действия в условиях гражданской войны. Ввиду этого Лжедмитрий после серпуховской неудачи распустил многие из этих отрядов. Оставшиеся силы он подчинил П. Ф. Басманову.

Внук главного опричного боярина Басманова вел войска к Москве, тогда как племянник Малюты Скуратова готовил почву для торжества самозванца в самой столице.

Будучи в Туле, Отрепьев потребовал, чтобы Мстиславский и прочие бояре немедленно ехали к нему в лагерь. Дума постановила послать в Тулу князя И. М. Воротынского, двадцать лет бывшего не у дел, а также бояр и окольных князя Н. Р. Трубецкого, князя А. А. Телятевского, Н. П. Шереметева, думного дьяка А. Власьева и представителей других чинов — дворян, приказных и купцов.

Делегация Москвы выехала в Серпухов 3 июня. Вместе с представителями столичных «чинов» туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. Но П. Ф. Басманов успел занять Серпухов и не пустил родню Годуновых в Тулу. Он заслужил милость у самозванца тем же способом, что и у Годунова. Боярин повсюду искал изменников и беспощадно карал их. По его навету все Сабуровы и Вельяминовы были ограблены донага и брошены в тюрьму.

Лжедмитрий был взбешен тем, что главные бояре отказались подчиниться его приказу и прислали в Тулу второстепенных лиц. На поклон к Отрепьеву в начале июня приехал атаман вольных казаков Смага Чертенский с Дона. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке донцов раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. «Царь» обратился к Чертенскому с милостивым словом. Допущенных же следом Воротынского с товарищами он бранил последними словами «яко же прямой царский сын»². Боярина Телятевского выдали казакам головой. Казаки били его смертным боем, а затем едва живого отвезли в тюрьму. События, разыгравшиеся в Туле, были последним отзвуком того периода самозванщины, когда поддержка восставшего народа и донцов имела для «вора» решающее значение.

Из Тулы Лжедмитрий выступил в Серпухов, где к нему явились глава думы удельный князь Ф. И. Мстиславский, князь Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости. Московские власти сделали все, чтобы облегчить соглашение с путивльским «вором», которого они в течение семи месяцев безуспешно пытались уничтожить. В Серпухов заблаговременно прибыли служители Сытенного и Кормового дворов, многочисленные повара и прислуга с запасами. Бояре и московские чины дали пир Лжедмитрию. Они велели извлечь на свет божий огромные шатры, в которых Борис потчевал дворян в дни серпуховского похода накануне своей коронации. Шатры имели вид крепости с башнями и были весьма поместительными. Изнутри их стены украшало золотое шитье. По словам очевидцев, на пиру присутствовали разом пятьсот человек. Пир и приемы были не более чем декорацией, скрывавшей от посторонних глаз переговоры между самозванцем и московскими чинами. Прибытие в Тулу главного дьяка А. Власьева и других приказных людей привело к тому, что управление текущими государственными делами начало переходить в руки самозванца.

Находясь в Туле, Лжедмитрий I известил страну о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность населения дальних городов, Отрепьев утверждал,

будто его узнали как прирожденного государя Иов — патриарх московский, весь священный собор, дума и прочие чины. 11 июня Лжедмитрий был еще в Туле, но на своей грамоте пометил «Писана на Москве». Вместе с окружной грамотой самозванец разослал по городам текст-присяги. Она представляла собой сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и Федора Борисовича.

Самозванец повторил прием, к которому прибегли Борис Годунов, а затем его сын. Добиваясь трона, Борис велел составить текст присяги на имя вдовы царицы Ирины, свое же имя поставил вторым. Федор Борисович последовал примеру отца и первым упомянул имя вдовы царицы Марии Годуновой.

Ни в Самборе, ни в Путивле самозванец не ссылался на «мать» — старицу Марфу, заточенную в глухом северном монастыре. После переворота в Москве он решил использовать авторитет вдовы Грозного, чтобы навязать свою власть стране. Присяга на имя вдовы Грозного была еще одной попыткой самозванца мистифицировать страну. Готовясь к неизбежной встрече с мнимой матерью, самозванец приблизил первого же ее родственника, попавшего к нему в руки. В Туле он пожаловал чин постельничего дворянину Семену Ивановичу Шапкину потому, «что он Нагим племя».

Дьяки Отрепьева исключили из нового текста присяги упоминания о колдунах, а пункт о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», назвавшемся Дмитрием Углицким, заменили пунктом о «Федьке Годунове». Подданные обещали не «подыскивать» царство под государем «и с изменники их, с Федкою Борисовым сыном Годуновым, и с его матерью, и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами»³. Членам низложенной царской семьи удалось спастись в день восстания. Но вскоре их убежище было открыто, и тогда Боярская дума распорядилась заключить их под домашний арест. Московская знать, презиравшая худородного Бориса, пожелала посмертно лишить его царских почестей. Свежая могила Годунова в Архангельском соборе была раскопана, труп умершего удален из церкви. Очевидец событий Я. Маржарет засвидетельствовал, что все это сделано было «по просьбе вельмож». Своими действиями руководители думы надеялись заслужить милость самозванца. Фактически же их инициатива развязала руки Отрепьеву.

По словам К. Буссова, в Серпухове царь «Дмитрий» объявил, что он не приедет в Москву «прежде, чем не будут уничтожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем»⁴. Известие Буссова находит неожиданное подтверждение в английском сочинении 1605 года. По словам англичан, царь «Дмитрий» отправил к москвичам князей Ф. И. Мстиславского и Д. И. Шуйского с поручением «лишить его врагов занимаемых ими мест, заключить в неволю Годуновых и иных, пока он не объявит дальнейшей своей воли, с тем чтобы истребить этих чудовищ, кровопийц и изменников...»⁵. Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский были как раз теми боярами, которые ездили в Серпухов. Взявшись выполнить поручение Лжедмитрия, руководители думы фактически санкционировали расправу над царской семьей.

Завершив переговоры с Мстиславским, Лжедмитрий отправил в столицу особую боярскую комиссию. Формально ее возглавлял князь В. В. Голицын, имевший боярский чин. Фактически же главными доверенными лицами самозванца в московской комиссии стали члены путивльской «воровской» думы В. М. Мосальский и Б. Сутупов. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов с отрядом служилых людей и казаков.

Прибыв в Москву, боярская комиссия тотчас выполнила приказ самозванца о казни царской семьи. Казню непосредственно руководили дворяне М. Молчанов и А. Шерефединов, имевшие за спиной опыт опричной службы. Они явились на старое подворье Бориса Годунова в сопровождении отряда стрельцов, захватили царицу и ее детей и развели «по храминам порознь». Царица Мария Скуратова обмерла от страха и не

оказала палачам никакого сопротивления. Федор Годунов, несмотря на молодость, отчаянно сопротивлялся, так что стрельцы долго не могли с ним справиться.

После казни боярин В. В. Голицын велел созвать перед домом народ и, выйдя на крыльцо, объявил «миру», что царица и царевич со страху «истина зелья и помроша, царевна же едва оживе». Новые власти сделали все, чтобы утвердить официальную версию смерти царя Федора и его матери. Но столичное население не поверило им.

Когда два простых гроба с убитыми были выставлены на общее обозрение, народ нескончаемой толпой двинулся на подворье Годуновых. Как записал шведский агент, он видел собственными глазами вместе с тысячами москвичей следы от веревок, которыми были задушены царица Мария и царь Федор Годуновы. Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили традиционный погребальный обряд. Трупы отвезли в женский Варсонофьев монастырь на Сретенке и там зарыли вне стен церкви, внутри монастырской ограды. В одну яму с ними было брошено и тело Бориса Годунова.

Распоряжавшийся в Кремле Б. Я. Бельский не принимал непосредственного участия в расправе над царицей Марией, которая была ему двоюродной сестрой. Басманов также оставался в стороне. Но именно эти лица довершили разгром Годуновых, их родни и приверженцев в Москве. Имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну. Бояр Годуновых отправили в ссылку в Сибирь и в Нижнее Поволжье. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя — С. М. Годунова. Его отправили в Переяславль-Залесский. Везти боярина в дальние города не имело смысла. Пристав имел приказ умертвить его в тюрьме, что он и выполнил.

Самозванец не мог занять трон, не добившись покорности от Боярской думы и церковного руководства. Между тем патриарх Иов не желал идти ни на какие соглашения со сторонниками Лжедмитрия. Неразборчивый в средствах Отрепьев пытался вести двойную игру. Провинцию он желал убедить в том, что Иов уже «узнал» в нем прирожденного государя. В столице Лжедмитрий готовил почву для расправы с непокорным патриархом. Иов сохранил верность Годуновым до последнего момента и потому должен был разделить их участь. В прощальной грамоте 1607 года он живо описал свои злоключения в день переворота 1 июня. «...Множество народа царствующего града Москвы,— писал он,— внидоша во святую соборную и апостолскую церковь (Успенский собор.— *Р. С.*) с оружием и дреколием, во время святого и божественного пения... и внидоша во святыи олтарь и меня, Иева патриарха, из олтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры...»⁶.

Судьба патриарха решилась, когда Лжедмитрий был в десяти милях от столицы. Самозванец поручил дело Иова той самой боярской комиссии, которая должна была произвести казнь Федора Годунова. Церемония низложения Иова как две капли воды походила на церемонию низложения митрополита Филиппа Колычева опричниками. Боярин П. Ф. Басманов препроводил Иова в Успенский собор и там проклял его перед всем народом, назвав Иудой и виновником «предательства» Бориса по отношению к прирожденному государю Дмитрию. Вслед за тем стражники содрали с патриарха святительское платье и «положили» на него «черное платье». Престарелый Иов долго плакал, прежде чем позволил снять с себя панагию. Местом заточения Иова был избран Успенский монастырь в Старице, где некогда он начал свою карьеру в качестве игумена опричной обители.

Казнь низложенного царя и изгнание из Москвы патриарха расчистили самозванцу путь в столицу. По дороге из Тулы в Москву путивльский «вор» окончательно преобразился в великого государя. В Серпухове его ждали царские экипажи и двести лошадей с Конюшенного двора. На пути к Коломенскому бояре привезли Отрепьеву «весь царский чин»: кое-какие регалии и пышные одеяния, сшитые по мерке в кремлевских мастерских.

В окрестностях Москвы Лжедмитрий пробыл три дня. Он постарался сделать все, чтобы обеспечить себе безопасность в столице и выработать окончательное соглашение с

думой. В московском манифесте Лжедмитрий обязался пожаловать бояр и окольных их «прежними отчинами». Это обязательство составило основу соглашения между самозванцем и думой. Другие пункты соглашения касались состава думы. Самозванцу пришлось удовлетвориться изгнанием Годуновых. Зато он получил возможность пополнить думу своими ближними людьми.

Несмотря на двукратные похороны Бориса, страну захлестнули слухи о его чудесном спасении. Толковали, будто Годунов жив, а вместо него в могилу положили его двойника. На улицах люди под клятвою утверждали, будто своими глазами видели старого царя, который бежал то ли в Англию, то ли в Швецию, то ли к татарам. Толки о спасении Бориса не слишком беспокоили Лжедмитрия. Куда больше его тревожила опасность разоблачения.

В России Отрепьев успел обратить на себя внимание не только редкими способностями, но также и запоминающейся внешностью. Московские летописцы утверждали, будто уже в Путивле многие люди догадывались, с кем имеют дело. Когда же «вор» вступил в Москву, некоторые из москвичей «его узнали, что он не царский сын, а прямой вор Гришка Отрепьев рострига...». Оценивая известия летописцев об опознании самозванца, надо иметь в виду, что они были составлены задним числом, уже после гибели Лжедмитрия.

Опасность разоблачения угрожала Отрепьеву уже в Путивле. В черте небольшого городка он жил у всех на глазах, не имея возможности отгородиться от людей дворцовыми стенами. Там его преследовали поражения и неудачи. Можно установить, что уже в Путивле самозванец столкнулся лицом к лицу с некоторыми дворянами, хорошо его знавшими.

В росписи армии Мстиславского против имени дворянина И. Р. Безобразова имеется помета: «В полон взят». Пленный под Новгородом-Северским, Безобразов узнал в путивльском «воре» товарища детских игр. Со слов Безобразова поляк Я. Собеский записал в своем дневнике следующее: «Дом отца и деда Отрепьева был в Москве рядом с домом Безобразова: об этом говорил сам Безобразов. Ежедневно Гришка ходил в дом Безобразова, и всегда они вместе играли в детские годы, и так они вместе росли». Если бы Безобразов попытался обличить своего давнего приятеля, его мгновенно бы уничтожили. Но он не помышлял о раскрытии обмана и сделал превосходную карьеру при дворе Лжедмитрия.

Утверждение летописцев, будто москвичи, опознав Отрепьева после его водворения в Кремле, горько плакали о своем прегрешении, не соответствует истине. Напротив, в столице после переворота преобладала атмосфера общей экзальтации по поводу обретения истинного государя и наступления счастливого царства. Впрочем, даже среди общего ликования ничто не могло заглушить убийственную для Лжедмитрия молву. Эта молва возродилась не потому, что кто-то «вызнал» в царе беглого чудовского дьякона. Причина заключалась совсем в другом. В борьбу включились могущественные силы, стремившиеся помешать Лжедмитрию занять трон. Бояре не для того избавились от хворородных Годуновых, чтобы передать власть темному проходимцу. Отрепьев понимал, что в думе и среди столичных дворян у него больше врагов, чем сторонников.

Опасаясь попасть в западню, он три дня стоял у ворот Москвы.

Наконец, 20 июня самозванец вступил в Москву. Во время движения стража внимательно осматривала путь, чтобы предотвратить возможное покушение. Гонцы поминутно обгоняли царский кортеж, а затем возвращались с донесениями. Самым знатным боярам Отрепьев велел быть подле себя. Впереди и позади «царского поезда» следовали польские роты в боевом порядке. Очевидцы утверждали, будто кругом царя ехало несколько тысяч поляков и казаков. Боярам не дозволено было иметь при себе вооруженную свиту. Дворяне и войска растянулись на большом пространстве в хвосте колонны. По приказу самозванца строй московских дворян и ратников был распущен, едва кортеж стал приближаться к Кремлю.

Узкие городские улицы были забиты жителями. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы, крыши домов и даже на колокольни. При появлении самозванца толпа потрясала воздух криками: «Дай господи, государь, тебе здоровья!» Колокольный звон и приветствия москвичей катились за царской каретой, подобно волне. Как писал один из участников процессии, люди оглохли от колокольного звона и воплей.

На Красной площади подле Лобного места Лжедмитрия встретило все высшее московское духовенство. Архиереи отслужили молебен посреди площади и благословили самозванца иконой. По словам Массы, «царь» приложился к иконе будто бы не по православному обычаю, что вызвало среди русских явное замешательство. Приведенное свидетельство сомнительно. Будучи протестантом, Масса не слишком разбирался в тонкостях православной службы и не понял того, что произошло на его глазах. Архиепископ Арсений, лично участвовавший во встрече, удостоверил, что все совершилось без каких бы то ни было отступлений от православного обряда. Возмущение москвичей вызвали бесчинства поляков. Едва православные священнослужители запели псалмы, музыканты из польского отряда заиграли на трубах и ударили в литавры. Под аккомпанемент веселой польской музыки самозванец прошел с Красной площади в Успенский собор. Русские священники, писал иезуит А. Лявицкий, подвели «царя» к их главному собору, и «в это время происходила столь сильная игра на литаврах, что я, присутствуя здесь, едва не оглох». Музыканты старались произвести как можно больше шума, радуясь замешательству москвичей.

Вопреки легендам, никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и произнес несколько слов, которых от него все ждали. Приблизившись к гробу Ивана Грозного, он сказал, «что отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор!». Православных немало смутило то, что новый царь привел «во церковь многих ляхов» и те «во церкви божий стаха с ним». Отрепьев боялся расстаться с телохранителями даже в соборах. Из церкви самозванец отправился в тронный зал дворца и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли в строю с развернутыми знаменами под окнами дворца.

На Красной площади собралось множество столичных жителей. Толпа не желала расходиться. Самозванец был обеспокоен этим и выслал на Площадь Б. Я. Бельского с несколькими другими, членами думы. Бельский напомнил, что именно его царь Иван назначил опекуном при своих детях, и тут же поклялся, что укрывая царевича Дмитрия «на своей груди». Бельский призвал народ служить верой и правдой своему прирожденному государю. Москвичи встретили его слова криками одобрения.

Опасаясь за свою жизнь, самозванец немедленно сменил всю кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не боялись»⁷.

В истории гражданской войны в России наступил, быть может, самый знаменательный момент. Повстанческие силы, сформированные в ходе восстания в Северной земле и состоявшие из вольных казаков, ратных людей Путивля и прочих мятежных гарнизонов, холопов, посадских людей, мужиков, заняли Кремль и взяли под контроль другие ключевые пункты столицы. Они привели в Москву своего царя, а потому чувствовали себя полными хозяевами положения.

Тем временем Отрепьев приступил к исполнению своих обязанностей в качестве властителя Кремля.

Зная, какую власть над умами имеет духовенство, он поспешил сменить высшее церковное руководство. Не доверяя русским иерархам, самозванец решил поставить во главе церкви грека Игнатия. Игнатий прибыл на Русь с Кипра и по милости Бориса стал архиепископом в Рязани. Когда после мятежа под Кромами П. Ляпунов с прочими рязанскими дворянами вернулись домой и «смутили» Рязань, Игнатий первым из

церковных иерархов предал Годуновых и признал путивльского «вора». В награду за это Лжедмитрий сделал его патриархом.

На другой день после переезда во дворец самозванец велел собрать священный собор, чтобы объявить о переменах в церковном руководстве. Собравшись в Успенском соборе, сподвижники и ученики Иова постановили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха понадобилось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле Отрепьева, отцы церкви постановили далее отставить от патриаршества Иова, потому что он великий старец и слепец и не в силах пасти многочисленную паству, а на его место избрать Игнатия. Участник собора грек Арсений подчеркивал, что Игнатий был избран законно и единогласно. Никто из иерархов не осмелился протестовать против произвола нового царя.

Поставив во главе церкви своего «угодника», Лжедмитрий занялся Боярской думой. Наибольшим влиянием в думе пользовались князь Василий Шуйский и его братья. На их головы и обрушился удар. Поводов для расправы с Василием Шуйским было более чем достаточно. Доносы поступили к самозванцу через П. Ф. Басманова, польских секретарей и телохранителей. По словам поляков, один московский купец нечаянно подслушал слова, сказанные Шуйским про нового государя: «Черт это, а не настоящий царевич! Не царевич это, а росстрига и изменник!»⁸ Купец поспешил донести о крамоле князя во дворец. По русским источникам, Шуйский будто бы сознательно распускал слух о самозванстве нового государя через верных людей — известнейшего московского архитектора и купца Федора Коня, столичного знахаря Костю Лекаря и других лиц. Когда, виновные попали в руки Петра Басманова, тот быстро произвел розыск и выяснил вину Шуйских.

Получив донос от П. Ф. Басманова, Лжедмитрий приказал без промедления арестовать трех братьев Шуйских. «Приставами», или тюремщиками, Шуйских стали бояре П. Ф. Басманов и М. Г. Салтыков. При Борисе Годунове М. Г. Салтыков руководил розыском о заговоре Романовых, при самозванце расследовал заговор Шуйских. Боярин усердствовал, чтобы доказать свою преданность новому государю. Но главным инициатором розыска был все же не он, а П. Ф. Басманов.

Шуйским предъявили обвинение в государственной измене. Однако официальная версия их дела заключала в себе слишком много неясного. Даже близкие к особе Лжедмитрия люди по-разному излагали вину знатного боярина. Шуйского обвиняли то ли в распространении слухов, порочивших государя, то ли в организации заговора с участием нескольких тысяч лиц.

4 июля 1605 года иезуит А. Лавицкий писал из Москвы, что Шуйский назвал «Дмитрия» врагом и разрушителем истинной православной веры, орудием в руках поляков, за что и подвергся наказанию. Я. Маржарет, ставший вскоре одним из главных телохранителей Лжедмитрия, также утверждал, будто Шуйского обвинили в преступном «оскорблении величества». Другую версию изложили командиры польского наемного войска С. Борша и Я. Вислоух. По словам Вислоуха, Шуйские вовлекли в заговор десять тысяч детей боярских и условились перебить и сжечь поляков вместе с занятыми ими дворами, но поляки своевременно известили обо всем «Дмитрия». По словам Борши, заговорщики намеревались ночью поджечь город и напасть на «царя» и поляков. В этой версии сквозит желание подчеркнуть роль наемного войска в московских событиях, а потому она не заслуживает доверия.

Опираясь на казачьи и польские отряды, П. Ф. Басманов арестовал множество лиц, которых подозревали в заговоре с Шуйским. Розыск проводился с применением изощренных пыток. Однако в конце концов власти отказались от намерения организовать крупный политический процесс. Лжедмитрий распорядился привлечь к суду вместе с Шуйскими лишь несколько второстепенных лиц. В числе их были Петр Тургенев, Федор Калачник и некоторые другие лица. Чтобы устрашить столичное население, Отрепьев велел предать названных людей публичной казни.

Автор «Иного сказания» утверждал, что князь Василий Шуйский и его братья были арестованы на третий день после вступления Лжедмитрия в Москву, а 25 июня их передали в руки палача. Приведенная дата ошибочна: казнь Шуйских была назначена на воскресенье 30 июня. Суд над Шуйскими, по единодушному свидетельству очевидцев, занял несколько дней. Установив этот факт, С. Ф. Платонов писал: «Трудно понять причины той торопливости, с какою ени постарались отделаться от нового царя»; «...Шуйские необыкновенно спешили и... все их „дело“ заняло не более десяти дней. Очевидно, они мечтали не допустить „розстриги“ до Москвы, не дать ему сесть на царство»⁹. С. Ф. Платонов принял на веру официальную версию заговора Шуйских. Между тем эта версия заключает в себе слишком много неясного и едва ли заслуживает доверия.

В массе своей московское население приветствовало нового царя. На его стороне была военная сила. Лжедмитрий находился на вершине успеха. Планировать в таких условиях переворот было бы безумием. Шуйские же всегда оставались трезвыми и осторожными политиками. Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, ему стоило выдумать таковой.

В Польше коронный гетман Я. Замоиский, выступая перед сеймом в начале 1605 года, резко высмеял рассказы самозванца и заявил, что если уж поляки хлопчут о возведении на московский трон старой династии, то им надо иметь в виду, что законным наследником Московского княжества «был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских». О речи гетмана говорили по всей Польше, и самозванец не мог не знать о ней.

Василий Шуйский был единственным из начальных бояр, отказавшимся подчиниться приказу Лжедмитрия и не явившимся в Серпухов. Это усилило подозрения самозванца, который имел все основания беспокоиться, что князь Василий предъявит претензии на трон при первом же подходящем случае.

Отрепьев мог расправиться с Шуйским уем же способом, что и с царем Федором Годуновым. Но с некоторых пор он был связан договором с Боярской думой. Следуя традиции, Лжедмитрий объявил о созыве собора для суда над великим боярином. Находившийся в те дни в Кремле поляк Лавицкий писал, что Шуйских судили на большом (многочисленном) соборе, состоявшем из сенаторов, духовенства и других сословий. Капитан Маржарет, перешедший на службу к Лжедмитрию, утверждал, будто Шуйские подверглись суду «в присутствии лиц, избранных от всех сословий». Следуя рассказам поляков из окружения самозванца, Паэрле записал, что в суде участвовали как сенат (дума), так и народ. Свидетельства иностранцев полностью совпадают с данными русских источников. Как подчеркнул автор «Нового летописца», Лжедмитрий «повеле собрати собор» с приглашением духовных «властей», бояр и лиц «ис простых людей».

Самозванец пришел к власти на волне народных восстаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые дни своего пребывания в Москве он продолжал видеть в восставшем народе союзника. Представители столичного населения были приглашены на соборный суд, чтобы нейтрализовать возможные выступления сторонников Шуйских. В высшем государственном органе — Боярской думе — Шуйские имели много сторонников, и самозванец опасался их происков.

С обвинениями против Шуйских на соборе выступил сам Лжедмитрий. Род князей Шуйских, утверждал самозванец, всегда был изменническим по отношению к московской династии, блаженной памяти «отец» Иван семь раз приказывал казнить своих изменников Шуйских, а «брат» Федор за то же казнил дядю Василия Шуйского. Фактически Лжедмитрий отказался от версии о наличии разветвленного заговора. Трое братьев Шуйских, заключил он, намеревались осуществить переворот своими силами: «...подстерегали, как бы нас заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы». Царь утверждал, что имеет неоспоримые доказательства заговора Шуйских, а потому никакого разбирательства с допросом свидетелей и других формальностей на соборном суде не было.

Василия Шуйского осудили тотчас после публичной казни Петра Тургенева и Федора Калачника. В таких условиях даже близкие к Шуйским члены думы и священного собора не посмели выступить в их защиту. Инициатива полностью перешла в руки «угодников» Лжедмитрия — патриарха Игнатия, бояр Б. Я. Вольского, П. Ф. Басманова, М. Г. Салтыкова, новоиспеченных думных людей из путивльской думы. Как с горечью отметил летописец, «на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей никто же им (Шуйским.—*Р. С.*) пособствующе, все на них кричаху».

Опытному царедворцу Василию Шуйскому удалось пережить грозу, которая едва не стоила ему головы при Годунове. Он знал, чем можно заслужить снисхождение, и повинился во всех приписываемых ему преступлениях. «Виноват я тебе... царь-государь: все это (о расстриге и пр.—*Р. С.*) я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!»—будто бы сказал Шуйский. В заключение князь Василий смиренно просил патриарха и бояр сжалиться над ним, страдником, и просить за него царя.

Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев приговорил к пожизненному тюремному заключению. Лжедмитрий спешил с казнью и назначил ее на следующий день. Все было готово для казни. По существу, самозванец ввел в столице осадное положение. Несколько тысяч стрельцов оцепили площадь. Преданные самозванцу казаки и поляки с копьями и саблями заняли Кремль и ключевые пункты города. Были приняты меры против возможных волнений.

Выехав на середину площади, Басманов прочел приговор думы и собора. Вслед за тем палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую был воткнут топор. Стоя подле плахи, князь Василий с плачем молил о пощаде. «...От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего», просите «за меня — помилует меня от казни, которую заслужил...»—взывал князь Василий к народу. Шуйские пользовались популярностью в народе, и их осуждение вызвало среди москвичей разные толки. По свидетельству поляков, даже их сторонники боялись обнаружить свои чувства, чтобы не попасть под подозрение. По словам же Массы, народ выражал явное недовольство. С казнью медлили. Отмена казни не входила в расчеты И. Ф. Басманова, и он проявлял видимое нетерпение. Дело кончилось тем, что из Кремля на площадь прискакал один из телохранителей царя, остановивший казнь, а следом за ним дьяк, огласивший указ о помиловании.

Сподвижник Лжедмитрия С. Борша точнее всех других объяснил причины помилования Василия Шуйского. «Царь даровал ему жизнь,—писал он,— по ходатайству некоторых сенаторов». Бояре не посмели открыто перечить царю на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы.

При царе Борисе наибольшим влиянием в думе пользовались Годуновы и Шуйские. Обе эти группировки были разгромлены и удалены из столицы. Думу пополнили «воровские» бояре, получившие чин в Путивле, а также опальные бояре и дворяне. Обновив состав Боярской думы, Лжедмитрий добился послушания бояр и стал готовиться к коронации.

Самозванец пожелал дожидаться возвращения в Москву иноки Марфы, в миру — Марии Нагой. Его расчет казался безошибочным. Признание со стороны мнимой матери должно было покончить с колебаниями тех, кто все еще сомневался в его царском происхождении.

Сохранилось предание о том, что из Москвы Лжедмитрий «наперед» послал на Белоозеро в монастырь к Нагой «постельничего своего Семена Шапкина, чтоб его назвала сыном своим царевичем Дмитрием... да и грозить ей велел: не скажет и быть ей убитой». Сомнительно, чтобы Шапкину пришлось пустить в ход угрозы. Обещания неслыханных милостей должны были подействовать на вдову сильнее любых угроз.

В середине июля Марфу Нагую привезли в село Тайнинское. Отрепьев отправил к ней племянника опальных Шуйских князя Михаила Сконица, чтобы отвести подозрения насчет сговора. 17 июля Лжедмитрий выехал в Тайнинское под охраной отряда польских наемников. Его сопровождали бояре. Местом встречи стало поле у села Тайнинского. Устроители комедии позаботились о том, чтобы заблаговременно собрать многочисленную толпу народа. Обливаясь слезами, вдова Грозного и беглый монах обняли друг друга.

Простой народ, наблюдавший сцену издали, был тронут зрелищем и выражал свое сочувствие криками и рыданиями. После пятнадцатиминутной беседы Нагая села в экипаж и не спеша двинулась в путь. Карету окружала огромная свита. Сам «царь» шел некоторое время подле повозки пешком с непокрытой головой. Дело было в сумерках, и всей компании пришлось остановиться на ночлег в предместьях столицы, 18 июля Марфа Нагая прибыла в Москву. Отрепьев ехал верхом подле кареты. Праздничная толпа заполнила Красную площадь. По всему городу звонили колокола. Отслужив службу в Успенском соборе, мать с «сыном» rozdali нищим милостыню и скрылись во дворец.

Коронация Отрепьева состоялась через три дня после возвращения в Москву вдовы Грозного. Царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан золототканым бархатом. В соборе подле алтаря Отрепьев повторил затверженную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу.

Отрепьев старался внушить всем мысль, что его венчание означает возрождение законной династии. Поэтому он приказал короновать себя дважды: один раз в Успенском соборе, а другой — у гроба «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана IV и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову Лжедмитрия шапку Мономаха. По выходе из собора бояре осыпали нового государя золотыми монетами.

Коронация Лжедмитрия не могла быть осуществлена без согласия Боярской думы. Бояре использовали момент, чтобы выдвинуть свои условия. Их главное требование заключалось в том, чтобы новый государь как можно скорее вернулся к традиционным методам управления страной. Главной помехой на пути к этому были повстанческие отряды и наемные роты, приведенные самозванцем в Москву. Пока чужеземные солдаты охраняли царскую особу и несли караулы в Кремле, бояре не чувствовали себя в безопасности. Отрепьев долго не решался расстаться со своей наемной гвардией. Но обстоятельства оказались сильнее его. Ставки на наемных солдат в Западной Европе были высоки. Гусарам и жолнерам приходилось платить полновесной монетой. Однако золота в царской казне было немного.

Принимая на службу иноземцев, русское правительство спешило наделить их поместьями. Этот традиционный для России способ обеспечения служилых людей оказался неприемлемым для наемных солдат, вступивших в Москву с самозванцем. Ветераны московского похода считали себя хозяевами положения и желали сами диктовать условия.

Иноземные наемные войска не раз проявляли свою ненадежность в критической обстановке. Солдаты грозили «царьку» расправой, когда он не мог заплатить им заслуженные деньги. В Москве Лжедмитрий располагал достаточной казной и имел возможность сформировать из польских рот придворную гвардию. Но дело в том, что набранный в Польше сброд не подходил на роль преторианцев.

Ветеран похода Ян Бучинский, которого трудно, заподозрить в предвзятости, живо описал времяпровождение своих сотоварищей в Москве. Наемники пропивали и проигрывали полученные деньги. Те, у кого прежде не было и двух челядинцев, набрали себе их больше десятка, раздели в камчатое платье.

Будучи во Львове, «рыцари» Лжедмитрия не щадили подданных своего короля, чинили грабежи и насилия. Вступив в Москву в качестве победителей, они обращались с москвичами совершенно так же. Но то, что терпели львовские мещане, не оставалось безнаказанным в русской столице.

Прошло два месяца с тех пор, как москвичи с оружием в руках поднялись против правительства Годунова. В ходе восстания народ осознал свою силу. Дух возмущения продолжал витать над столицей. Поводов к столкновениям между «рыцарством» и москвичами было более чем достаточно. Негодование населения достигло критической точки. Вскоре после коронации Лжедмитрия произошел инцидент, который привел к настоящему взрыву.

Московские власти арестовали шляхтича Липского. В глазах других наемников; его преступление было «маловажным». Но суд следовал действующим в государстве законам и вынес решение подвергнуть шляхтича торговой казни. Виновного вывели на улицу и стали бить батогами. Наемники бросились на выручку своему товарищу и пустили в ход оружие. Толпа москвичей устремила на помощь приставам. Началась драка, которая вскоре переросла в побоище. «В этой свалке,— писал участник драки С. Борша,— многие легли на месте и очень многие были ранены». Хорошо вооруженные наемники поначалу без труда потеснили толпу, но затем им пришлось отступить в свои казармы на Посольском дворе.

Весть о кровопролитии подняла на ноги всю Москву. Борша утверждал, что, на прилегающих улицах собралось несколько десятков тысяч москвичей, угрожавших полякам расправой. Лжедмитрий знал, как трудно справиться с разбушевавшейся народной стихией. К тому же дело происходило тотчас после коронации, и царь избегал всего, что могло нанести ущерб его популярности. Москвичи считали «Дмитрия» своим добрым царем, и ему нельзя было не учитывать народные настроения.

По всей Москве был оглашен царский указ о наказании шляхтичей, виновных в избиении народа. Государь объявил, что пришлет к Посольскому двору пушки и снесет двор со всеми наемниками, если те окажут сопротивление. Обращение царя носило демагогический характер, но столичное население ликовало.

Отрепьеву надо, было удержать москвичей от штурма Посольского двора и предотвратить восстание в столице. И он достиг своей цели.

Как всегда, самозванец вел двойную игру. Успокоив народ, он тут же заверил наемников, что им не будет сделано ничего дурного, хотя они и совершили кровавое преступление. «Рыцарство» было удовлетворено обещаниями царя и выдало трех шляхтичей, зачинщиков побоища. В течение суток их держали под стражей в тюремной башне, а затем освободили втайне от народа.

Волнения в Москве помогли боярам добиться роспуска иностранных наемных рот. В письме от января 1606 года Ян Бучинский упоминал о том, что солдаты жили «на Москве без службы полгода» (с июля 1605 по январь 1606 года), следовательно, Лжедмитрий рассчитал наемное войско в июле 1605 года, иначе говоря, сразу после волнений в Москве.

Самозванец щедро вознаграждал гусар и жолнеров, и в большинстве те сразу же покинули страну: Затруднения у казны начались, когда в Москву явились многочисленные кредиторы Лжедмитрия. Московское правительство отказалось удовлетворить претензии вельмож, покровительствовавших «царевичу» во время его зарубежных скитаний. Адам Вишневецкий явился в Москву собственной персоной и объявил, что он издержал на «царевича» несколько тысяч из собственных денег. Однако ему ничего не удалось получить от бояр.

Одновременно с иноземцами Отрепьев велел рассчитать находившиеся в Москве отряды вольных казаков. Многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казачьи сотни, отразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть. По этой причине казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума

использовала коронацию Лжедмитрия, I, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот. Отрепьев не захотел расстаться лишь с верным Корелой. Он осыпал его милостями. Однако вождь повстанцев остался чужаком в толпе царедворцев. Во дворце у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. В московских кабаках, среди черни он находил себе больше друзей, чем в парадных залах дворца. Вольные атаманы сделали свое дело, и их карьера должна была оборваться рано или поздно. Корела без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги и в конце концов спился. Другой вождь казацкого войска — Постник Лунев покинул дворец по иным причинам. Послушав совета монахов, он принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, организовавшиеся в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

Глава 15.

Правление Лжедмитрия

Отрепьев не решался внести какие бы то ни было перемены в сложный и громоздкий механизм управления государством. По-прежнему высшим органом в государстве оставалась Боярская дума. Иногда советники именовали ее на польский манер «сенатом». Но вся реформа «сената» свелась к учреждению должности мечника (придворный, носивший царский меч) по польскому образцу. Желая привлечь на свою сторону знать, самозванец пожаловал чин мечника двадцатилетнему князю Михаилу Скопину-Шуйскому. Будучи человеком проницательным, Отрепьев сразу оценил его незаурядные способности.

Вместе с Лжедмитрием в Кремле водворилась путивльская «воровская» дума, которая постепенно растеряла прежние функции и слилась с московской Боярской думой. Связанный соглашением с боярами, Отрепьев не осмелился дать думные чины своим ближайшим советникам: двум братьям Бучинским, Слободскому и др. В глазах москвитов они были иноверцами и еретиками, что отнимало у них всякую надежду на карьеру при московском дворе. Поляки не получили никаких официальных должностей, оставшись на положении личных секретарей государя. Ян Бучинский числился главным секретарем царя, находясь «во всякое время при нем» во внутренних покоях.

«Воровской» боярин князь Василий Рубец Мосальский занял в московской думе высокое положение, возглавив в чине дворецкого Дворцовый приказ. Лжедмитрий оценил услуги П.Ф. Басманова и назначил его главой Стрелецкого приказа, вверив ему таким образом командование столичным гарнизоном.

Переворот в Москве выдвинул на авансцену Богдана Бельского, оказавшего самозванцу не меньшие услуги, чем Басманов. Среди молодежи, окружавшей Лжедмитрия, он выделялся как своими годами, так и огромным политическим опытом. Соратник Ивана Грозного и законный опекун его детей, Бельский рассчитывал стать правителем при «Дмитрии». Самозванец навязал свою власть высокородной знати. Он должен был обрушить на ее голову «грозу», чтобы укрепить самодержавную власть. Бельский как нельзя лучше подходил на роль правителя при ненавистном боярам «воре». Он начал службу в ведомстве своего дяди Малюты Скуратова и немало преуспел в борьбе с боярской крамолой. Невзирая на худородство Бельского, новый царь пожаловал ему боярский чин. И все же Вольский не сделал карьеры при дворе самозванца. Его политические взгляды были известны в Москве слишком хорошо. При воцарении Федора Ивановича Вольский пытался возродить в государстве опричные порядки, но потерпел полную неудачу. Казнь Василия Шуйского должна была расчистить

Вольскому путь к власти. Но кровавой расправе воспротивились и польские советники царя, и путивльские бояре, и московская дума. Немалую роль сыграло соперничество в ближайшем окружении царя. Претензии Бельского на первенство не встретили сочувствия прочих ближних людей. Помилование Шуйского было для него политической катастрофой. Отрепьев выслал Богдана Вольского из Москвы, назначив его вторым воеводой в Новгород Великий. Единственный человек, способный обуздать «боярское своеволие», навсегда покинул двор Лжедмитрия. Подобно Бельскому, Басманов также настаивал на казни Шуйского, но ему пришлось отступить в тень.

После коронации Лжедмитрия Боярская дума окончательно вступила в свои права. Ни при Федоре Ивановиче, ни при Борисе дума не была столь многочисленной, как при Лжедмитрии. Старые бояре вынуждены были терпеть подле себя путивльских «воровских» бояр, худородных дворян и любимцев Отрепьева.

Некогда Федор Мстиславский наголову разгромил самозванца, но тот простил его и сохранил за ним пост главы «сената». Царь Борис запретил Мстиславскому жениться, рассчитывая после смерти князя забрать его обширный удел в казну. Лжедмитрии не жалел усилий на то, чтобы снискать дружбу первого из бояр. Он подарил вельможе старый двор Бориса Годунова в Кремле, пожаловал ему огромную вотчину в Веневе, наконец, женил на своей мнимой тетке из рода Нагих. Василий Шуйский получил из рук Отрепьева волость Чаронду, ранее принадлежавшую Д. И. Годунову. Самозванец решил породниться с Шуйским и сосватал ему свойственницу Нагих, назначив свадьбу через месяц после своей. Дядя вдовы-царицы М. Ф. Нагой получил громадные подмосковные, вотчины. Годуновых.

По замыслам Отрепьева Нагие должны были помочь ему привязать знать к новой династии. Однако государь явно переусердствовал в стремлении утвердить свое родство с Нагими. Он посадил их в думе выше Голицыных, Шереметевых, Куракиных, Татевых, Лыковых. Никчемный человек, пьяница, Михаил Нагой вознесся совсем высоко, получив чин старшего боярина думы — конюшого. Возвышение Нагих пришлось не по нраву княжатам, в жилах которых текла кровь Рюриковичей и гедиминовичей. Природная знать не забыла, что свой шестой брак царь Иван заключил в опричнине, а невесту ему сосватал опричный любимец Афанасий Нагой. Нагие не блистали знатностью. Боярам имя Афанасия Нагого было столь же ненавистно, как и имя Малюты Скуратова.

Назвавшись сыном Грозного, Отрепьев невольно воскресил тень опричнины. Ближние люди царя принадлежали в основном к хорошо известным опричным фамилиям (Басманов, Нагие, Хворостинин, Молчанов и др.). Но время опричных кровопролитий навсегда миновало, и Отрепьев достаточно четко улавливал настроения народа, уставшего от гражданской войны. В Москве много говорили, что Шуйский был обязан помилованием ходатайству Бучинских и царицы Марфы Нагой. На самом деле Марфа вернулась в Москву через много дней после прощения боярина. Что касается польских советников, то они как люди просвещенные не одобряли кровопролития. Но одновременно они выступали за твердую политику в отношении боярства. Курс на общее примирение подвергся подлинному испытанию через несколько месяцев после коронации, когда Боярская дума, вдова-царица и духовенство обратились к самодержцу с ходатайством о прощении Шуйских. Обращение вызвало бурные дебаты в «верхних комнатах», где царь обычно совещался с ближними советниками. На этот раз не только бывшие опричники, но и польские секретари возражали против смягчения наказания изменникам-боярам. В собственноручном письме Лжедмитрию Ян Бучинский напомнил: «Коли яз бил челом Вашей милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить и от них будет страх... и вы мне то отказали». Однако мнение советников, не занимавших ключевых постов в государстве, уже мало что значило.

Пожалуй, главной чертой Отрепьева как политического деятеля была его приспособляемость. Царствовать на Москве ему пришлось недолго, и главная задача, поглощавшая все его силы и способности, заключалась в том, чтобы усидеть на незаконно

занятом троне. Лжедмитрий инстинктивно понял, что у него нет шансов удержать корону на голове при тираническом образе правления. Поэтому он выработал своего рода политическую доктрину, которой охотно делился с ближними людьми и придворными. «Два способа у меня к удержанию царства,—говорил он,—один способ — быть тираном, а другой — не жалеть кошту, всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить». Как видно, самозванец забыл о недавних жестоких казнях в Путивле. На троне Отрепьев, однако, должен был вести себя иначе, чем в повстанческом лагере.

Возвращение Шуйских в Москву явилось символом, окончательного примирения между «законным» государем и знатью. Боярская дума торжествовала. Знатнейшая в государстве фамилия — князя Шуйские получили назад все конфискованные вотчины и имущество. Более того, они вновь заняли самое высокое положение в думе.

Отрепьев с усердием исполнял роль государя кроткого и милосердного. Его амнистии должны были покончить с воспоминаниями об убийстве членов семьи Бориса Годунова и жестоких преследованиях его родни. Михаил Сабуров храбро защищал от «вора» Астрахань. Государь не только простил его, но и пожаловал в бояре. Сабуровы и Вельяминовы, отправленные с семьями в изгнание, были все возвращены на службу. Государь милостиво объявил о прощении Годуновых и назначил их воеводами в Тюмень, Устюг и Свияжск. Самые ревностные сторонники царя Бориса один за другим получали назад думные чины и служебные назначения. Боярин А. А. Телятевский был освобожден из тюрьмы и послан воеводой в Чернигов. Боярин М. Катырев стал управлять Новгородом Великим. Б. Я. Бельский оказался в подчинении у него.

Лжедмитрий старался снискать в народе славу справедливого государя. Он объявил о том, что намерен водворить в своем государстве правопорядок, запретил взятки в приказах. Приказных, избличенных

Подпись Лжедмитрия I.

в мошенничестве и злоупотреблениях, немилосердно били палками на торгу. По словам И. Массы, не было дьяка в приказе, который не отведал бы царской немилости.

Составить сколько-нибудь точное представление о правлении Лжедмитрия весьма трудно. После его смерти власти приказали сжечь все его грамоты и прочие документы. Тем большую ценность представляют те немногие экземпляры, которые случайно сохранились в глухих сибирских архивах. В далеком Томоке затерялась грамота царя «Дмитрия Ивановича» от 31 января 1606 года. Великий государь оказал милость населению сибирского городка, велел объявить «служилым и всяким людям, что царское величество их пожа-лопал, велел их беречи и нужи их рассматривав, чтоб, им ни в чем нужи не было и они б служивые и всякие люди царским осмотрением и жалованием по его царскому милосердию жили безо всякие нужи». «Добрый» царь желал внушить подданным, что его правление будет временем торжества правды и посрамления зла, когда бы оно ни было совершено. Вновь назначенные чиновники должны были по царскому повелению собрать у населения все жалобы на прежних воевод «в насильствах, и в

продажах, и в посулах или в каких обидах», чтобы «безволокипно» дать населению суд и управу на неправедных чиновников.

Манифесты Лжедмитрия способствовали формированию в народе образа «добротого царя». Действия самозванца по отношению к московскому населению производили не меньшее впечатление. По всей столице, записал К. Буссов, было объявлено, что великий государь и самодержец будет два раза в неделю — по средам и субботам — принимать жалобы у населения на Красном крыльце в Кремле, чтобы все обиженные могли без всякой волокиты добиться справедливости. Даже непримиримый противник Отрепьева И. Масса признавал, что установленные им законы в государстве были безупречны и хороши.

В первые же месяцы своего царствования Лжедмитрий уразумел, что его власть лишь тогда будет прочной, когда он заручится поддержкой всего дворянства. Выходец из мелкопоместной семьи, Отрепьев хорошо понимал нужды и потребности российского дворянского сословия. Даже обличители «мерзкого еретика» изумлялись его любви к «воинству». На приемах во дворце Лжедмитрий не раз громко заявлял, что по примеру «отца» он рад жаловать «воинский чин», ибо «все государи славны воинами и рыцарями (дворянами.— *Р. С.*): ими они держатся, ими государство расширяется, они — врагам гроза».

Ян Бучинский уверял короля, будто всего за шесть месяцев «Дмитрии» роздал из казны семь с половиной миллионов золотых, или два с половиной миллиона рублей. Секретарь самозванца переусердствовал, восхваляя щедрость своего господина, а заодно неслыханное богатство московской казны. На самом деле эта казна опустела после трехлетнего голода и взрыва гражданской войны. Отрепьев не мог израсходовать больше того, что было в казне. На заседании Боярской думы М. И. Татищев объявлял, будто после Бориса осталось всего двести тысяч рублей. Текущие поступления составили сто пятьдесят тысяч, и у монастырей царь заимствовал несколько десятков тысяч рублей. Следовательно, в распоряжение Отрепьева поступило примерно пятьсот тысяч рублей. После переворота чиновники заявляли полякам: «В казне было 500 тыс. рублей, все это черт его знает куда он раскидал за один год»¹. Лжедмитрий обещал отправить Мнишкеам пятьдесят тысяч рублей на приданое невесте, оплату долгов тестя, переезд, но послал едва пятую часть обещанного, а прочее отчасти компенсировал драгоценностями. Львиная доля наличных денег ушла на жалованье русским дворянам и знати, на подготовку войны с крымцами. Стремясь укрепить свою опору, государь готовился провести генеральный смотр дворян, с тем чтобы наделить их денежным жалованьем и поместьями. Таким путем, утверждали современники, он желал «всю землю прельстить», и «всем дворянам милость показать», и «любимым быть».

Понимая значение новгородского поместного ополчения, Лжедмитрий направил в Новгород грамоту с наказом прислать на смотр в Москву выборных дворян «с челобитными о поместном верстании и денежном жалованье». Выборные получили право дать свои челобитные непосредственно в руки государя.

Известный исследователь Смуты В. И. Корецкий высказал предположение, что Лжедмитрий, пришедший к власти на гребне народного движения, проектировал провести в жизнь социальную меру исключительного значения — восстановить право выхода крестьян в Юрьев день. Но мог ли самозванец удовлетворить разом и крепостническое дворянство и феодально зависимых крестьян? Если бы он попытался освободить крестьян, то разом восстановил бы против себя все феодальное сословие. Примечательно, что даже в самые трудные для него периоды гражданской войны Отрепьев ни разу не обещал крепостным воли.

Лжедмитрий сознавал, что России необходим единый кодекс законов. Его дьяки составили Сводный судебник, в основу которого был положен Судебник Ивана IV, включавший закон о крестьянском выходе в Юрьев день. В текст Сводного судебника попали указы царя Бориса о частичном восстановлении выхода в 1601 — 1602 годах, но в

нѣм не было закона об отмене Юрьева дня, определившего судьбу крестьян. На основании подобных фактов В. И. Корецкий заключил, что Лжедмитрий готовился освободить крестьян от крепостной неволи. Однако надо иметь в виду, что при жизни самозванца дьяки успели лишь составить подборку законов, но так и не приступили к их согласованию и унификации, вследствие чего Сводный судебник не получил официального утверждения.

Заповедные годы были введены в правление Бориса Годунова как чрезвычайная мера. Такая мера вследствие своего временного характера не нуждалась в развернутом законодательстве. Если дьякам не удалось разыскать текст указа об отмене Юрьева дня, то это наводит на мысль, что такой указ никогда не был издан. В рамках режима заповедных лет всех крестьян, покинувших феодального землевладельца, стали рассматривать как беглых. В 1597 году власти издали закон о пятилетнем сроке сыска беглых, законодательно оформивший крепостное право. Дьяки Лжедмитрия не только включили этот закон в текст Сводного судебника, но и руководствовались им при разработке нового закона о крестьянах, утвержденного 1 февраля 1606 года. Лжедмитрий предписал возвращать владельцам крестьян, бежавших от них за год до голода и после «голодных лет». Возврату подлежали также и те крестьяне, которые бежали в голодные годы «с животы» (имуществом), следовательно, не от крайней нужды и не от страха голодной смерти. Действие закона не распространялось на тех крестьян, которые бежали в годы голода от нужды «в дальние места из замосковных городов на украины и с украины в московские города верст за 200 и за 300 и болши». На указанном расстоянии к югу от Москвы находятся рязанская, тульская и черниговская окраины. На первый взгляд новый закон гарантировал равные возможности московским дворянам и южным помещикам: первые не имели права вернуть крестьян, бежавших на юг, а вторые — бежавших на север. Однако надо иметь в виду, что голод поразил нечерноземный Центр значительно глубже, чем плодородные южные окраины, вследствие чего голодающие крестьяне устремились не на север, а на юг, в черниговские, тульские и рязанские места.

Закон 1606 года закреплял беглых крестьян за новыми владельцами, «хто его (бежавшего от нужды крестьянина.— *Р.С.*) голодное время прокормил». Этот закон был выгоден южным помещикам, которые первыми поддержали дело самозванца и теперь были им вознаграждены.

Итак, по отношению к крестьянам Лжедмитрий придерживался еще более консервативного курса, чем Борис Годунов. Отстаивая интересы дворянства, самозванец не допускал мысли о возможности даже временного восстановления Юрьева дня. Беглые, покинувшие своих феодалов в голодные годы, не подлежали освобождению. Их закрепляли за новыми господами,

В. П. Корецкий отметил, что Лжедмитрий заботился не только о южных помещиках, но и о податном населении южных районов, освобожденном им от уплаты государевых податей. Этот вывод нуждается в уточнении. Английский современник, составивший записку о состоянии Русского государства в 1606—1607 годах, сообщает об освобождении от податей населения не всех южных районов (городов и уездов), а лишь единственного города — Путивля. Описав восстание жителей Путивля против Шуйского, он пояснил: «Они поступили так еще более потому, что Дмитрий, за особые ему заслуги, освободил эту область от всех налогов и податей в течение десяти лет»². Путивль был много месяцев столицей Лжедмитрия. Его жители оказали «царевичу» неоценимую помощь. Они понесли наибольшие расходы и потери. За все это самозванец и предоставил им особые льготы. Определяя срок действия льгот, Лжедмитрий следовал примеру Бориса Годунова: когда шведы вернули России разоренный дотла город Корелу, правитель Борис освободил его жителей от всех налогов на десять лет.

Экономическое положение страны при Лжедмитрии улучшилось. Воспоминания о голоде ушли в прошлое вместе с царствованием «несчастливого» царя Бориса. На рынках вновь появился дешевый хлеб. Но финансовая система по-прежнему отличалась

неустойчивостью. Разоренное население не могло исправно платить налоги. Образовались большие недоимки. Трудности неизбежно отразились на податной политике Лжедмитрия. В 1606 году его чиновники, отправленные в Томск, получили задание собрать татар и остяков — «лучших» людей по несколько человек от каждой волости, узнать об их нуждах, собрать жалобы, после чего обложить налогом. Царь «велел ясаки имать рядовые (обычные.— *Р. С.*), х какому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам; а на ком будет ясак положен не в силу (непосильный.—*Р. С.*) и впредь того ясака платить немочпо и государь то велел сыскать, да будет ясак положен не по делу и в том им тягость... велел им в ясаках льготить, а з бедных людей, кому платить ясаку немочно, по сыску имать ясаков не велел, чтоб им сибирским всяким лю-дем ни в чем нужи не было... чтоб жили в царском жалованье в покое и тишине безо всякого сумнения»³.

В своих манифестах «добрый» царь выступал как радетель народного блага, защитник народа... от собственных агентов. Каковы бы ни были добрые пожелания Лжедмитрия, подати оставались столь же обременительными, как и прежде. К маю 1606 года, когда сбор налогов в казну завершился, наблюдательные современники отметили, что «Дмитрий стал тяжел подданным в податях».

Политика Лжедмитрия в отношении низших неподатных слоев населения имела свои особенности. 7 января 1606 года дума утвердила приговор о холопах. Некогда Борис Годунов запретил господам передавать кабальных холопов по наследству. Смерть господина рвала путы зависимости. Такой порядок оказался неудобным для дворян, и они находили множество способов к его нарушению. В кабалу господин рядом со своим именем вписывал имена сына или братьев в качестве совладельцев холопа. Подобные злоупотребления вызывали возмущение кабальных, отказывавшихся считать себя пожизненными рабами-холопами. Новый закон категорически запрещал писать кабалы на имя двух владельцев сразу и предписывал освободить кабальных, ставших жертвами подобного рода злоупотреблений.

Закон о холопах интересен в двух отношениях. Со временем дьяки вымарали из его текста имя расстриги. Но едва ли можно усомниться в причастности лжецаря к составлению указа. Отрепьев сам служил в холопах у бояр и, может быть, поэтому, проявлял о них заботу, стараясь, оградить от самых вопиющих злоупотреблений. Закон имел в виду все разряды холопов, но в первую очередь боевых холопов. Послабления в отношении этой группы населения вполне объяснимы. Боевые холопы были единственной группой феодально зависимого населения, которая располагала оружием, имела боевой опыт и составляла неотъемлемую часть вооруженных сил страны. Как утверждали очевидцы, боевые холопы сыграли значительную роль в восстании Хлопка. Позже многие из них бежали в Северскую Украину, где поддержали движение в пользу самозванца. Новый закон был своего рода наградой за службу. Уступки холопам противоречили интересам феодальных господ. Из-за последовавшей вскоре смерти самозванца закон о холопах не был претворен в жизнь.

В период борьбы с Годуновым «воровские» бояре в Путивле и бояре-заговорщики под Кромами согласились принять «Дмитрия» на трон как самодержца. Фактически самозванец получил власть из рук восставшего народа. Выступления вольных казаков и населения южных городов, мятеж в армии, переворот в столице и, наконец, суд над боярским руководством в лице Шуйских — все эти события вырвали нити правления у Боярской думы и необычайно усилили власть нового царя. Стремясь закрепить успех, Лжедмитрий принял императорский титул. Отныне в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: «Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь Цесарь» или «Мы, непобедимейший монарх божьей милостью император, и великий князь всея России, и многих земель государь, и царь-самодержец, и прочая, и прочая, и прочая». Так мелкий галицкий дворянин Юрий Отрепьев, принявший имя Дмитрия, стал первым в русской истории императором. Объясняя смысл своего титула, самозванец объявил иностранным послам, что он обладает огромной властью и нет ему равного в

полночных (северных) краях. В самом деле, боярская знать поначалу должна была считаться с «необъятной властью» новоявленного императора, тем более что на стороне его была сила.

В Путивле Отрепьеву нетрудно было разыгрывать роль самодержца, сидя в воеводской избе. В Москве его обязанности неизмеримо усложнились. Но и тут он вскоре овладел ролью.

По свидетельству царского телохранителя К. Буссова, «Дмитрий» ежедневно заседал со своими сенаторами в думе. Отрепьев обладал редкими способностями, а также и склонностью ко всякого рода лицедейству. Надо думать, он тщательно готовился к экспромтам, которые поражали двор. Почитатель «Дмитрия» Яков Маржарет отметил, что государь этот был мудр и достаточно образован, чтобы быть учителем для всей думы. Недруг Лжедмитрия Исаак Масса называл его искусным правителем, который «нередко сам наставлял чиновников». Описывая «сидения» в думе, Буссов утверждал, будто экспромтом «Дмитрий» мог найти лучшее решение, чем его советники (бояре) после многих часов обсуждения.

Сколь бы успешно не исполнял свою роль Лжедмитрий, его отношения с думой неизбежно стали меняться с тех пор, как он распустил повстанческие отряды и стал управлять страной традиционными методами.

Некогда Иван IV похвалялся, что российские самодержцы вольны казнить, вольны миловать своих холопов-подданных. Но даже в устах Грозного подобные заявления были всего лишь фразой. Лишь опричнина позволила ему избавиться от опеки со стороны думы и казнить знать без боярского суда. Оказавшись на троне, Отрепьев столкнулся с теми же трудностями, что и его мнимый отец. В «воровском» лагере самозванец повелевал жизнью и смертью своих бояр, попавших к его двору пленниками. В Москве ситуация претерпела разительные перемены. Подготавливая опричнину, царь Иван упрекал думу и духовенство, что те «покрывают» изменников-бояр, «которые изменили ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны». Такой же упрек Лжедмитрий мог адресовать своей думе. Под давлением бояр он отменил казнь Шуйского, а затем вернул Шуйских в Москву, несмотря на то что те были изобличены в государственной измене.

Из-за раздора с правящим боярством Иван Грозный удалился в опричнину. Лжедмитрий не решился последовать его примеру. Иностранцев поражали московские порядки, при которых царь шагу не мог ступить без Боярской думы. Бояре не только решали с царем государственные дела, но и сопровождали его повсюду. Государь не мог перейти из одного дворцового помещения в другое без бояр, поддерживавших его под руки. Младшие члены думы оставались в постельных хоробах царя до утра. Несмотря на все усилия, Отрепьеву не удалось разрушить традиции, которые связывали его с боярским кругом подобно паутине. На рассвете в день боярского мятежа князь Василий Шуйский руководил заговорщиками, а его брат князь Дмитрий находился во внутренних покоях дворца, подле царя. Именно он помешал Отрепьеву принять своевременные меры для подавления мятежа.

На первых порах самозванец пытался упразднить наиболее неудобные для него дворцовые порядки. Он запретил непрестанно кропить себя святой водой при каждом выходе из дворца, слишком запросто беседовал с боярами, заходил без слуг и телохранителей в ювелирные лавки, в аптеки и другие места,

Польские секретари видели, что их влияние падает вместе с влиянием их государя, и горько сетовали на московские порядки, вынуждавшие самодержца большую часть времени проводить в кругу бояр. Стремясь положить конец общению самодержца со знатью, поляки обсуждали различные пути достижения этой цели, включая возможность перенесения столицы из Москвы в какое-нибудь другое место. Эти проекты показывают, сколь плохо иностранные советники понимали действие русского государственного механизма. Ивану Грозному понадобилась опричнина, чтобы ослабить влияние знати на дела управления. Не обычаи сами по себе, а могущество знати определяло политические

порядки в в Русском государстве. Что касается Лжедмитрия, то он нередко нарушал обычая и ритуалы. В думе двадцатичетырехлетний царь не прочь был поучить или высмеять своих сенаторов, которые годились ему в отцы либо в деды. Он то и дело укорял бояр как людей несведущих и необразованных, предлагал им ехать в чужие земли, чтобы кое-чему научиться там.

Зимой царь выдумал себе новое развлечение. Он велел выстроить снежную крепость в селе Вязе мы в окрестностях Москвы и устроил своего рода военные маневры, в которых снежки заменяли ядра и пули. Игра в снежки была одним из популярных на Руси народных развлечений. Но самозванец и тут не обошелся без новшеств. Он велел своим боярам оборонять снежный вал и сам вместе с телохранителями-немцами возглавил приступ. Как и следовало ожидать, потеха закончилась победой царя и его телохранителей. Боярз оказались их пленниками и покинули поле боя, украшенные синяками и шишками. Шутливая война с боярами вызвала много толков в столице. В разгар забавы преданные Лжедмитрию люди настойчиво советовали царю прекратить потеху, потому что бояре злы на немцев и у каждого под платьем припрятан нож, так что дело может кончиться кровопролитием. Отрепьев последовал совету и немедленно покинул Вяземы в окружении стражи.

Сколько бы ни поучал самозванец своих бояр, какие бы вольности ни позволял в обращении с ними, он вынужден был подчиняться вековым порядкам Русского государства и считаться с авторитетом Боярской Думы.

Заняв московский трон, Лжедмитрий пытался выполнить свои обещания польскому королю, записанные в «кондициях». Он приказал готовить войска для похода против шведов. Однако Боярская дума решительно воспротивилась попыткам круто изменить внешнеполитическую ориентацию. Бояре не желали допустить нарушения «вечного мира» со Швецией, и самозванец должен был подчиниться их воле.

Отрепьев обещал Сигизмунду III насадить католицизм в России. Вскоре после коронации в думе обсуждался вопрос, разрешить ли полякам построить в Москве костел. Царь заявил, что приличнее разрешить это католикам, чем протестантам, которым прежде Боярская дума позволила построить и школу и кирху. Но духовенство и бояре думали иначе. Лжедмитрию пришлось забыть о тайном договоре с Мнишеком, обязывавшем его за год обратить православную Россию в католичество. Дело ограничилось тем, что после долгих проволочек полякам разрешили устроить костел в доме у церкви «Сретенья на переходех» близ дворца.

Поначалу бояре не смели открыто перечить самодержцу. Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться с ним. Отрепьев привык лгать на каждом шагу. Эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто всплывала на поверхность, и это приводило к неприятным эксцессам в думе. Красочное описание их можно найти в дневнике поляка С. Немоевского, свидетельства которого отличаются высокой степенью достоверности. Бояре не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: «Великий князь, царь, государь всея Руси, ты солгал». Ожидая прибытия в Москву семейства Мнишеков, царь («стыдясь наших» — прибавляет от себя автор дневника) воспретил боярам такое обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: «Ну как же говорить тебе, государь, царь и великий князь всея Руси, когда ты солжешь?» Поставленный в тупик самозванец обещал думе, что больше «лгать не будет». «Но мне кажется,— завершает свой отчет С. Немоевский,— что слова своего перед ними не додержал...»⁴

Пышный дворцовый ритуал, заимствованный из Византии, раболепное поведение придворных создавали видимость неслыханного могущества московских государей. Сама доктрина самодержавия, казалось бы, исключала возможность открытой оппозиции самодержцу. На самом деле Боярская дума удерживала в своих руках все нити управления государством и сплошь и рядом навязывала свою волю царю.

В апреле 1606 года на званом пиру во дворце Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину. Василий Шуйский стал потихоньку пенять царю на нарушение церковных правил. Государь оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татищев, считавшийся любимцем царя. (Отец Татищева оказал большие услуги Грозному, за что получил в опричнине чин думного дворянина. Михаил Татищев служил ясельничим при царе Борисе. Будучи, послан в Грузию, он не участвовал в войне с Лжедмитрием, за что и был обласкан по возвращении в Москву и вошел в думу с чином окольного.) На пиру Татищев не только принял сторону Шуйского, но и в грубой, оскорбительной форме публично выбранил царя за приверженность к нечистой пище. В наказание за дерзость Отрепьев велел сослать Татищева в Вятку и содержать в тюрьме в колодках, «потаив имя его». При Грозном окольный лишился бы головы. При Лжедмитрий в дело вмешались бояре. За ревнителя благочестия вступилась вся дума, включая любимца царя П. Ф. Басманова. Лжедмитрию пришлось отменить приговор и без промедления вернуть опального в Москву. Инцидент с Татищевым обнаружил полную зависимость самозванца от бояр.

Будучи в Польше, Отрепьев усвоил привычку жить в долг. Оказавшись в Кремле, он вел денежные дела с прежним легкомыслием. Познав нужду в юности, Отрепьев заразился болезнью многих выскочек — страстью к стяжательству. Царь был таким охотником до покупок, что приобретал любые драгоценности, которые попадались ему на глаза. Прослышав о его страсти к покупкам, в Москву слетелось множество купцов из Польши, Германии и других стран. Когда у самозванца кончились деньги, он стал рассчитываться с торговцами векселями. В Россию приехало и немало иноземцев, оказавших покровительство или услуги Отрепьеву в дни его зарубежных скитаний. Одни явились во дворец за вознаграждением, другие предъявили давние векселя, Лжедмитрий великодушно желал удовлетворить всех. Случалось, что он обещал своим давним покровителям неслыханные суммы в десятки тысяч рублей и тут же выдавал им расписки. Но казна была пуста, и Отрепьеву грозило финансовое банкротство. Боярская дума использовала все его промахи, легкомысленные денежные операции и неоправданные траты. Казенный приказ отказывался оплачивать бесчисленные царские векселя. Лжедмитрию пришлось смириться с тем, что дума через казенный приказ ввела ограничения на оплату его векселей и тем самым установила контроль за его расходами. Лжедмитрий нередко попадал в унижительное положение. Счастливые обладатели долговых расписок и тысячи сумм не могли получить от казны ни рубля и под конец узнавали, что царь якобы сам аннулировал свои векселя.

Отрепьев шел к власти напролом, не останавливаясь перед убийствами и казнями. Он показал себя человеком жестоким и вероломным. Если в Москве самозванец надел маску милостивого монарха, решительно чуждавшегося кровопролития, то причина была одна. Он не имел сил и средств для сокрушения своевольного боярства.

Накануне опричнины царь Иван велел вставить в летопись свои речи к думе, записанные им по памяти. Тяжело больной государь будто бы обратился к верным людям с такими словами: «...чего испужались? али чаєте бояре вас пощадят? вы от бояр первыя мертвецы будете!., не дайте боярам сына моего извести». Страх перед могущественной знатью обуревал также и мнимого сына Грозного. Однажды главный секретарь Лжедмитрия Ян Бучинский напомнил ему о своем совете оставить бояр Шуйских в ссылке, потому «как их выпустить (из тюрьмы.— *Р. С.*), и от них будет страх». Советник Лжедмитрия четко указал на рубеж, за которым началось для самозванца время «страхования». Таким рубежом было вынужденное прощение Шуйских, которое позволило Боярской думе вернуть себе прежнее влияние в государстве. Отрепьев считал Бучинского другом и платил ему откровенностью за откровенность. Сразу после свадьбы с Мйишек он поведал секретарю, какой невыразимый страх испытал во время торжественной церемонии: «Как я венчался, и у меня в ту пору большое опасенье было, потому что по православному закону сперва надо крестить невесту, а потом уже вести ее в церковь, а

некрещеной иноверке и в церковь не войти, а больше всего боялся, что архиереи станут упрямиться, не благословят и миром не помажут». Отрепьев обладал проницательностью и достаточно хорошо знал людей, чтобы не догадываться об истинном отношении к нему отцов церкви и бояр. Иногда ему казалось, что терпение последних вот-вот истощится и они положат конец затянувшейся комедии.

В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крамоллой приказал перевезти сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. Аналогичным образом поступил Борис Годунов в период острого конфликта с Шуйскими и прочей знатью. Отрепьев шел по их стопам. Начальник личной стражи самозванца Яков Маржарет, посвященный в его тайные планы, писал с полной определенностью: «Он (царь.— *Р. С.*) решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего 1606 года отплыть с английскими кораблями» из России⁵. Лжедмитрий избрал иной предлог к отъезду, чем его мнимый отец. Он утверждал, что хочет посмотреть Францию. В действительности самозванцу приходилось думать о спасении собственной жизни.

Борис Годунов потратил немало трудов, чтобы посредством системы договоров обеспечить России мир. Лжедмитрий, заняв трон, объявил себя непобедимым императором и дал понять соседям, что намерен превратить Россию в военную империю. Современники склонны были объяснить воинственные планы самозванца его безмерным честолюбием и легкомыслием. На самом деле в них был определенный расчет. С помощью победоносной войны Лжедмитрий надеялся упрочить свой шаткий трон.

Занятые завоеванием Венгрии, крымские татары целое десятилетие не тревожили Русь. Продолжали нарушать мир одни азовские татары. Они много раз грабили русские украинцы и причиняли много вреда поселениям донских казаков. На южных границах шла необъявленная война. В конце 1605 года казаки достигли крупного успеха в этой войне. Они захватили в плен азовского агу Досмагмета и привезли его в Москву, Победа донцов окрылила Лжедмитрия, Его давно манила перспектива решительного наступления на турок и татар. Тайный католик — православный царь не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую бы вошли католические государства — Габсбургская империя, Испания и Речь Посполитая — и православная Русь. Момент был не слишком удачен, и папа римский ответил Лжедмитрию: «Пускай царь первый выступит на арену, пусть он увлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой».

Габсбурги готовились к мирным переговорам с Османской империей и потому не помышляли о присоединении к антитурецкой лиге. Сигизмунд III подталкивал Лжедмитрия к войне с турками, но при этом не желал связывать себя союзническими обязательствами. В 1606 году в Москве узнали о том, что король отказался присоединиться к антитурецкой коалиции. Оставшись без союзников в Европе, Лжедмитрий тем не менее не отказался от своих воинственных планов, с воодушевлением поддержанных российским дворянством. Продвижение в степи должно было обезопасить владения южных помещиков от продолжавшихся нападений кочевников и подавало надежду на новые земельные приобретения.

Некогда Иван Грозный сокрушил ордынские владения на нижней Волге. Лжедмитрий решил продолжить его дело и нанести удар по Азову, с тем чтобы изгнать турок из устья Дона. Помощь Войска Донского была ему обеспечена. Опорной базой азовского похода стала крепость Елец. Туда из Москвы отправили осадную и полевую артиллерию, там создали склады с огромным количеством военного снаряжения и продовольствия. С весны 1606 года подготовка к походу вступила в решающую фазу. С разных концов страны к Ельцу шли отряды ратных людей.

Самозванец спешил начать войну. В военном лагере в окружении польской стражи, стрельцов и дворянства он мог чувствовать себя в полной безопасности. Война с турками из-за Азова вновь привела бы под знамена Лжедмитрия вольных донских казаков, уже оказавших ему неоценимую услугу.

С тех пор как Отрепьев водворился в Кремле, он говорил о своих проектерских замыслах лишь в тайных и сугубо доверительных беседах с немногими советниками. Во время секретного свидания с патером Савицким в Кремле Лжедмитрий согласился с тем, что в Москве надо учредить иезуитский коллегиум, а также собрать на казенный кошт подготовленных ребяток для определения их в школы. Самозванец не раз выражал намерение послать русских людей в страны Западной Европы для получения образования. При царе Борисе первые русские студенты были отправлены в Англию, Францию, Германию. Самозванец ив осмелился последовать примеру Годунова и не выполнил своих намерений.

Любые новшества наталкивались на противодействие со стороны бояр и князей церкви. Получив власть благодаря народному восстанию, Лжедмитрий оставил в неприкосновенности традиционные порядки, служившие оплотом влияния знати и воинствующих церковников. Поэтому он не мог найти в русском обществе сил, которые поддержали бы нововведения. Проникшись недоверием к подданным, самозванец искал сочувствия у окружающих его иноземцев, отводил душу в беседах с иезуитами, уповая на их преданность. Между тем для иезуитов «Дмитрий» был не более чем пешкой в их собственной игре. Беседуя с Петром Петреем, ближний друг царя произнес жестокие слова по его адресу: «Нами он приведен к власти, нами же может быть лишен ее». Петрей исполняя роль посредника между участниками боярского заговора в России и окружением короля Сигизмунда III.

Проекты самозванца были подчинены четким политическим целям. Отрепьев мечтал о том времени, когда он сможет сместить с высших государственных постов бояр и передать эти посты иностранцам, на верность которых наивно рассчитывал.

Прошло время, когда Отрепьев дрожал от страха, попав в парадные покои королевского замка в Кракове. Современники, видевшие Лжедмитрия в Кремле, утверждали, что он выглядел как «воин и герой». Самозванец выказывал страсть к воинским потехам а играм, часто проводил артиллерийские учения, сам любил палить из пушек. Московские мастеровые построили по его приказу потешную крепость пз повозок — «гуляй-город». Дощатые стены, укрепленные на повозках, были расписаны изображениями чертей и геены огненной. Из амбразур торчали стволы пушек. Русские прозвали крепость «адам». Нередко «ад» устанавливали на льду Москвы-реки под стенами Кремля. Русские дворяне обороняли «гуляй-город», а польская рота из состава дворцовой стражи брала ее приступом. Отрепьев наблюдал за маневрами из окон кремлевского дворца.

В отличие от других властителей Кремля Отрепьев не любил ездить в карете и предпочитал выезжать верхом. На царской конюшне было много чистокровных скакунов, и недавний чернец выбирал себе самых норовистых.

Власть вскружила голову Лжедмитрию. Он стал нетерпелив и высокомерен. Когда на балу польский посол осмелился надеть шапку во время танца, царь пришел в гнев и громогласно объявил, что прикажет снять шапку вместе с головой у любого, кто осмелится последовать примеру посла. На том же балу гости после каждого танца должны были склоняться к его ногам. Если же кто нарушал это правило, самозванец не скрывал раздражения. Его тщеславие не знало предела. Чтобы прибавить себе росту, Отрепьев носил непомерной высоты меховые шапки и сапоги на огромных каблуках.

Некоторые современники писали, будто Лжедмитрий не ложился спать трезвым. Но их слова вызывают сомнения. Поляки, допущенные во дворец, подчеркивали, что государь, всегда умеренный в питье, даже в дни свадебных пиров «при нас никогда не выпил лишнего». К чему был склонен Отрепьев, так это к щегольству. Пируя, он не раз покидал залу, чтобы переменить платье. На последнем балу он был вначале в русском армяке и в мехах, а затем надел пестро-красный бархатный жупан с зелеными и синими цветами по нему и красную бархатную епанчу с шестью сердечками на месте петлиц. Голову его украшала венгерская шапочка с пером.

В Кремле Отрепьев выстроил себе просторный дворец, возвышавшийся над крепостными стенами. Из окон он мог обозревать столицу. Стены бревенчатой постройки были обиты бархатом и парчой, печи выложены изразцовыми плитками, в хороммах устроено множество потайных дверей и выходов.

Лжедмитрий не прочь был поохотиться в поле на лисиц и волков. Еще больше он любил медвежьих потехи. В огороженном загоне на лесного исполина спускали свору лучших охотничьих псов либо искусный охотник, вооруженный рогатиной, в единоборстве побеждал свирепого зверя.

Дневные потехи сменялись ночными. Казалось, бывший чернец и расстрига стремился наверстать упущенное время. В компании с Басмановым и Михаилом Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клеветы не жалели денег. Когда же деньги не помогали, они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в неведомых лабиринтах дворца. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Масса утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти. Доверять его подсчетам, впрочем, не приходится. Никто не считал девиц, совращенных самозванцем. Скорее всего, он вел весьма распутную жизнь. Но ему едва ли удалось превзойти в этом мнимого отца. Лжедмитрий бесповоротно загубил свою репутацию, надругавшись (так писали современники) над несчастной Ксенией Годуновой. Лишившись отца, а затем матери, Ксения оказалась на девичьей половине дома князя Мосальского. Вместе с другими трофеями царевна стала добычей самозванца.

Царь Борис нежно любил дочь и позаботился о ее воспитании. Ксению научили «писанию книжному» и чтению. Она получила музыкальное образование и пристрастилась к пению. Современников восхищала скромность царевны и чинность ее речей. Судя по их описаниям, она была настоящей русской красавицей. Подле стройной царевны Отрепьев казался маленьким уродцем. Нетрудно представить, какие чувства питала Ксения к человеку, который свел в могилу ее отца, убил мать и брата.

Несчастливая судьба Ксении пробудила сочувствие к ней народа. При жизни Годуновой в Москве был записан «плач», полный жалости к погубленной сироте:

Сплачется мала птичка, белая перепелка:
Ох-ти мне, молодой, горевати!
Сплачется на Москве царевна:
Ох-ти мне, молодой, горевати!
Что едет к Москве изменник,
Ино Гришка Отрепьев расстрига,
Что хочет меня нолонити,
А полонив меня, хочет постричи,
Чернеческпй чин наложити!
Да хочет теремы ломати,
Меня хочет, царевну, поиматп,
А на Устюжну на Железную отослати.
Меня хочет, царевну, пострнчп,
А в решетчатый ад засадити.
Ино ох-ти мне горевати:
Как мне в темну келью ступати?!

Глава 16.

Боярский заговор

Отрепьев не принадлежал к числу загадочных авантюристов, унесших в могилу тайну своего происхождения. Его истинное имя было названо почти сразу после того, как он принял имя Дмитрия. Минутная неуверенность властей, вызванная его фантастическими успехами, рассеялась, едва лишь столичный двор увидел Отрепьева

вблизи. Самозванец велел доставить в Москву старца Леонида, которого он с успехом выдал за истинного Отрепьева в бытность свою в Путивле. Но в столице комедия с переодеванием провалилась. Тут было слишком много людей, знавших семью Отрепьева. Бродягу-старца Леонида спешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, после чего он исчез.

Лжедмитрий постарался удалить из столицы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевыми. По этой причине воцарение Юрия обернулось большой бедой для всех его родных и близких. «Милостивый» государь возвел в конюшие мнимого дядю Нагого. А для родного дяди — Смирного Отрепьева была уготована сибирская ссылка. Царь осыпал ласками мнимую мать, а родная жила в нужде в Галиче.

Самозванец тщетно пытался порвать нити, связывающие его с прошлым. Слишком многим в Москве была известна его характерная внешность. Слишком могущественные силы были заинтересованы в его разоблачении. Отрепьеву приходилось придумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое «истинное царское» происхождение. Одна из таких уловок и погубила его.

Благословение мнимой матери царицы Марфы помогло Лжедмитрию овладеть умами. Но «семейное» согласие оказалось не слишком длительным. Когда толки о самозванстве возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы воочию доказать народу, будто в Угличе погиб некий поповский сын, а вовсе не царевич. Отрепьев распорядился разорить могилу царевича Дмитрия в Угличе, а труп ребенка удалить из церкви прочь. Расстрига оказался плохим психологом. Его намерения оскорбили Марфу Нагую до глубины души. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Отрепьев стоял на своем. Тогда Марфа обратилась за помощью к боярам. Те поспешили отговорить Лжедмитрия от задуманного им дела. Но они оказали услугу Марфе отнюдь не бескорыстно. Бояре сдернули с ее лица маску любящей матери и сделали ее орудием своих интриг. Вдова Грозного помогла заговорщикам установить контакт с польским двором.

Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве царя. Можно установить имя шведа, исполнившего поручение Марфы и ее единомышленников. Им был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. При свидании с Сигизмундом III Петрей заявил, что Лжедмитрий «не тот, за кого себя выдает», и привел факты, доказывавшие самозванство царя. Швед рассказал королю о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и «имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и сам Петрей»¹.

Петрей имел свидание с Сигизмундом III в первых числах декабря 1605 года, когда король праздновал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд подтвердил, что именно в дни свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры насчет свержения Отрепьева.

Вскоре после Петрея в Краков прибыл царский гонец, Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения ему предстояло выполнить секретное задание, которое он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда III «опасную» грамоту на проезд в Польшу московских великих послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался ее принять из-за того, что в ней был пропущен императорский титул «Дмитрия». Перед отъездом москвит, улучив момент, дал знать королю, что имеет особое поручение к нему от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело пану Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено глубокой тайной. Но ближайшие советники Сигизмунда получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Станислав Жолкевский

поведал о них миру в своих мемуарах. Устами Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Он укорял короля в том, что тот дал Москве в цари человека низкого и легкомысленного, жаловался на жестокость Лжедмитрия, его распутство и пристрастие к роскоши и под конец заключил, что обманщик но достоин Московского царства². Иван Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии, так как бояре-заговорщики еще раньше установили прямой контакт с королем и успели оказать ему некоторые услуги. В конце XVI—начале XVII века в Москве и Кракове широко обсуждались проекты династической унии между Россией и Речью Посполитой. В 1606 году возникла реальная перспектива детронизации Сигизмунда III. Недовольные магнаты и шляхта готовились открыто выступить против его власти. В Польше циркулировали слухи о том, что «Дмитрий» готов поддержать польскую оппозицию, выделив крупные суммы денег либо послав в Польшу войско с одним из бояр Шуйских во главе. Если сведения насчет Шуйских заключают достоверное зерно, значит, бояре знали о планах Лжедмитрия и сами разжигали его честолюбивые мечты. Одновременно они предупредили обо всем Сигизмунда III и постарались убедить его в том, что Лжедмитрий намерен отобрать у него польскую корону. Если бояре старались лишить самозванца польской помощи, они вполне добились своей цели. Сигизмунд III требовал от Лжедмитрия выполнения секретного договора о территориальных уступках, подписанного в Польше. Об этом вскоре узнали в Москве. Тогда Отрепьев использовал первый подходящий повод, чтобы отвести от себя подозрения. Шумный спор с королем из-за титулов должен был, как он полагал, успокоить бояр. Тайный католик, Лжедмитрий откровенно объяснил мотивы своих чрезмерных домогательств посланцу Ватикана. «Пронесся слух,— сказал он,— что я обещал уступить несколько областей польскому королю. Крайне необходимо категорически опровергнуть это. Вот почему я настаиваю на моих титулах».

Клубок интриг запутался окончательно. Отрепьев не мог отдать королю русские земли, но не мог и отказаться от выполнения секретного договора с ним. Авантюрист оказался загнанным в угол. Низложение Сигизмунда III разом разрешило бы все его затруднения. В кругу польских советников Лжедмитрий охотно обсуждал новые блестящие перспективы. «Будешь, Ваша царская милость, королем польским»,— сказал ему однажды секретарь Ян Бучинский.

Вскоре Бучинский был послан с поручением в Краков. К своему величайшему смущению, там он узнал, что его слова стали известны королю. Сигизмунд был взбешен и через своих сановников дал понять Бучинскому, что не остановится перед разоблачением своего ставленника. На приеме в королевском дворце Бучинскому пришлось выслушать речь, полную угроз. Верный секретарь дословно передал предсказания воеводы Познанского о близком разоблачении царя: «По твоей, деи (Лжедмитрия.— *P. C.*), той великой спеси и гордости подлинно тебя бог сопхнет с столицы твоей, и надобе то указать всему свету в Москве самой, какой ты человек и что им хочешь сделать».

Опасность вооруженного выступления оппозиции против короля приобретала все более реальный характер, и в марте 1606 года польские власти открыто обвинили вождей оппозиции в сговоре с внешними силами. Канцлер уведомил сейм, что враги короля предлагали царю «Дмитрию» польскую корону и ныне поддерживают с ним тайные сношения.

Польские мятежники рассчитывали использовать помощь царя, чтобы лишить трона Сигизмунда III, а московские бояре-заговорщики искали соглашения с королем, чтобы свергнуть самозванца.

Душою заговора были князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, Михаил Скопин и Борис Татев, Михаил Татищев, окольничий Иван Крюк Колычев, дети боярские Валуев и Воейков, московские купцы Мыльниковы и другие

лица. В стане заговорщиков оказался и друг детских игр Отрепьева Иван Безобразов. В Путивле он помалкивал, благодаря чему вошел в милость к Лжедмитрию, в Москве же примкнул к Шуйским и стал одним из самых коварных противников самозванца.

Побывавший однажды в руках палача Василий Шуйский вел дело с величайшей осторожностью. Попытки развернуть агитацию против царя в народе могли привести к разоблачению заговорщиков. Поэтому они предпочитали иные средства.

В первых покушениях на жизнь Отрепьева участвовали чудовские монахи. С их кознями он столкнулся еще в Путивле. В Москве все повторилось заново. По словам Петра Петрея, один чудовский инок смущал народ, заявляя во всеуслышание, что на троне сидит беглый чернец Григорий, которого он сам учил грамоте. Его арестовали и подвергли допросу, но монах так и не отказался от своих слов. Тогда его утопили в Москве-реке вместе с несколькими другими чудовскими иноками. Польские источники излагали иную версию: один из злоумышленников якобы признался на пытке, что намеревался извести царя ядом. Дознание о покушении на жизнь царя проводилось в сентябре 1605 года. К заговору Шуйских оно не имело отношения, поскольку Шуйские еще не вернулись из ссылки.

Тайная казнь монахов нанесла немалый ущерб репутации Лжедмитрия. В начале 1606 года шведские дипломаты, получив из Москвы ложное известие о смерти царя, высказали предположение, что, скорее всего, его убили сами русские, так как «Дмитрий» исповедовал папистскую религию и вскоре после начала своего царствования велел казнить нескольких православных монахов.

В январе 1606 года по Москве распространился слух о новом покушении на жизнь государя. Глубокой ночью неизвестным лицам удалось пройти через все стрелецкие караулы и подобраться к царской спальне. Во дворце поднялась суматоха. Не успев как следует одеться, самозванец схватил оружие и в сопровождении двух стрелецких голов — Федора Брипцева и Ратмина Дурова — бросился искать злоумышленников. Удалось схватить трех человек, но они ни в чем не признались, и их поспешили казнить.

Вскоре после этого события аресту подвергся дьяк Андрей Шерефедшинов. И. Масса утверждал, что дьяк, подкупленный боярами, подготавливал убийство царя. Более подробно обстоятельства дела изложил начальник дворцовой стражи Я. Маржарет. По подозрению в заговоре, писал Маржарет, был схвачен один секретарь или дьяк, его пытали в присутствии П. Ф. Басманова, но он не сознался и не выдал главу заговора, кем был, как позднее стало известно, Василий Шуйский.

Противники самозванца опасались разоблачения. Арест Шерефединова поверг их в ужас. Но дело за отсутствием улик было прекращено, а дьяка отправили в ссылку. Боярская дума была высшей инстанцией, расследовавшей государственные преступления. Поскольку некоторые из ее руководителей сами участвовали в заговоре, сыскное ведомство оказалось парализованным. Нити следствия, тянувшиеся вверх, мгновенно обрывались.

В страхе перед боярской жестокостью Иван IV организовал опричное войско. Лжедмитрий доверил охрану своей особы стрельцам, поставив во главе Стрелецкого приказа П. Ф. Басманова. Осведомленный очевидец И. Масса передает, что «Дмитрий» постоянно держал в Кремле две-три тысячи стрельцов, вооруженных длинными пищалями. Множившиеся слухи о боярском заговоре побудили царя усилить меры безопасности. С давних времен внутреннюю охрану дворца несли постельничий и дворяне-жилыцы. Лжедмитрий вверил охрану царского дворца страже, составленной из наемных иноземных солдат. Капитан Домарацкий, некогда начинавший с «царевичем» московский поход, набрал сто человек в конную роту. Француз Яков Маржарет возглавил роту в сто солдат. Еще две роты были сформированы из немцев, живших в Иноземной слободе в Москве. Царь велел конфисковать несколько дворов на Арбате и в Чертолье у самых стен Кремля и поселил в них наемную гвардию. Отныне он мог вызвать охрану в

любой час дня и ночи. Иноземная стража охраняла внутренние покои дворца и сопровождала государя повсюду, куда бы он ни поехал.

Отрепьев не имел возможности нанять в Москве сколько-нибудь значительное число наемников. Когда события приняли опасный оборот, он вспомнил о нареченной невесте Марине Мнишек и ее отце Юрии Мпишке. Отправленный в Самбор Ян Бучинский собственноручно составил смету «свадебных» расходов: свыше ста тысяч злотых на уплату неотложных долгов Мнишека, сто тысяч на приданое невесте, по сто злотых задатка каждому жолнеру (сам секретарь вычеркнул слово «жолнерам» и заменил его словом «приятелям»), по пятьдесят — гайдукам и пр. Наемная пехота — жолнеры и гайдуки — таких необычных гостей пригласил на свадьбу Лжедмитрий. Бывший главнокомандующий самозванца Ю. Мнишек должен был нанять и привести в Москву наемное войско, без которого царю трудно было усидеть на троне.

Сигизмунд III тщетно старался добиться от Лжедмитрия выполнения тайного договора. Однажды он велел принести в кабинет шкатулку с «кондициями», подписанными «царевичем» после посещения Вавеля. Королевский секретарь доложил о состоянии дел и сделал соответствующие пометы в тексте «кондиций». Итоги были неутешительными. Царь отказался передать Польше Чернигово-Северскую землю и Смоленск, хотя и обещал некую денежную компенсацию. Он не выполнил и других своих обещаний: не помог королю в войне со Швецией. Последний пункт «кондиций» заключал обязательство «царевича» жениться на подданной короля. Отрепьев согласился исполнить волю короля в этом пункте. В тексте «кондиций» появилась пометка: «Хочет взять дочь воеводы Сандомирского»³.

Чем затруднительнее становилось положение самозванца, тем больше нетерпения проявлял он в переговорах с будущим тестем.

Марина Мнишек не обладала ни красотой, ни женским обаянием. Живописцы, щедро оплаченные самборскими владельцами, немало постарались над тем, чтобы приукрасить ее внешность. Но и на парадном портрете лицо будущей царицы выглядело не слишком привлекательным. Тонкие губы, обличавшие гордость и мстительность, вытянутое лицо, слишком длинный нос, не очень густые черные волосы, тщедушное тело и крошечный рост очень мало отвечали тогдашним представлениям о красоте. Подобно отцу, Марина Мнишек была склонна к авантюре, а в своей страсти к роскоши и мотовству она даже превзошла отца. Никто не может судить о подлинных чувствах невесты. Она умела писать, но за всю долгую разлуку с суженым ни разу не взяла в руки пера, чтобы излить ему свою душу.

Боярская дума и православное духовенство и слышать не желали о браке их царя с католической «девкой». Мнишек была во всех отношениях незавидной партией. Ее семье недоставало знатности. К тому же эта семья погрязла в долгах и давно стояла на пороге разорения.

Отрепьев полностью отстранил бояр и князей церкви от брачных переговоров. Он сделал своим сватом дьяка Афанасия Власьева, худородство которого не соответствовало характеру его миссии. Московское посольство, насчитывавшее триста человек, доставило в Польшу поистине царские подарки. Посол передал Юрию Мнишкеку шубу с царского плеча, вороного коня в золотом уборе, драгоценное оружие, ковры и меха. Подарки невесте, выставленные в королевской резиденции, вызвали общее изумление. Тут был жемчужный корабль, несущийся по серебряным волнам (его оценивали в шестьдесят тысяч злотых), шкатулка в виде золотого вола, полная алмазов, перстни и кресты с камнями, огромные жемчужины, золоченый слон с часами, снабженными музыкальным устройством и движущимися фигурками, ворох парчи и кружев.

В ноябре 1605 года в королевском замке в Кракове польская знать торжественно праздновала помолвку царя с Мнишек. Особу царя представлял дьяк Афанасий Власьев. Несмотря на внешнее великолепие, церемония прошла не гладко. Стоя подле католического алтаря в окружении худших еретиков, Власьев произнес приветственную

речь жениха без всякого воодушевления. Когда кардинал задал ему вопрос, не давал ли царь обещания другой женщине, дьяк, не моргнув глазом, заявил: «А мне как знать: о том мне ничего не наказано!» Ответ, вызвавший сметок в зале, не был следствием московского варварства. Власьев заслуженно считался знающим дипломатом. Своей выходкой дьяк выразил неодобрение затеи государя.

Юрий Мнишек слал будущему зятю письма с докучливыми просьбами насчет денег и погашения всевозможных долгов. В декабре 1605 года он узнал о связи царя с Ксенией Годуновой и немедленно обратился к нему с выговором. «Поелику,— писал он,— известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить»⁴. Самозванец не стал перечить тестю и пожертвовал красавицей Ксенией. Царевну постригли в монашки и спрятали от света в глухом монастыре на Белоозере.

Посланцы Лжедмитрия отвезли в Самбор двести тысяч золотых, а затем еще шесть тысяч золотых дублонов. Наемники требовали больших денег, и Мнишек разрывался на части. В Самборе спешно шили новые платья и собирали приданое, достойное царской невесты. Одновременно люди Мнишеков закупали большими партиями оружие и повсюду вербовали ландскнехтов. Денег не хватало, и Мнишеки заняли четырнадцать тысяч золотых у царских посланцев и набрали иа двенадцать тысяч золотых мехов и сукон у московских купцов. Родня Мнишека поддерживала тесные связи с оппозицией, подготовлявшей вооруженное выступление против короля и рассчитывавшей на помощь русского царя. Семья Мнишеков вела себя более чем двусмысленно, и Сигизмунд сделал все, чтобы эта семья могла возможно быстрее покинуть пределы Речи Посполитой. Король объявил об отсрочке в уплате долгов Юрия Мнишека и не препятствовал сборам его армии. Вместе с Мнишеком Польшу покинули многие шляхтичи и безработные ландскнехты, которые едва ли остались бы в стороне от назревавшего мятежа.

2 мая 1606 года царская невеста со свитой прибыла в Москву. Жители не могли отделаться от впечатления, что в их город вступила армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники, с ног до головы закованные в железные панцири, с копьями и мечами. По улицам Москвы горделиво гарцевали те самые гусары, которые сопровождали самозванца в самом начале его московского похода. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском следовал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Обозные повозки одна за другой исчезали в боковых переулочках и за воротами дворов. Москвичи были окончательно сбиты с толку, когда прислуга принялась разгружать скарб: вместе с сундучками и узлами гайдуки выгружали из фур ружья и охалками вносили их наверх.

Лжедмитрий чувствовал, что трон его шаток, и инстинктивно ждал спасения от тех, кто некогда помог ему расправить крылья и взлететь. Доносы поступали во дворец со всех сторон, и Отрепьеву не приходилось выбирать. Он пытался начать сначала ту рискованную игру, в которой ставкой была его власть и нечто большее — его голова.

Глава 17.

Гибель самозванца

Православные святители не забыли, как предавали анафеме злого расстригу и еретика. Увидев самозванца вблизи, они не избавились от старых подозрений. Лжедмитрий не решился оставить подле себя никого из своих друзей-католиков. Зато его ближними советниками стали протестанты братья Бучинские. Иезуитам царь предоставил обширное помещение для богослужения, а кроме того, он время от времени тайно приглашал их к себе на совещания в Кремль. Окруженный всеми атрибутами призрачного могущества, царь горько жаловался им на свое одиночество.

До поры до времени церковники прощали самозванцу его подозрительные связи с католиками и протестантами. Но они окончательно прониклись недоверием к царю, когда тот решил поправить за счет церкви свои финансовые дела. У Иосифо-Волоколамского монастыря он взял три тысячи рублей, у Кирилло-Белозерского — пять тысяч. С мелких монастырей, которых было великое множество, трудно было получить такие суммы. Зато из казны крупнейшего в стране Тро-ице-Сергиева монастыря Лжедмитрий заимствовал тридцать тысяч рублей. Духовенство опасалось, что такого рода займы были лишь началом. В самом деле, в кругу польских советников-протестантов Отрепьев охотно обсуждал проекты частичной секуляризации доходов церкви и обращения их на нужды Казны и дворянства. Подобного рода меры, без сомнения, нашли бы поддержку среди скудеющего дворянства, с жадностью взиравшего на несметные богатства монастырей.

Помолвка Царя с Мариной Мнишек подлила масла в огонь. Фанатики честили царскую невесту как еретичку и язычницу. Казанский архиепископ Гермоген требовал вторичного крещения польской «девки». Но патриарх Игнатий не поддержал его. В угоду царю льстивый грек соглашался ограничиться церемонией миропомазания, которая должна была сойти за отречение от католичества. Лжедмитрию удалось сломить сопротивление духовенства. 10 января 1606 года близкие к нему иезуиты сообщили, что противники царского брака подверглись наказанию, но никто из них не предан казни. Лжедмитрий сам поведал об этом вернувшемуся из Польши Бучинскому в таких выражениях: «Кто из архиепископов начали было выговаривать мне, упрямитесь, отказывать в благословении брака, и я их поразослал, и ныне иикаков человек не смеет слова молвить и во всем волю мою творят». Первым наказанию подвергся неугомонный Гермоген. Архиепископа отослали в его епархию в Казань и там заключили в монастырь. Церковная оппозиция приумолкла, но ненадолго. Агитация против самозванца не прекращалась. Ее исподволь разжигали бояре-заговорщики, князья церкви и монахи. Дело дошло до того, что юродивая старица Елена стала предсказывать царю смерть на брачном пиру. Лжедмитрию тотчас сообщили о ее пророчестве. Но он посмеялся над ним.

В Путивле самозванец с успехом мистифицировал немногочисленное население и ратных людей. Будучи на троне, он попытался обмануть весь народ. Эта задача оказалась несравненно более трудной. Опасность положения Отрепьева заключалась в том, что его самозванство перестало быть тайной как для его противников, так и для приверженцев. О самозванстве «Дмитрия» толковали как в России, так и за рубежом.

Некогда изменники братья Хрипуновы, сбежавшие в Литву, первыми «вызнали» в беглом монахе Дмитрия. После воцарения Отрепьева Хрипунов вернулся в Россию. На границе он встретил давнего знакомого — капитана С. Боршу, проделавшего с «царевичем» путь от Путивля до Москвы. Взяв с Борши клятву молчать, Хрипунов сообщил ему, что в Москве уже дознались, что царь — не истинный Дмитрий, и скоро с ним поступят как с самозванцем. Подобные разговоры велись не только в дорожных трактирах, на улицах, но и во дворце, в покоях ближайших сподвижников царя. Однажды после дружеской попойки царский телохранитель Конрад Буссов задержался в доме у Петра Басманова. Гости разошлись, и, оставшись наедине с хозяином, немец спросил его, действительно ли царского происхождения их государь? Басманов ответил: «Молись за него, хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он нам государь...»¹.

Самозванец еще сидел на троне, а его знатные противники готовы были перессориться из-за того, кто наследует корону. Из дипломатических соображений бояре подумывали о том, чтобы преподнести шапку Мономаха Владиславу. Кандидатура принца могла предотвратить раскол, который неизбежно привел бы к крушению заговора. Но католический принц удовлетворял далеко не всех москвитов. Противники Владислава вспомнили о царе Симеоне Бекбулатовиче, некогда посаженном на московский трон по воле самого Грозного. Толки насчет Симеона достигли дворца и Отрепьев счел благоразумным покончить с мирской карьерой крещеного хана. 25 марта 1606 года Симеона постригли в монахи и увезли под стражей в Кириллов монастырь на Белоозеро.

В московском гарнизоне числилось несколько тысяч стрельцов. Пока эти стрельцы, охранявшие Кремль, были преданы царю, заговорщики не могли рассчитывать на успех. Однако к началу марта 1606 года среди кремлевских стрельцов была замечена «шатость». Многие открыто толковали, что царь — не истинный Дмитрий. Когда разговоры дошли до слуха Басманова, тот тайно учинил розыск. Семеро стрельцов были взяты под стражу. Обычно власти избавлялись от «изменников» без лишней огласки. На этот раз царь решил устроить показательный суд. В назначенный день стрельцы получили приказ собраться в Кремле без оружия. Государь появился перед ними в окружении немецкой стражи. Он вновь, в который раз повторил затверженную речь о своем чудесном спасении и спросил, есть ли у них доказательства, что он не истинный царь. Много раз слышанные слова не производили прежнего впечатления. Однако все насторожились, когда самодержец предложил присутствующим открыто высказать причины недоверия к нему.

Наказание всех причастных к тайной агитации привело бы к массовым казням стрельцов. Самозванец не решился на такую меру, опасаясь лишиться военной опоры, и ограничился тем, что выдал семерых смутьянов на расправу их товарищам. Думный дворянин Григорий Микулин подал знак верным стрельцам, и осужденные были растерзаны в миг. Трупы казненных провезли в открытой телеге по всему городу для устрашения заговорщиков. Столичное население по-разному реагировало на страшную казнь. Простой народ негодовал на изменников, предавших «доброе» царя. Противники самозванца на время притихли.

Политические настроения в стране были достаточно сложными. Даже те социальные прослойки и группы, которые ранее выступали на стороне Лжедмитрия, все больше обнаруживали свою ненадежность. Весной 1605 года яицкие казаки отправились в разбойный поход в Среднюю Азию, не откликнувшись на призыв Лжедмитрия оказать ему помощь. Менее чем через год вольные казаки на Тереке «стали думать всем войском, чтобы итти на Куру-реку (в Азербайджан.— *Р. С.*), на море (Каспийское.— *Р. С.*) громить турских людей на судах...»². После долгих обсуждений казаки отказались от планов похода на Каспий и решили искать царского жалованья в Москве. Несколько старых казаков, среди которых были атаман Федор Бодырин и боевые холопы боярина князя В. Черкасского и князя Н. Трубецкого, на тайном совещании решили выдвинуть из своей среды «царевича», выдав его за сына царя Федора и Ирины Годуновой. Первоначально их выбор пал на молодого казака Митьку, сына астраханского стрельца. Но Мятька отговорился тем, что никогда не бывал в Москве. Тогда казаки решили назвать царевичем молодого казака Илейку Иванова — сына Коровина из Муромы, которому довелось побывать в Москве. Отцом Илейки был посадский человек Иван Коровин. Но мать Ульяна прижила Илейку «без венца», и как незаконнорожденному ему пришлось познать в жизни унижения и нужду. Несколько лет Идейка нанимался в работники на суда, плававшие по Волге, потом подрядился на струг к воеводе С. Кузьмину и с ним ушел на Терек. Поступив стрелецкий приказ к И. Хомякову, Илейка летом 1604 года ходил с воеводами на Кавказ «в шевкаль-скпй поход в Тарки». Поход завершился истреблением царской рати, и, оставшись без средств, Илейка Муромец по возвращении из похода дал на себя кабалу и поступил в холопы — «приказался во двор Григорию Елагину». В холопах он пробыл зиму, а потом сбежал под Астрахань, где его «взяли казаки донские и волжские». Давая показания перед царскими судьями в 1607 году, Илейка старался смягчить свои вины. По этой причине он не упомянул о том, что взявшие его (и других терских казаков) казаки осаждали Астрахань, выступая, на стороне Лжедмитрия. Об осаде Астрахани с зимы пишет И. Масса. Не позднее конца мая 1605 года астраханский воевода известил, терских воевод, «что у них в Астрахани от воров, от казаков, стала смута великая, и для того им людей послать (на Терек.— *Р. С.*) немочно»³.

Зиму 1605 — 1606 года Илейка провел на Тереке, Именно в это время собравшиеся вокруг атамана Ф. Бодырина казаки созвали свой особый круг, втайне от всего войска, и приговорили идти в поход на Волгу. Лозунги бодыринцев, как полагали И. И. Смирнов и

В. И. Корецкий, свидетельствовали о победе социальных тенденций в движении. В отряде «Царевича Петра» казаки толковали между собой: «Государь-де нас хотел пожаловати, да лихи-де бояре, переводят-де жалованье, бояря да не дадут жалованья». Речи вольных казаков были весьма просты по смыслу. Вольные казаки посадили на трон Лжедмитрия, многие явились вместе с ним в Москву и получили за службу неслыханное жалованье. Однако по настоянию «лихих» бояр «добрый» царь рассчитал служившие ему казачьи отряды и отослал из Москвы по домам. Вопреки надеждам вольные казаки лишились из-за бояр и царского жалованья и царской службы. Ветераны похода говорили об этом открыто и на Дону, и на Волге, и на Тереке.

Снарядив струги, атаман Бодырин с «царевичем Петром» пришел с Терека в устье Волги и двинулся к Царицыну. «Царевичу» не приходилось заботиться о пополнении своих сил. «Черный» народ толпами стекался к нему со всех сторон. Повстанцы заняли три волжских городка и забрали найденные там пушки. Они упорно продвигались вверх по Волге на север, громя по пути купеческие караваны. Вскоре под знаменами «Петра» собралось до четырех тысяч человек.

Повстанцы отправили гонцов в Москву с письмом к «Дмитрию». В летописи поздней редакции содержится малодостоверное известие о том, что Петрушка «писал ростриге, претя ему нашествием своим ратию, да не медля снидет с царского престола»⁴. На самом деле, как справедливо отметил В. И. Корецкий, переписка повстанцев с Лжедмитрием носила в целом дружественный характер.

Отношение бояр и Лжедмитрия к восставшим было неодинаковым. Знать не сомневалась в том, что казаки готовы посчитаться с «лихими» боярами, из-за которых они «избыли» царской службы и жалованья. Отрепьев длительное время сам возглавлял повстанческое движение и на этот раз рассчитывал повернуть его в нужное русло. В конце апреля 1606 года Лжедмитрий послал к «Петру» доверенного дворянина Третьяка Юрлова с письмом. По словам С. Немоевско-го, он определенно признал «царевича» своим племянником и пригласил его в Москву, обещая владения. Скорее всего, пишет Немоевский, Лжедмитрий хотел заполучить в свои руки нового самозванца, опасаясь от него затруднений, а может быть, царь намерен был хорошо с ним обойтись. Я. Маржарет излагает содержание письма несколько иначе. По его словам, «Дмитрий» с некоторой уклончивостью писал казацкому «царевичу», что если он — сын его брата Федора, то пусть будет желанным гостем; если же он не истинный, то пусть удалится прочь. К грамоте прилагалась подорожная, предписывавшая выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути в Москву. Сам «Петр» изложил, смысл царского обращения к нему следующим образом: «Из-под Астрахани казаки пошли вверх Волгою к Гришке ростриге [ко] двору и. дошли до, Самары, и тут-де их встретили от ростриги под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех»⁵.

Неверно было бы заключить, что вольные казаки и пристававшая к ним чернь изверились в Лжедмитрии к концу его недолгого правления. Повстанцы рассчитывали найти общий язык с московским государем даже после того, как выдвинули из своей среды нового самозванца. Но восставшие готовы были посчитаться с «лихими» боярами. Последнее обстоятельство дало повод московским властям обвинить Лжедмитрия (после его смерти) в том, что тот «сам вызвал человека (нового самозванца Петрушку.—*Р. С.*), который в крайней нужде мог оказать ему помощь», после того как «со множеством казаков явился на Волге»⁶.

Восстание на Волге показало, сколь неопределенными и изменчивыми были настроения низов. Идея «добротого царя», не утратила власти над умами, но ее персонализация могла измениться в любой момент. Тем временем отношения между Россией и Речью Посполитой все больше осложнялись. Сигизмунд III окончательно утратил доверие к своему ставленнику в Москве. Принятие Лжедмитрием императорского титула, намного превосходившего королевский, переполнило чашу его терпения. В Польше все чаще говорили, что московский царь намерен завладеть польской

коронай. Чтобы предупредить опасность, Сигизмунд направил в Москву с посольством Александра Гонсевского. Будучи в Кракове, Гонсевский вел строго секретные переговоры с гонцами московских бояр-заговорщиков Шуйских и Голицыных. Когда Гонсевский прибыл в русскую столицу, ничто не мешало ему установить прямой контакт с руководителями заговора. На приеме в Кремле польские послы подвергли царя неслыханному унижению. Сигизмунд приказал именовать «Дмитрия» великим князем, отказав недавнему протезе не только в императорском, но и в царском титуле. Королевский демарш ободрил заговорщиков и побудил их поспешить с исполнением своих планов. Захватив трон, Отрепьев не упускал случая указать боярам на свои особые отношения с повелителем могущественного соседнего государства. На приеме в Кремле послы нанесли Лжедмитрию хорошо рассчитанный удар. Шаткий трон лишился еще одной подпорки. Знать, теснившаяся в дворцовых палатах, едва скрывала свои подлинные чувства. Заговорщики не сомневались более в том, что в случае переворота Сигизмунд не окажет «Дмитрию» никакой поддержки.

Самозванец принужден был проглотить оскорбление. Через несколько дней он пригласил на частную аудиенцию одного из своих друзей иезуитов и заявил ему, что под царскими знаменами в Ельце стоит сто тысяч человек и достаточно его знака, чтобы армия обрушилась на неприятеля; он сам еще не решил, направить ли эту армию против турок или против кого-нибудь другого. Без всякой паузы Лжедмитрии тут же стал жаловаться на обиды, нанесенные ему польским королем. Он не сомневался, что его слова немедленно будут переданы по назначению.

Прибытие Мнишека с воинством ободрило Лжедмитрия. Но успех связан был с такими политическими издержками, которые далеко перекрыли все ожидавшиеся выгоды. Брак Отрепьева с Мариной, заключенный вопреки воле Боярской думы и духовенства, окончательно осложнил положение.

Царскую свадьбу предполагалось отпраздновать в воскресенье 4 мая 1606 года. Но в назначенный день свадьба не состоялась. Духовенству и ближним боярам понадобилось еще несколько дней, чтобы выработать приемлемую процедуру венчания Марины Мнишек с царем и ее коронации. Втайне жених просил у папы римского разрешение па миропомазание и причащение Марины по православному обряду. Без подобного акта Мнишек не могла стать московской царицей. Ватикан отвечал царю решительным отказом. Опасаясь скандала в церкви, Отрепьев решил соединить церемонии свадьбы и коронации воедино. Православное духовенство и дума согласилась исполнить его волю лишь после долгих препирательств и споров.

Свадьбу отпраздновали 8 мая 1606 года во дворце. Поутру молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп Федор торжественно обручил их. В Грановитой палате князь Шуйский кратко приветствовал невесту, и обрученных проводили в Успенский собор. Патриарх торжественно короновал Марину, предварительно совершив обряд миропомазания, К великому смущению русских царица не взяла причастия, как того требовала утвержденная думой процедура. Многие присутствующие не могли скрыть замешательства в негодования. Среди гостей прошел ропот. Коронация Марины в Успенском соборе явилась неслыханным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетне стали петь лишь со времен Годунова. По и такое безобидное новшество современники воспринимали как неслыханное бесстыдство. Отказ Марины принять причастие возмутил православных. Зато послы и польские гости были удовлетворены. Едва коронация кончилась, как дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери за их спиной. Как только нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Мнишек по православному обряду. Польские дамы, задержавшиеся подле невесты, со смехом описывали мужьям, как молодые приняли от патриарха вместе с благословением по кусочку хлеба и глотку вина. Присутствующие приветствовали обращение царицы в православную веру. В тот день Марина показала себя достойной ученицей иезуитов. Невзирая на запрет Ватикана, она

приняла православное причастие без тени смущения или колебания. Вероотступничество не слишком тревожило Мнишек. Куда больше ее занимало, хороша ли она в русском платье, в которое обрядили ее по настоянию бояр.

Вельможи давно уже знали что за птица был их государь. Но они все еще усердно разыгрывали свои роли. Стоило Гришке кивком подать знак Василию Шуйскому, и тот раболепно склонялся к трону, чтобы удобнее устроить на скамеечке его ноги, не достававшие до пола. Могущество «непобедимого» монарха было, однако, призрачно. Историческая драма давно превратилась в фарс. Бояре свысока взирали на низкорослую пару, не имевшую и тени законных прав на престол и тщившуюся изобразить величие. Хотя образа висели невысоко, молодые не могли приложиться к ним, и слугам пришлось расставить скамеечки под иконами.

Бояре не без умысла перенесли свадьбу с воскресенья на четверг. Пятница приходилась на Николин день, один из самых почитаемых православных праздников, Самозванцу трудно было остановиться, Махнув рукой на приличия, он затеял брачный пир в неподобающее время.

К великому негодованию московской знати, царь усадил за свадебный стол прибывших из Польши солдат и панскую челядь. Гусарам была оказана особая честь. Посреди пира Отрепьев объявил, что пожалует каждому из них по сто рублей денег. Сидевшие за столом бояре с трудом скрывали свое раздражение. Они-то знали, что царская казна давно пуста.

На царской свадьбе все было непривычно для русского взора. Бояр и лиц духовного сана шокировали наряды царицы. Дворцовые портные старались изо всех сил, чтобы угодить царице Марине. Но сшитое ими русское платье пришлось ей не по вкусу. Мнишек сбросила его тотчас после венчания и надела привычное платье. Она нисколько не заботилась о том, что скажут о ней москвичи. Толпа с жадным любопытством разглядывала государыню в те недолгие минуты, когда она покидала дворец. Марина нисколько не походила ни на прежних цариц, ни на знатных московских боярынь.

Невзирая на злобное шипение монахов, народ встретил новую царицу достаточно дружелюбно. В день свадьбы большая толпа москвичей собралась под окнами дворца и стала громко рукоплескать Марине, приглашая ее выйти на крыльцо. Но новобрачной было не до москвичей. Она не желала оторваться для них от утех даже на минуту. Следуя ее наставлению, Лжедмитрий выслал к народу придворных «приказом, чтобы не смели более орать».

Юрий Мнишек привел с собой несколько отрядов гусар, с которыми самозванец начинал свою военную кампанию. Наемники рассматривали поход как второе завоевание Москвы. Отрепьев разместил воинство Мнишека на постой во дворах богатых купцов, епископов и дворян. Солдаты не церемонились с хозяевами, уповая на покровительство царя. Свадебные пиршества сопровождались множеством уличных инцидентов. Подвыпившие наемники затевали уличные драки, бесчестили женщин, пускали в ход оружие, если встречали сопротивление. Об этих безобразиях пишут одинаково и русские и польские очевидцы. Бесчинства наемных солдат вызывали крайнее возмущение столичных жителей. Восстание против чужеземцев могло вспыхнуть в любой момент,

Начиная с 12 мая положение в столице стало критическим. По словам К. Буссова, с этого дня в народе открыто стали говорить, что царь — поганый, что он — некрещеный иноземец, не праздновал святого Николая, по усерден в посещении церкви, ест нечистую пищу, оскверняет московские святыни. Как утверждал И. Масса, в ночь на 15 мая несколько тысяч стояло под оружием, готовясь осуществить задуманный план переворота, но, заметив, что все открыто, они уstraшились, притихли и спрятали оружие.

Приведенное свидетельство не заслуживает доверия. Заговор, организованный боярской верхушкой, носил строго конспиративный характер, и число его участников было невелико. Не могло быть и речи о тысячах вооруженных людей, якобы собранных заговорщиками под свои знамена за несколько дней до переворота. Иезуиты,

находившиеся в Москве в те дни, с полным основанием утверждали, что Шуйские привлекли на свою сторону бояр, но «между пародом имели очень мало соучастников». Назревавшее в столице народное восстание не угрожало непосредственно власти Лжедмитрия, поскольку возмущение и гнев москвичей вызывал не сам царь, а иноземное наемное воинство. Цели народа и бояр, планировавших убийство самозванца, явно не совпадали. Тем не менее бояре рассчитывали в нужный момент использовать выступления посадских людей.

Вскоре после свадьбы царь задумал развлечься военными играми. С этой целью его потешная крепость была заблаговременно отправлена в Котлы. Для проведения стрельб Лжедмитрий велел наряд «волоčiti за город», после чего «весь наряд большой, и ссредней, и городской, и полковой» сняли со стен и вывезли в поле. За потехами угадывались более серьезные цели. Лжедмитрий намерен был идти с полками на Елец, а оттуда к Азову, со всей артиллерией и «гуляй-городом». Заговорщики попытались обратить военные приготовления Лжедмитрия против пего самого. Повсюду распустили слух, будто на играх «литва» намерена перебить бояр.

Первые крупные волнения в Москве произошли 14 мая. В тот день вечером гайдук Вишневецкого избил посадского человека и скрылся за воротами. Народ осадил двор и потребовал от Вишневецкого выдачи виновного. К ночи подле двора собралось до четырех тысяч человек. Посадские грозили разнести хоромы в щепы. Всю ночь возмущенные толпы москвичей заполняли площади и улицы столицы.

С аналогичной ситуацией Лжедмитрий уже сталкивался в дни после своей коронации, и тогда ему сравнительно легко удалось справиться с народными волнениями. Не сомневаясь в преданности народа, самозванец тем не менее принял все необходимые военные меры. Он удвоил караулы в Кремле и поднял по тревоге несколько тысяч стрельцов. Польские роты бодрствовали всю ночь, не выпуская из рук оружия. Время от времени они палили в воздух, надеясь удержать москвичей от выступления.

На другой день в Москве воцарилась зловещая тишина. Торговцы отказывались продавать иноземцам порох и свинец. Вечером несколько гайдуков остановили колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. 16 мая царю вручили жалобу на лиц, повинных в бесчестии боярыни, но дело так и не было решено.

В сочинениях современников можно прочесть, что Лжедмитрий проявил редкую беспечность и легкомыслие, запретив принимать от народа доносы и пригрозив доносчикам наказанием. В действительности все обстояло иначе. Бесчинства шляхты привели к тому, что царская канцелярия оказалась завалена жалобами москвичей на «рыцарство» и встречными жалобами солдат. Запрет принимать челобитные имел в виду прежде всего эти жалобы. Что касается дел об оскорблении царя, их разбирали без всякого промедления. Лжедмитрий получил власть из рук восставших москвичей менее чем за год до описываемых событий. Неудивительно, что он не допускал и мысли о выступлении столичного населения против него самого. Все внимание самозванца сосредоточилось на том, чтобы удержать парод от выступления против наемного войска.

Можно заметить, что прямая открытая агитация против царя имела не слишком большой успех в народе, тогда как насилия со стороны солдат Мнишека вызывали мгновенный отпор населения. Описывая поимку на рыночной площади одного из тех, кто открыто агитировал против расстриги, телохранитель К. Буссов ни словом не обмолвился о попытках народа отбить его у немцев из личной охраны царя. Когда Лжедмитрию донесли о случившемся, он приказал пытать арестованного. Но бояре, руководившие допросом, донесли ему, что смутьян болтал, будучи пьян и скудоумен, теперь же, протрезвев, он ничего сказать не может.

Бояре вели хитрую игру. Они били в набат, чтобы отвлечь внимание самозванца от подлинной опасности, грозившей ему со стороны заговорщиков. В конце концов П.

Басманов и сыскное ведомство сосредоточили все усилия на охране поляков и предотвращении столкновений между москвичами и наемниками.

В течение четырех дней Лжедмитрий получил несколько предостережений от капитанов, командовавших придворной стражей. 16 мая один служилый немец, оказавшись подле государя, когда тот осматривал лошадей на Конюшенном дворе, подал ему записку с предупреждением о том, что изменники выступят на следующий день, 17 мая. Вскоре во дворец явились братья Стадницкие с аналогичным предупреждением. Поскольку Стадницкие заявили, будто москвичи «собираются напасть на великого князя и поляков», секретари отклонили их представление и объявили, что народ предан государю. Вслед за Стадницкими ко двору явился Мнишек. Среди московских жителей у Лжедмитрия было много доброхотов. Не имея доступа к царю, они пытались действовать через царского тестя. Оставшись наедине с зятем, Мнишек передал ему донос, поступивший от его солдат, а перед уходом вручил сотни челобитных от москвичей.

Самозванец был убежден, что главная опасность грозит не ему, а полякам. Он укорял Мнишека в малодушии, отвергал любые сомнения в преданности народа, а под конец заявил, что если кто и посмеет выступить против него, то в его власти «всех в один день лишить жизни»⁷. Отрепьев привык к риску. И на этот раз он надеялся перехитрить судьбу. Однако бравада не могла скрыть от окружающих его 'подлинных чувств. В дни свадебных пиршеств самозванец был угрюм и подавлен, по временам его страх прорывался наружу припадками беспричинного раздражения и гнева,

Постаравшись убедить Мнишека в отсутствии поводов к беспокойству, Лжедмитрий тут же отдал приказ о чрезвычайных военных мерах. Басманов поднял на ноги стрельцов и расставил усиленные караулы в тех местах города, где можно было ожидать нападения народа на солдат Мнишека. В Кремле было введено чрезвычайное положение. Стража получила приказ убивать на месте любых подозрительных лиц, которые попытались бы проникнуть внутрь Кремля. В ночь на 16 мая люди Басманова захватили шесть «шпионов». Трое были убиты на месте, трое замучены пытками. Басманов действовал с исключительной жестокостью, потому что власти получили точные доказательства существования заговора. К несчастью для себя, Отрепьев даже не подозревал, что в заговоре участвовала его названная мать, которую он освободил из монастырского заточения и осыпал неслыханными милостями, а также другие любимцы, вроде Василия Голицына. Готовясь нанести царю смертельный удар, бояре бессовестно пресмыкались у его ног и старались усыпить все его подозрения.

Опасаясь выдать себя неосторожными действиями, заговорщики не решались развернуть в народе широкую агитацию против Лжедмитрия. Они несколько раз откладывали сроки переворота, поскольку не были уверены в том, как поведет себя население. В конце концов они решили выступить под маской сторонников царя, чтобы подтолкнуть народ к восстанию против иноземного наемного войска. Планы Шуйских отличались вероломством. Бросив в толпу клич «Поляки бьют государя!», заговорщики намеревались спровоцировать уличные беспорядки, нейтрализовать силы, поддерживавшие Лжедмитрия, а тем временем проникнуть во дворец и убить самозванца.

Готовясь к войне за Азов, Лжедмитрий выслал на южную границу воеводу Шереметева с войском. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне. Они расположились лагерем в миле от города. Численность новгородцев, по польским данным, превышала восемнадцать тысяч человек. В действительности их было не более одной-двух тысяч. Но и в этом случае они представляли серьезную силу. Бояре не могли осуществить своих замыслов, не имея в своем распоряжении хотя бы несколько сот вооруженных бойцов.

И польские и русские источники одинаково свидетельствуют о том, что Шуйским удалось втянуть в заговор новгородцев. В дни мятежа под Кронами новгородцы отказались перейти на сторону Лжедмитрия. Шуйские учли это обстоятельство. Надо заметить, что подготовленный боярами переворот мало походил на мятеж под Кромами.

Столичный гарнизон и дворянское ополчение в целом оставались в стороне от заговора. Под покровом ночи бояре впустили в город через крепостные ворота своих сообщников из числа новгородских помещиков. В решающий момент при штурме царского дворца в распоряжении заговорщиков оказалось около двухсот-трехсот дворян. Они и осуществили дворцовый переворот.

На рассвете Шуйские, собрав у себя на подворье участников заговора, двинулись через Красную площадь к Кремлю. Бояре приурочили свои действия к моменту, когда во дворце происходила смена ночного караула. По слухам, Яков Маржарет был посвящен в планы заговорщиков и сам отвел от царских покоев внешнюю стражу. Поводом для таких слухов послужило то, что командир первой дворцовой роты по болезни не явился во дворец. Во внутренних покоях оставалось не более тридцати человек стражи. К тому времени стрельцы, стоявшие на карауле у польских казарм, закончили ночное дежурство и были распущены по домам,

По обыкновению Отрепьев встал на заре. Басманов, ночевавший во внутренних покоях, доложил, что ночь прошла спокойно. На Красном крыльце государя поджидал дьяк Власьев. Поговорив с ним, Лжедмитрий ушел в покои, не заметив ничего подозрительного. Стрелецкие караулы несли стражу по всему Кремлю. Они не выказали никакой тревоги, когда в Фроловских воротах появились главные бояре — братья Шуйские и Голицыны, хорошо известные им в лицо. За боярами в ворота ворвались вооруженные заговорщики. Их нападение застало стрельцов врасплох. Стража бежала не оказав сопротивления. Завладев воротами, Шуйский и Голицын велели бить в колокола и поднимать на ноги посад. Не полагаясь на сообщников, Василий Шуйский во весь одор поскакал через Красную площадь к торговым рядам. Горожане спозаранку спешили за продуктами и на рынке собралась уже немалая толпа. По приказу Шуйского ударили в колокола в Ильинской церкви, потом зазвонили в торговых рядах. Заслышан набат, Лжедмитрий послал Басманова спросить, отчего поднялся шум. Дмитрий Шуйский и другие бояре, с утра не спускавшие глаз с самозванца, отвечали ему, что в городе верно, начался пожар.

Между тем звон нарастал. По всему городу забили в «набаты градские», затем ударили в колокола в Успенском соборе. Повсюду слышались крики: «Горит Кремль! В Кремль, в Кремль!» Горожане со всех сторон спешили на Красную площадь. Шум поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схватив оружие, ко дворцу бросилась «литва». Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить опасность. Они обратились к пароду, призывая его бить поганых «латынян», постоять за православную веру. С площади во все стороны поскакали глашатаи, кричавшие во всю глотку: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!» Призывы пали на подготовленную почву. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия парализовала попытки «литвы» оказать помощь гибнущему Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы. Во дворце события развивались своим чередом. На рассвете, повествуют русские сказания, в царские хоромы явился дьяк Тимофей Осипов, перед тем причастившийся как человек, идущий на смерть. Защитник православия совершил подвиг, обличив царя как расстригу - Гришку Отрепьева, еретика и чародея. Эту легенду, призванную освятить мятеж авторитетом человека почти что святой жизни, сочинили сами заговорщики. С их слов ее записал также и Исаак Масса. Но в этой легенде слишком много несообразностей.

Глава заговора Василий Шуйский был человеком трезвым и практичным. Он меньше всего заботился о театральных эффектах в деле, из-за которого мог лишиться головы. Совершенно очевидно, что известный столичному населению дьяк принес бы гораздо больше пользы, обличая самозванца перед народом на площади, чем в спальнях хором, оказавшись с глазу на глаз с царем. Из всего этого можно сделать лишь один

вывод: Осипов проник в спальню царя с более серьезными намерениями, нежели словесные обличения. Как видно, заговорщики, располагая небольшими силами, не были уверены, что им сразу удастся сломить сопротивление Дворцовой стражи. Поэтому они и разработали запасной план действий, выполнить который взялся Осипов. Дьяк должен был потихоньку пробраться в царскую спальню и убить там Лжедмитрия еще до того, как начнется общий штурм дворца. Осипову удалось выполнить только первую часть плана. Как повествует один из царских телохранителей, злоумышленник проник через все караулы (а всего во дворце было пять дверей с караулами) и добрался до спальни, но тут был убит Басмановым. Судя по разным источникам, осипов успел выбрать царя, назвав его недоноском. По русским источникам, он произнес целую речь против еретика и расстриги. На самом деле у него попросту не было времени для такой речи.

Прикончив Осипова, Басманов тут же велел выбросить его труп из окна на площадь. Дьяк вел праведную жизнь, и в народе о нем шла добрая молва. Кровавая расправа во дворце не оставила безучастной толпу, собравшуюся на площади.

Шум на площади усилился, и Лжедмитрий вновь послал Басманова узнать, что происходит. Вернувшись, тот сообщил, что народ требует к себе царя. Самозванец не отважился выйти на крыльцо, но с бердышем в руках высунулся в окно и, потрясая оружием, крикнул: «Я вам не Борис!» В ответ раздалось несколько выстрелов, и Лжедмитрий поспешно отошел от окна.

Басманов пытался спасти положение. Выйдя на Красное крыльцо, где собрались все бояре, он принялся именем царя увещать народ успокоиться и разойтись. Наступил критический момент. Многие люди прибежали ко дворцу, ничего не ведая о заговоре. Тут же находилось немало стрельцов, готовых послушать своего командира. Заговорщики заметили в толпе неуверенность и поспешили положить конец затянувшейся игре. Подойдя сзади к Басманову, Татищев ударил его кинжалом. Другие заговорщики сбросили дергающееся тело с крыльца на площадь. Расправа послужила сигналом к штурму дворца. Толпа ворвалась в сени, и обезоружила копейщиков, Отрепьев заперся во внутренних покоях с пятнадцатью немцами. Шум нарастал. Двери трещали под ударами нападавших. Самозванец рвал на себе волосы. Наконец он бросил оружие и пустился наутек. Подле покоев Марины Отрепьев успел крикнуть: «Сердце мое, измена!» Струсивший царь даже не пытался спасти жену. Из парадных покоев он бежал в баньку (ванную комнату, как называли ее иностранцы). Воспользовавшись затем потайными ходами, самозванец покинул дворец и перебрался, по словам К. Буссова, в «каменный зал». Русские источники уточняют, что царь попал в каменные палаты на «взрубке». Палаты располагались высоко над землей. Но Отрепьеву не приходилось выбирать. Он прыгнул из окна с высоты около двадцати локтей (К. Буссов считал, что окно располагалось на высоте пятнадцати сажен). Обычно ловкий Отрепьев на этот раз мешком рухнул на землю, вывихнул ногу и потерял сознание. Неподалеку от каменных палат стражу в воротах несли верные Лжедмитрию караулы. По словам поляков, царь на его удачу попал в руки «украинских стрельцов», т. е. приведенных с Северной Украины повстанцев, принятых на службу в дворцовую охрану. Фортуна в последний раз повернулась лицом к самозванцу. Придя в себя, Лжедмитрий стал умолять стрельцов «оборонить» его от Шуйских. Слова самозванца обнаруживают, что он знал точно, с какой стороны придет удар. Подняв царя с земли, стрельцы внесли его в ближайшие хоромы. Между тем мятежники, не обнаружив Лжедмитрия во дворце, принялись искать его по всему Кремлю. Вскоре им удалось обнаружить его убежище. Украинские стрельцы были единственными из всей кремлевской стражи, кто пытался выручить самозванца. Они открыли пальбу и застрелили одного-двух дворян-заговорщиков. Но силы были неравные. Толпа заполнила весь двор, а затем ворвалась в покои. Стрельцы сложили оружие.

Попав в руки врагов, Отрепьев понял, что проиграл игру. И все же он продолжал отчаянно цепляться за жизнь. Глядя с земли на окружавшие его знакомые лица, самозванец униженно молил дать ему свидание с матерью или отвести на Лобное место,

чтобы он мог покаяться перед всем народом. Враги были неумолимы. Один из братьев Голицыных отнял у Гришки последнюю надежду на спасение, Он объявил толпе, что Марфа Нагая давно отреклась от Лжедмитрия и не считает его своим сыном. Слова Голицына положили конец колебаниям. Дворяне содрали с поверженного самодержца царское платье. Оттеснив стрельцов, заговорщики окружили плотным кольцом скорчившуюся на полу фигурку. Те, что стояли ближе к Гришке, награждали его тумаками. Те, кому не удавалось протиснуться поближе, осыпали его бранью. «Таких царей у меня хватает дома на конюшне!», «Кто ты такой, сукин сын?»— кричали они наперебой.

Василий Голицын не мог отказать себе в удовольствии наблюдать за расправой над самозванцем. Василий Шуйский вел себя осторожнее. Он понимал, сколь изменчиво настроение народа, и оставался за пределами дворца. Разъезжая по площади перед Красным крыльцом, боярин кричал черни, чтобы она потешилась над вором. Предосторожность Шуйского не была лишней. Даже такие противники Лжедмитрия, как И. Масса, признавали, что самозванец, если бы ему удалось укрыться в толпе, был бы спасен, ибо «народ истребил бы всех вельмож и заговорщиков». Не ведая о заговоре, многие москвичи полагали, что поляки вознамерились умертвить царя, и бросились в Кремль спасать его.

Толпа москвичей продолжала расти, и заговорщики, опасаясь вмешательства народа, решили покончить с самозванцем. После переворота много говорили о том, что первый удар Лжедмитрию нанес то ли дворянин Иван Воейков, то ли сын боярский Григорий Валуев. Однако точнее всех смерть Отрепьева описал Конрад Буссов, служивший в дворцовой охране. По его словам, решительнее всех в толпе, окружившей самозванца, действовал московский купец Мыльник. На повторные просьбы Отрепьева дозволить ему говорить с народом с Лобного места купец закричал: «Нечего давать еретикам оправдываться, вот я дам тебе благословение!» С этими словами он разрядил в него свое ружье. После переворота Василий Шуйский щедро награждал своих сообщников — торговых людей Мыльниковых, пожаловав им столичный двор одного из ближайших фаворитов Лжедмитрия.

Заговорщики спешили довершить дело. Они набросились на окровавленного, бившегося в агонии Отрепьева как стая воронья и продолжали рубить распростертое на полу тело и стрелять в него даже после того, как оно перестало обнаруживать признаки жизни. Страшась народного осуждения, бояре немедленно объявили с Красного крыльца, будто убитый перед смертью сам повинился в том, что он не истинный Дмитрий, а расстрига Григорий Отрепьев. Обнаженный труп царя выбросили из палаты на площадь, а потом поволокли от дворца к терему вдовы Грозного Марфы Нагой. Толпа призвала Марфу к ответу. Старица в страхе отреклась от мнимого сына и назвала убитого вором.

Наемники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Некогда они покинули Лжедмитрия близ границы в самый трудный час. В Москве они проявили не больше желания умереть за того, кто платил им деньги. Лишь немногие пытались пробиться во дворец. Они подверглись избиению. Заодно толпа чинила расправу над чужеземцами, случайно оказавшимися на улице. Толпе помогали иноки и попы. Осажденные в своих домах поляки наблюдали из окон за суетой монахинь. Старицы проворно, сновали в толпе, то и дело кричали: «Бей поганых!»

За рубежом толковали, будто в дни восстания в Москве погибло от одной до двух тысяч человек. Несколько поляков, очевидцев мятежа, составили свои именные списки убитых. Сопоставление этих списков позволяет установить, что жертвами стали двадцать шляхтичей, близких ко двору самозванца, и около четырехсот их слуг и челядинцев. Те же цифры назвали в письмах из Москвы иезуиты из окружения самозванца.

Стрелецкий гарнизон лишился руководства с убийством П. Басманова. Стрелецкие сотни не выполнили приказа об охране польских казарм, но они не участвовали в уличных избиениях, как и дворянские отряды. Данные о потерях служат тому доказательством. На

польские дворы напала неорганизованная, вооруженная чем попало уличная толпа. В столкновении с нападавшими наемные солдаты перебили около трехсот москвичей. Раненых было значительно больше. Подняв посадских людей на «латынян», бояре-заговорщики спровоцировали неслыханное кровопролитие.

В резне повинны были не одни бояре, но и король Сигизмунд III, который давно поддерживал тайные сношения с заговорщиками в России и, по-видимому, использовал миссию посла А. Гонсевского в Москву, чтобы ускорить решительную развязку. В свите Мнишеков было немало фрондеров, противников короля. Судьба их мало тревожила королевских послов. Авторы иностранных записок указали на это с полной определенностью. Когда несколько поляков, прибывших с Мишеками, постучали в ворота посольского двора и слезно просили спасти их от неминуемой смерти, Гонсевский ответил им отказом. Послы и их свита не понесли ущерба. Василий Шуйский и другие заговорщики позаботились о том, чтобы уберечь членов посольства от нападений. Сразу после переворота они прислали войска для их охраны. Затеявая самозванче-скую интригу, Мишеки мечтали завладеть сказочными богатствами московской короны. Посеявши ветер, они пожали бурю. Не одни Мишеки, но и вся их родня были ограблены до нитки. Поляки из окружения Марины с удивлением отмечали, что Юрий Мишек печалится о смерти «Дмитрия» куда больше, чем его дочь. Московская царица в те дни громко сетовала на то, что у нее отняли любимого арапчонка.

Как только самозванец был убит, бояре поспешили прекратить кровопролитие и навести порядок на улицах столицы.

Бояре предали Лжедмитрия неслыханному поруганию. Его нагое тело выволокли из Кремля и бросили в грязь посреди рынка на том самом месте, где годом раньше палач должен был обезглавить Шуйского. Рядом с самозванцем положили труп боярина Басманова. Народ теснился подле убитых с утра до ночи. Тогда власти распорядились принести из торговых рядов прилавков длиной около аршина и положить на него царя, чтобы народ мог лучше его рассмотреть. Тело боярина Басманова осталось на земле под прилавком. Исаак Масса побывал на площади и имел возможность разглядеть «Дмитрия». Он вблизи видел его раздробленный череп и насчитал на теле двадцать ран. Не одни поляки утверждали, что в нарвде сожалели о смерти царя. Враг самозванца И. Масса видел своими глазами, как некоторые москвичи; находившиеся в толпе, искренне плакали. Чтобы искоренить в народе сочувствие к Лжедмитрию, бояре посмертно подвергли его торговой казни. Выехавшие из Кремля дворяне хлестали труп кнутом, приговаривая, что убитый вор и изменник — Гришка Отрепьев. Во дворце были найдены маски и костюмы, заготовленные для маскарада. Самую безобразную «харю» (маску) привезли на торг и бросили на вспоротый живот Лжедмитрия, в рот ему сунули дудку. Народу было объявлено, что еретик и чародей Гришка поклонялся тому самому идолу — нагло смеющейся «харе», которую нашли под царской постелью во дворце, а теперь положили на его тело. По слухам, на площадь был приведен г. брат Отрепьева, весьма похожий на убитого царя. На другой день после переворота дьяки зачитали народу историю жизни Григория Отрепьева, дословно совпадавшую с посольским наказом, составленным при Борисе Годунове. «Жизнь свою от юности,— объявляли они,— Гришка проводил в бездельничестве, играл в карты и кости», потом постригся в чернецы и пр.

Со временем во дворце был найден тайник, в котором ЛжеДмитрий хранил секретные договоры с Сигизмундом III и Мнишеком, переписку с папой римским и иезуитами. Бояре тотчас объявили об этой находке народу, хотя они и не сразу разобрались в содержании документов, требовавших перевода. Тайник был указан Яном Бучинским, попавшим в руки мятежников при штурме дворца. В страхе за свою жизнь главный секретарь готов был подтвердить клевету, которую бояре давно распускали по городу. «Дмитрий», заявил он, велел вывезти весь московский наряд (пушки) за посад, чтобы во время стрельб «литва» могла перебить всех бояр и «лучших» дворян. (В грамоте к уездным городам список жертв был расширен: к боярам прибавлены приказные люди,

купцы и «лучшие» посадские люди. Провинция могла поверить чему угодно, но в столице такая откровенная ложь не могла пройти.) Истребив бояр, расстрига, по свидетельству Бучинского, намеревался «разорить веру» и ввести «люторство и латинство» (католичество). Показания Бучинского оправдывали мятеж бояр, преступивших присягу на кресте. По этой причине они заняли непомерно большое место в обвинительных грамотах Шуйского.

После убийства Лжедмитрия бояре заседали в Кремле всю ночь, до рассвета. Торг из-за власти длился три дня. При жизни Отрепьева бояре-заговорщики тайно обещали царскую корону Владиславу, сыну короля Сигизмунда III. Избиение польских наемников в Москве присело к тому, что вопрос о передаче трона королевичу-иноверцу отпал сам собой. Борьба за власть в любой момент грозила вызвать смуту. «Почал на Москве мятеж быти во многих боярех,— записал современник,— а захотели многие на царство». Корону оспаривали Шуйские и Голицыны, Мстиславский, и Романовы. Аристократия спешила использовать междуцарствие, чтобы в ущерб интересам государства расширить свои привилегии и доходы. «Из знатнейших,— отметил польский очевидец,— каждый желал государствовать: самым последним, в свою очередь, хотелось быть участниками царских доходов, почему склонялись к той мысли, чтобы царство было разделено на разные княжества»⁸.

В конце концов троп достался боярину Василию Шуйскому. Инициаторами его избрания, по словам А. Палицына, выступили «малые некий от царских палат»— младшие члены думы, не посчитавшиеся с мнением вельмож. По свидетельству И. Тимофеева, более всех других успехов В. Шуйского способствовал окольный Михаил Татищев: боярин Василий Иванович воцарился так «спешне, елико возможе того (Татищева.—*Р. С.*) скорость». Трое братьев Шуйских, их племянник Скопин, Крюк Колычев, Головин, Татищев, купцы Мыльниковы, крутицкий митрополит Пафнутий собрались на подворье Шуйских, составили грамоту об избрании на царство князя Василия и отвели его на Лобное место для представления народу. Среди столичного торгового населения у Шуйских было много сторонников. Эта обстоятельство помогло им и в дни мятежа, и в дни царского избрания. На вопрос, достоин ли Шуйский — известный страдалец за православие — царствовать, москвичи ответили возгласами одобрения. Как записал в своей Хронике К. Буссов, Шуйский утвердился на тропе «только волею жителей Москвы: всех атих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там (на площади — *Р. С.*) князей и бояр». Планы созыва избирательного Земского собора не были осуществлены. При царе Федоре бояре и князья церкви судили князя Василия за измену и отправили его в ссылку. При царе Борисе Шуйский подвергся новым преследованиям, а Игнатий Татищев (будущий приспешник князя Василия), даже рукоприкладствовал, бил его при народе. При Лжедмитрии I дума и церковные иерархии приговорили Шуйского к смертной казни. Князь Василий не стал созывать Земский собор, потому что руководство любым собором осуществляли дума и священный собор, где преобладали противники нового царя. Князь Василий, подобно Борису Годунову, вынужден был апеллировать к народу, чтобы преодолеть сопротивление бояр и князей церкви. К тому же Шуйский считал себя государем по праву рождения. В тексте присяги князю Василию подчеркивалось, что все его прародители — от Рюрика до Александра Невского — испокон века «сидели на Российском государстве». В действительности Шуйские вели свой род от младшего брата Александра Невского, но царю нужно было имя самого популярного из древнерусских князей.

При восшествии на трон, Шуйский обещал никому не мстить за старые обиды; но своей клятвы не выполнил. Самые видные из приверженцев и друзей Отрепьева лишились чинов и были высланы из столицы в провинцию.

В день избрания царь Василий велел убрать Лжедмитрия с площади. Труп привязали к лошади, выволокли в поле и там закопали у обочины дороги. Князь Иван

Голицын испросил у думы особой милости: разрешения похоронить брата, Петра Басманова, в церковной ограде на дворе Басмановых.

Настроения народа были переменчивыми. В день переворота боярам удалось использовать выступления посадских людей в своих целях. Народ был утрашен жестоким убийством царя. Но вскоре положение стало меняться. Прошло несколько дней после мятежа, отметил Я. Маржарет, а в городе слышен был лишь ропот; одни плакали, горевали, а другие, наоборот, радовались. Перемена в народных настроениях привела к тому, что столицу захлестнули слухи о зловещих знамениях. Когда труп «Дмитрия» везли через крепостные ворота, налетевшая буря сорвала с них верх. Потом грянули холода, и вся зелень в городе пожухла. Подле ямы, ставшей последним прибежищем Отрепьева, люди видели голубые огни, поднявшиеся прямо из земли,

Духовенство было встревожено этими толками и долго совещалось, как бы вернее покончить с мертвым колдуном и чародеем. По совету монахов труп Лжедмитрия выкопали из ямы, в последний раз протащили по улицам города, после чего доставили в село Котлы к югу от Москвы и там сожгли. Новый царь желал убедить народ, будто Лжедмитрий намеревался истребить бояр во время военных потех у подвижной крепости, на стенах которой были намалеваны черти, и потому названной москвичами «адам». По этой причине тело самозванца было сожжено вместе с «адам».

Каким бы посмертным унижениям не подвергали Отрепьева власть предержавшие, народ не желал верить в смерть «доброего» законного царя. Толки о том, что он спасся от «лихих» бояр не прекращались ни на один день. Через неделю после переворота на улицах столицы появились подметные письма, якобы составленные самим Дмитрием. «Прелестные листы» были прибиты на воротах многих боярских дворов. Поистине «бессмертный» царевич объявлял своим подданным, что ушел от убийства и сам «бог его от изменников спас».

В воскресный день 25 мая в Москве произошли волнения. Народ требовал от бояр ответа, почему умерщвлен государь. Приверженцы «Дмитрия» собрали на Красной площади огромную толпу. Капитан дворцовой стражи Я. Маржарет свидетельствует, что Шуйскому грозила смертельная опасность: если бы он, ничего не ведая, вышел на площадь, он «подвергся бы такой же опасности, как и Дмитрий». Однако верные люди предупредили царя Василия, и он затворился в Кремле. Собрав оказавшихся под рукой бояр и приказав привести вожаков толпы, Василий дал волю слезам и пригрозил думе, что отречется от трона. В подтверждение своих слов он снял царскую шапку и сложил посох. Угроза произвела впечатление. Собравшиеся выразили покорность. Тогда Шуйский проворно подхватил посох и объявил, что намерен примерно наказать виновных.

Власти использовали розыск, чтобы скомпрометировать соперников Шуйского в борьбе за трон. Было официально объявлено, что зачинщики мятежа намеревались передать корону Мстиславскому. М. Ф. Нагой, родня Мстиславского, лишился высшего боярского титула конюшего, пятеро других «сообщников» подверглись торговой казни. Их вывели на рыночную площадь и наказали кнутом.

Филарета Романова после переворота нарекли патриархом. Следствие о мятеже дало Шуйскому повод пересмотреть решение об избрании Романова на пост главы церкви. Филарета обвинили в том, что он был якобы причастен к составлению подметных писем от имени Дмитрия.

В дни розыска Романова не было в столице. Царь Василий предусмотрительно удалил его из Москвы, отправив за мощами царевича Дмитрия в Углич. Первоначально власти предполагали провести царскую коронацию после посвящения в сан патриарха Филарета и торжественного захоронения в Архангельском соборе останков подлинного сына Грозного. Напуганный волнениями, Шуйский велел короновать себя за три дня до возвращения Романова из Углича. Коронация прошла без особой пышности, «в присутствии более черни, чем благородных». Многие знатные дворяне не успели прибыть из провинции в столицу.

Отрепьев замыслил извлечь из земли прах Дмитрия Угличского, что ускорило его гибель. Шуйский осуществил замысел самозванца, но придал ему совсем иное значение. На третий день после коронации Романов доставил из Углича останки Дмитрия. Государь и бояре отправились пешком в поле, чтобы встретить за городом мощи истинного сына Грозного. Царя сопровождало духовенство и внушительная толпа москвичей. Марфе Нагой довелось в последний раз увидеть сына, вернее то, что осталось от него. Потрясенная вдова Грозного не могла произнести слов, которых от нее ждали. Чтобы спасти положение, царь Василий сам возгласил, что привезенное тело и есть мощи истинного Дмитрия. Ни молчание царицы, ни речь Шуйского не тронули народ. Москвичи не забыли о трогательной встрече Марии Нагой с «живым сыном». И князь Василий и Нагая слишком много лгали и лицедействовали, чтобы можно было поверить им снова.

Едва Шуйский произнес нужные слова, носилки с трупом поспешно закрыли. Процессия после некоторой заминки развернулась и проследовала на Красную площадь. Гроб с покойным Дмитрием некоторое время стоял на Лобном месте, а затем его перенесли в Архангельский собор, куда были допущены одни бояре и епископы.

Церковь надеялась заглушить слухи о знамениях над трупом Отрепьева чудесами нового великомученика. Гроб Дмитрия был выставлен на всеобщее обозрение. Некогда Шуйский клялся, что Дмитрий зарезал себя нечаянно, играя ножичком. Самоубийца не мог быть святым, и власти выдвинули новую версию, На мощи царевича положили свежие орешки, испачканные кровью. Всяк мог видеть своими глазами, что будущий мученик в момент смерти играл орешками, а не ножичком.

Благочестивые русские писатели с восторгом описывали чудеса, творившиеся у гроба дивного младенца: в первый же день исцеление получили тринадцать больных, во второй — двенадцать и пр. Однако находившиеся в Москве иноземцы утверждали, что исцеленные калеки были обманщики и пришлые бродяги, подкупленные людьми Шуйского. При каждом новом чуде в городе били в колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Паломничество в Кремль напоминало реку в половодье. Огромные толпы народа теснились у дверей Архангельского собора. Царская канцелярия поспешила составить грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского. Грамоту многократно читали в столичных церквях.

Стремясь завоевать симпатии столичного населения, Шуйский решил потревожить также прах Годуновых. По решению думы и духовенства, их тела выкопали из ямы в ограде убогого Варсонофьева монастыря и отправили для торжественного захоронения в Троице-Сергиев монастырь. Двадцать троюских монахов несли их гробы по улицам столицы. В траурной процессии участвовали бояре. Они отдали последний долг свергнутой династии. Ксения Годунова, облаченная в черное монашеское платье, шла за гробом отца, рыдая и громко жалуясь на свою несчастную судьбу. «Ах, горе мне, одинокой сироте, — причитала она, — злодей, назвавшийся Дмитрием, обманщик, погубил моих родных, любимых отца, мать и брата, сам он в могиле, но и мертвый он терзает русское царство, буди его бог!»

Агитация против расстриги произвела впечатление на столичное население; но брожение в народе не прекращалось. В самый день перенесения в Москву мощей Дмитрия, как только царь Василий оказался среди бесчисленной толпы, он, по словам Я. Маржарета, вторично подвергся опасности и едва не был побит камнями. Царя спасло присутствие множества дворян. Обретение нового святого внесло успокоение в умы, но ненадолго. Недруги Василия позаботились о том, чтобы испортить его игру. Они притащили в собор тяжело больного, находившегося при последнем издыхании, и тот умер прямо у гроба Дмитрия. Толпа в ужасе отхлынула от дверей собора, едва умершего вынесли на площадь. Многие стали догадываться об обмане, и тогда власти закрыли доступ к гробу царевича. Колокола смолкли.

Недовольство в народе и в служилой среде, распри в думе делали положение новой династии крайне непрочным. По словам современников, на стороне царя Василия

выступали дворяне из Москвы, Новгорода и Смоленска. Новгородские дворяне, вызванные в Москву по случаю азовского похода, приняли участие в перевороте на стороне Шуйских и прочих заговорщиков. Смоленские дворяне, как и новгородцы, выразили преданность новому государю. Но в целом в русской армии царил такой же разброд, как и повсюду. Наибольшей популярностью Лжедмитрий I пользовался среди мелких помещиков из южных уездов, поддержавших его дело с первых дней гражданской войны. Неудивительно, что в их среде переворот вызвал наибольшее негодование. В одном из списков «Сказания о Гришке Отрепьеве», найденном недавно И. П. Кулаковой, рассказ о присяге Шуйскому завершается словами: «...а черпиговцы, и путимцы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские города за царя Василья креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас-де царевич Дмитрий Иванович жив». Воинские люди и жители Путивля, Чернигова, Кром, так же, как и крестьяне Комарицкой волости, составляли ядро повстанческой армии, с которой самозванец вступил в Москву. Как и почему они вновь оказались в Москве в самые последние дни правления Лжедмитрия I? Напомним, что в те дни Отрепьев отправил гонцов к самозванному царевичу, Петру и вольным казакам, поднявшим мятеж, в Поволжье, с приказом спешить в столицу. По-видимому, те же самые причины побудили Лжедмитрия вызвать в Москву преданные ему отряды из северских городов. Факты подтверждают это. 17 мая стрельцы из северских городов несли караулы подле дворца. Их вмешательство едва не спасло самозванцу жизнь.

Многие считали, будто Отрепьев стал жертвой собственной беспечности и ослепления. Приведенные данные опровергают это мнение. Оказавшись лицом к лицу с могущественной боярской аристократией, Лжедмитрий I, по-видимому, осознал, что ему не избежать прямого столкновения с оппозицией, и лихорадочно искал силы, которые бы помогли ему разгромить боярство. При таких обстоятельствах он и вспомнил о своем старом повстанческом войске.

Сведения о военном мятеже против Шуйского находят подтверждение в Записках Я. Маржарета, одного из лучших мемуаристов Смутного времени. После избрания Шуйского, записал Маржарет, взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, «перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов». Вероятно, в число главных городов на татарской границе входили Тула и Рязань. В выступлении против Шуйского рязанцы сыграли самую активную роль. Восстание в воинских частях и гарнизонах имело важные последствия.

Смута явилась первой в русской истории гражданской войной. Ее первый взрыв доставил власть Лжедмитрию I. Утверждение, будто самозванец вззошел на трон благодаря крестьянским восстаниям, а затем в период своего недолгого правления готовил почву для восстановления Юрьева дня и уничтожения крепостной неволи крестьян, относится к числу историографических мифов. Таким же мифом является тезис, согласно которому крестьянская война началась в 1602—1603 годах, а события 1604—1606 годов — лишь второй этап этой войны. Решающую роль в свержении выборной земской династии Годуновых сыграли не крестьянские выступления, а мятеж служилых людей под Кромами и восстание столичного гарнизона и населения Москвы в июне 1605 года. То был единственный случай в русской истории, когда царь в лице Лжедмитрия I получил власть из рук восставших. Однако никакого заметного влияния на структуру русского общества и его политическое развитие этот факт не оказал. Выходец из мелкопоместной дворянской семьи, бывший боярский холоп, монах-расстрига Юрий Отрепьев, приняв титул императора всея Руси, сохранил в неприкосновенности все социально-политические порядки и институты. Его политика носила такой же продворянский характер, как и политика Бориса Годунова. Его меры в отношении крестьян отвечали интересам крепостников-помещиков. Однако кратковременное правление Лжедмитрия не разрушило веру в доброго царя. До появления самозванца в России в источниках невозможно найти следы идеи пришествия «доброего царя-избавителя». Зато вскоре после переворота по всей

России распространились ожидания и вера в возвращение «доброе царя», свергнутого злыми боярами. Эту веру разделяли люди из самых разных слоев общества.

Первый русский император лишился власти и жизни в результате дворцового переворота, организованного боярскими заговорщиками. Едва на трон взошел боярин Василий Шуйский, по всей стране распространилась весть о том, что «лихие» бояре пытались убить «доброе государя», но тот вторично спасся и ждет помощи от своего народа. Массовые восстания на южной окраине государства положили начало новому этапу гражданской войны, ознаменовавшемуся высшим подъемом борьбы угнетенных низов. В стране, охваченной огнем гражданской войны, появились новые самозванцы. Но ни одному из них не довелось сыграть такую же роль в истории Смуты, какую сыграл Юрий Богданович Отрепьев.

Примечания

Введение

1 Платонов С. Ф. Вопрос о происхождении первого Лже-Дмитрия II Статья по русской истории.— СПб, 1912.— С. 276.

2 Ключевский В. О. Курс русской истории.— М., 1916.— .4. 3.— С. 32, 36.

3 Смирнов И. И. Восстание Болотникова. — М., 1951. — С. 491, 498; Зимин А. А. Вопросы истории Крестьянской войны в России в начало XVII в. // Вопросы истории. — 1958. — № 3. — С. 99.

4 Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. — М., 1975. — С. 310.

6 Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды (XVII -XIX вв.).- М., 1975.- С. 26-30.

6 Perrie M. The image of Ivan the Terrible in Russian folklore.— L., 1987.

7 Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников.— Л., 1988.

Глава 1. Конец законной династии

1. Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия.— М., 1913,— Ч. 1; Богданов А. П. Кто писал угличский обыск о смерти царевича Дмитрия? / Советские архивы.— 1984. — № 3. А. П. Богданов обнаружил в тексте подлинного обыска 13 почерков, установив при этом, что основную работу провели семь человек и за единственным исключением все они могут быть идентифицированы с определенными лицами из тогдашнего приказного мира.

2 Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия.— М., 1913.— Ч. 2.— Л. 13.

3 Там же.— Л. 26.

4 Там же.- Л. И, 15, 40, 46. .

Глава 2. Розыск о самозванце

1 Русский архив.— 1910.— № 11.— С. 41, 3 Маржарет Я. Записки капитана Маржарета / Россия начала XVII в.— М., 1982,— С. 190.

3 Сказание Авраамия Палицыпа. — М.; Л., 1955. -51- С. 111,

4 Сб, РИО.— СПб, 1912.— Т. 137.— С. 176.

5 ЦГАДА, 3/А, № 28.

6 ААЭ.— СПб, 1832.— Т. 2.— С. 78—79.

7 Сб. РИО.— Т. 137.— С. 247, 319.

8 ЧОЦДР.— М., 1847.— Кн. 9.— С. 3—4.

9 РИБ.— Спб, 1909.— Т. 13.— Стб. 638.

Глава 3. Жизнь Юрия Отрепьева

- 1 ЦГАДА, ф. 146, № 7. 1601 г., л. 30.
- 2 ГИБ, РО, ф. 7 (фонд Ф.. Адслуига), № 193, л. 37,
- 3 Там же. .
- 4 Сб. РИО.— Т. 137.— С. 247
- 5 Там же.—С. 193—194.
- 6 ААЭ.— Т. 2.— С. 79.

Глава 4, Похождения в Литве

- 1 Кушсва Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Учен. зап. Сарат. гос. ун-та. — 1926.— Т. 5, вып. 2.— С. 58. Основные списки «Извета» см : БАН, ОР, 34.8.25; Архив ЛОНИ АН СССР, кол. 238, оп. 1-, № 137.
- 2 Добротворский А. Кто был первый Лжедмитрий? // Вестник Западной России.— Вильно, 1866.—Т. 2, кн. 6.—С. 96.
- 3 Доклад А. Вишневецкого (1603 г.) // Nowakowski F.K. Zrodla do Dziejow Polski.— Berlin 1842.— Т. 2.

Глава 5. Рождение интриги

- 1 Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. XVI—XVII вв.—М., 1910.—С. 238.
- 2 ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 14.— С. 59.
- 3 Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907.—С. 1.
- 4 Старина и новизна.—М., 1911.—Кн. 14.—С. 427. е,
- 5 ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 22, л. 129, 134, 134 об.

Глава 6. Правление Годунова

- 1 Буссов К. Московская хроника.—М.; Л., 1961.—С. 84.
- 2 Старина и новизна.— Кн. 14.— С. 332—333.
- 3 ЦГАДА, ф. 96 (Сношения России со Швецией), кн. 16, л. 533.
- 4 Повесть 1626 г. // РИБ.—Спб, 1909.—Т. 13 —С. 708.
- 6 Путешествие сэра Еремея Горсея / ЧОИДР.—М., 1877.- Кн! 1, отд. IV.—С. 101—102.
- 6 Сборник материалов по русской истории начала XVII в. Спб, 1996.— С. 34.
- 7 Гюльденстерн А. Путешествие герцога Ганса // ЧОИДР.- М, 1911.- Кн. 3, отд. II.- С. 60.
- 8 Маржарет Я. Записки...—С. 188; Сказание Авраамля Палицына.— С. 106.
- 9 Памятники русского права.— М., 1956.— Вып. 4,— С. 541,
- 10 Там же,— С. 542.
- 11 Бычков А. Ф. Описание сборников Публичной библиотеки.— Спб, 1882.— Ч. 1.— С. 468.
- 12 Разрядная книга 1598—1638 гг.-М., 1974.—С. 153.

Глава 7. Вероотступник

- 1 Старина и новизна.— Кн. 14.— С. 413.
- 2 Там же,-С. 431; Русская старина.—1908, май,—С. 442.

- 3 СГГД.—М., 1818.-Ч. 2.—С. 294.
- 4 Сб. РИО.-Т. 137.-С. 577.,
- 5 БАИ, ОР, 34.8.25, л. 523 об.
- 6 Старина и новизна.— Кн. 14.— С. 444.
- 7 СГГД.—Ч. 2.—С. 161—162.
- 8 РИБ,- Спб., 1872.- Т. 1.- Стб. 366.

Глава 8. Вторжение

- 1 ПСРЛ.—Т. 14,—С. 61—62; Белокуров С. А. Разрядные записи...—С. 191.
- 2 Киевская старина.— 1899, январь.— С. 13.
- 3 Реляция Петра Петрея о России начала XVII в.— М., 1976.— С. 87; Маеса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в.—М., 1937.—С. 83; Разрядная книга 1598—1638 гг.— С. 178; Белокуров С. А. Разрядные записи...— С. 2; ПСРЛ.— Т. 14.-С. 62; РИБ.—Т. 13.-Стб. 571, 724.
- 4 Львовская историческая библиотека АН СССР, ф. Оссо« пинских, № 5998/111, копия А. Гйршберга, л. 79 об.
- 5 Белокуров С. А. Разрядные записи...— С. 238.
- 6 РИБ.— Т. 1.— Стб. .382—383.
- 7 Маржарет Я. Записки...— С. 192.
- 8 Буссов К. Московская хроника.— С. 102. РИБ.-Т, 13.-С. 34-35.

Глава 9. Мятеж в степных городах

- 1 Пирлинг П. Дмитрий Самозванец.—М., 1912.—С. 171.
- 2 Pierling P. Rome et Demetrius.— Р., 1878.— 5. 204.
- 3 Белокуров С. А. Разрядные записи...— С. 5.

Глава 10. В путивльском лагере

- 1 РИБ.- Т. 13.- Стб. 35-36.
- 2 Сб. РИО.—Т. 137.—С. 585.
- 3 Библиотека Вроцлавского университета, ф. Оссолинских, № 2284, л. 149.
- 4 РИБ.—Т. 1.—Стб. 16—17. - ААЭ.— Т. 2.— С. 76.
- 6 Pierling P. Rome et Demetrius.— 5. 205.
- 7 Маржарет Я. Записки...—С. 210.

Глава 11. Конец царствования Бориса

- 1 Масса И. Краткое известие...— С. 79.
- 2 Маржарет Я. Записки...— С. 191—193.
- 3 Biblioteka Warszawska.- 1896.- Т. 3,- 5. 425-426.
- 4 Смит Т. Путешествие сэра Т. Смита.—Спб, 1893.—С. 60.
- 5 Масса И. Краткое известие...—С. 82; Буссов К. Московская хроника.— С. 100.
- 6 Карелия: Сб. документов.— Петрозаводск, 1948.— С. 15; Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 г.— Спб, 1858.— С. 205—206.
- 7 ПСРЛ.— Т. 14.— С. 63.
- 8 Попов А. Избранник.— М., 1869.— С. 290. » ПСРЛ.-М., 1978.-Т. 34.-С. 56. 10 Смит Т. Путешествие...— С. 56.

Глава 12. Мятеж под Кромами

- 1 Опись архива Посольского приказа 1626 г.-т М., 1977.— Ч. 1.-С. 316.
- 2 СГГД.-Ч. 2.—С. 191—193.
- 8 Масса И. Краткое известие...— С. 99.
- 4 Русский исторический сборник.— М., 1838.— Т. 2.— С. 268.
- 6 Пирлинг П. Дмитрий Самозванец.— С. 200.
- 6 Масса И. Краткое известие...— С. 100.
- 7 Белокуров С. А. Разрядные записи...— С. 200.
- 8 РИБ.— Т. 1.— Стб. 396—397.
- 9 Масса И. Краткое известие...— С. 103.
- 10 Разрядная книга 1550—1636 гг.— М., 1976.— Т. 2, вып. 1.— С. 226.
- 11 ПСРЛ.— Т. 14.— С. 64.

Глава 13. Переворот в столице

- 1 Масса И. Краткое известие...— С. 106; ПСРЛ.— Т. 14,— С. 65; Т. 34.-С. 206.
- 2 Маржарет Я. Записки...— С. 196.
- 3 ПСРЛ.—Т. 34.—С. 206, 242.
- 4 Там же.— Т. 14.- С. 64—65.
- 5 ААЭ.-Т. 2.—С. 90—91.
- 6 Буссов К. Московская хроника.— С. 109; Разрядная книга 1550—1636 гг.—Т. 2, вып. 1.—С. '227.
- 7 Маржарет Я. Записки...— С. 196.
- 8 Старина и новизна.— Кн. 14.— С. 533.
- 8 Разрядная книга 1550—1636 гг.—Т. 2, вып. 1.—С. 227,
- 10 ПСРЛ.-Т. 14.-С. 65.
- 11 Смит Т. Путешествие...—С. 81—82.

Глава 14. Бояре и самозванец

- 1 Смит Т. Путешествие...— С. 82—83.
- 2 ПСРЛ.—Т. 14.—С. 65.
- 3 СГГД.- Ч. 2.— С. 202.
- 4 Буссов К. Московская хроника.— С. 107.
- 5 Смит Т. Путешествие...— С. 78.
- 6 ААЭ.—Т. 2.—С. 154.
- 7 Масса И. Краткое известие...—С. 112.
- 8 Немоевский С. Записки // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву.— И., 1907.-Ч Вып. 6.— С. 115.
- 9 Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты...— С. 273.

Глава 15. Правление Лжедмитрия

- 1 Акты, относящиеся к истории Западной России.— Спб, 1851.—Т. 4.—С. 300; Немоснгий С. Записки.—С. 151, 213; Сб. РИО.-Т. 137.-С. 182-183.
- 2 Старина и новизна.—Кн. 14.—С. 264.
- 3 ЦГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), ко. 11, л. 493.'
- 4 Немоевский С. Записки.— С. 100.
- 5 Маржарет Я. Записки...— С. 203,

Глава 16. Боярский заговор

- 1 Реляция Петра Петрея...—С. 99—100.
- 2 Жолкевский С. Записки о Московской войне,—Спб, 1871.— С. 10.
- 3 Старина и новизна.— Кн. 14.— С. 444.
- 4 СГГД.- Ч. 2.- С. 243.

Глава 17. Гибель самозванца

- 1 Буссов К. Московская хроника.—С. 132.
- 2 ААЭ.—Т. 2,- С. 137.
- 3 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом.— М., 1889.— Вып. 1.—С. 513.
- 4 Новый летописец по списку Оболенского.— М., 1853.— С. 78.
- 5 ААЭ. Т. 2.-С. 175.
- 6 Масса И. Записки...— С. 150.
- 7 Немоевский С. Записки.— С. 75.
- 8 Там же.— С. 102.

Список литературы

- Буганов В. И. Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв.- М., 1976.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев.— М., 1969.
- Греков Б. Д. Крестьяне на Руси.— М., 1954.— Кн. 2.
- Карамзин П. М. История Российского государства,— Спб, 1824. Т. 10
- Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории / Соч. -М., 1957.-Т. 3.
- Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России.— М., 1975.
- Костомаров П. И. Смутное время в Московском государстве.— Спб, 1883.—Т. 3.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси.— М., 1970.
- Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. // Вопросы истории,— 1971.—№ 2.
- Пирлинг П. Дмитрий Самозванец.— М., 1912.
- Платонов С. Ф. Лекции по русской истории.— Пг.,— 1915.
- Платонов С. Ф. Борис Годунов.— Пг., 1921.
- Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI —XVII вв.—М., 1937.
- Скрынников Р. Г. Россия после опричнины.— Л., 1975. Скрышшков Р. Г. Россия накануне «смутного времени».— М., 1985.
- Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в.—Л., 1985.
- Смирнов П. А. Россия и Турция в XVI —XVII вв.— 1946.—Т. 1.
- Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.—М.; Л., 1947.—Ч. 1.
- Соловьев С. М. История России,— М., 1960,— Т. 7—8, кн. 4.
- Татищев В. П. История российская.— Л., 1968.— Т. 7.
- Тихомиров М. П. Российское государство XV — XVII вв.— М., 1973.
- Флоря Б. П. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.— М., 1973.
- Флоря Б. П. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI —начале XVII в.—М.; 1978.
- Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI -XVII вв.—М., 1978.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды (XVII - XIXв.).-М., 1967.

Список сокращений

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией
БАН — Библиотека Академии наук СССР
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РИО — Русское историческое общество
РО — Рукописный отдел
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете